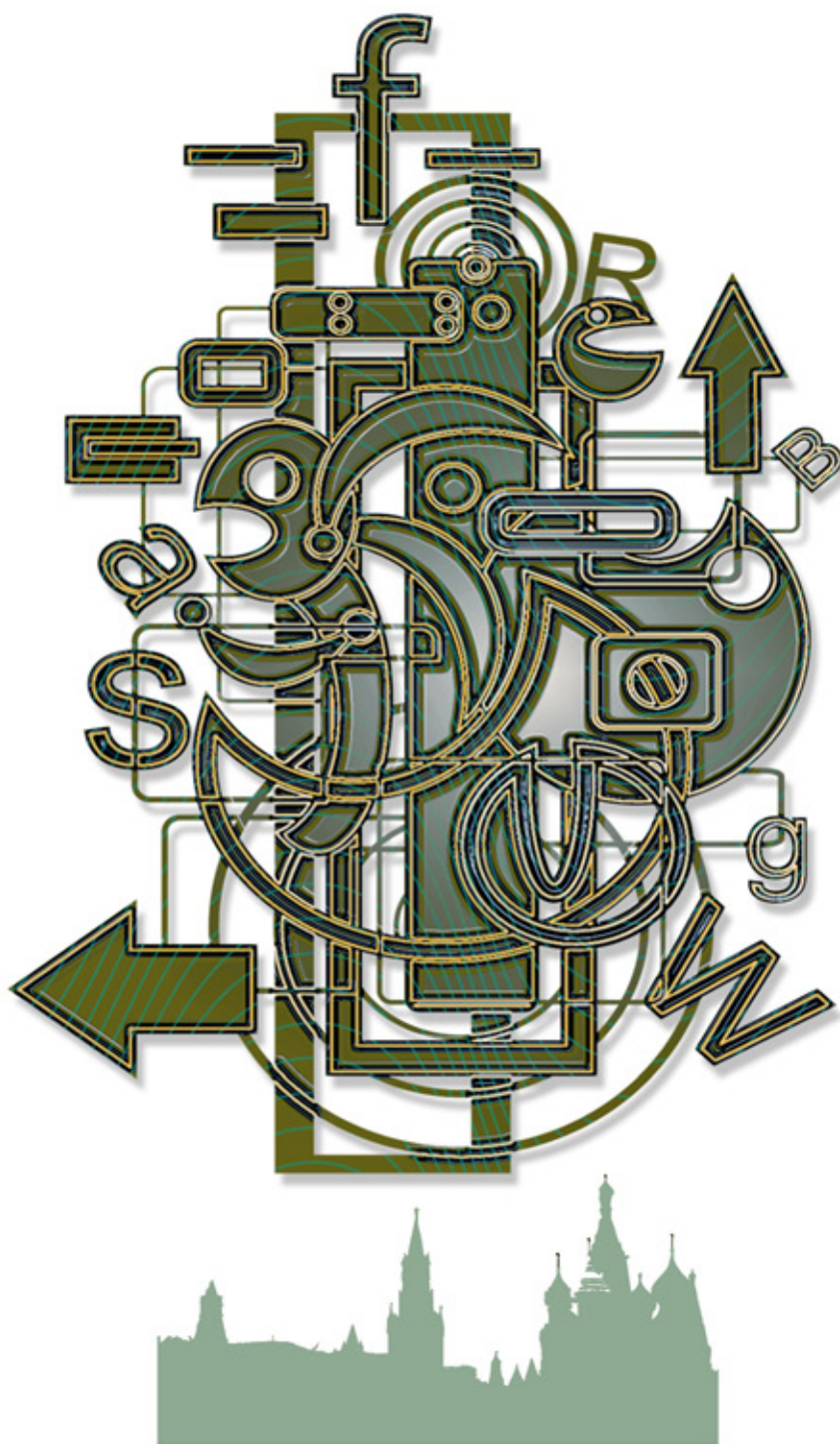

Международная заочная научная конференция

«Филология и лингвистика в современном обществе»

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
Ф54

Редакционная коллегия сборника:

*М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов, М.Г. Комогорцев,
В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, А.В. Котляров, А.С. Яхина*

Ответственный редактор: *О.А. Шульга*

Филология и лингвистика в современном обществе: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). — М.: Буки-Веди, 2012. — vi, 130 с.
ISBN 978-5-4253-0394-3

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «Филология и лингвистика в современном обществе».

Рассматриваются общие вопросы литературоведения, вопросы истории литературы, народного творчества, художественной литературы, а также проблемы общего и прикладного языкознания и массовой коммуникации.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ**Владимирова С.В., Костоломова Н.В.**

Роль заимствований в создании литературного портрета персонажей1

Ивлиева П.Д.

Деконструктивизм как часть семантического поля литературоведения4

Таирова С.З.

Связь мениппеи и романистики в теориях М.М. Бахтина6

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Зейналов А.Е.

Родина Ноя – Нахчыван.9

Кокурина М.В.

Мотив «вечного возвращения» в лирике Ф. Сологуба. 13

Латыйпова Л.Т.

Самоубийство как бунт против божественной воли в поэзии И. Игнатьева и В. Маяковского15

Туйчиева Г.

Среднеазиатские ученые и развитие арузоведения 18

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Мохаммад-заде Ш.Г., Мехтиханлы С.Г.

Коранические фразеологизмы и их выражение на персидском и русском языках21

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александров И.Н.Духовно-нравственное осмысление Великой Отечественной войны в дневниках М.М. Пришвина
40-х – 50-х годов. 24**Викторина Т.В.**Ключевое слово *любовь* в романе А.И. Куприна «Колесо времени» 26**Вилесова М.Л.**

Особенности создания женских образов в ранней прозе Б.К. Зайцева 28

Дунина Е.В.

Коллизия греха и покаяния в рассказе А.П. Чехова «Случай из практики» 30

Кузьмина Е.О.Метафизическая сущность «авось», «небось» и «как-нибудь» как средство выражения ментальности
русского народа (на материале сказки С. Кржижановского «Когда рак свистнет») 33**Лю Гопин**

О структуре художественного образа (на материале романа А. Рекемчука «Нежный возраст») 38

Самсонова А.И. Христианская концепция хронотопа в романе Дж. Макдональда «Лилит»	40
Самсонова Е.Н. Компаратив как специфическая форма присутствия автора в художественном тексте (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»).	42
Тлеупова А.М. Художественное своеобразие произведений С. Кинга	45
Чжоу Чжунчэн Интертекстуальность и графическая маркированность в современной русской прозе.	47

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Богомолова Н.В. Выступление перед аудиторией как способ улучшения речевой профессиональной компетентности студентов.	49
Веренич Т.М. Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков)	51
Виноградова Л.В., Прохорова Д.М. Фирмонимы туризма на рынке Псковской области.	54
Винокурова Е.А. О концепте CRICKET как социокультурном явлении в англоязычном сознании	59
Громыко С.А. Особенности структуры дискуссионной речи в русском парламентском дискурсе начала XX века.	61
Заллединова Ж.К. Атрибутивные и предикативные средства выражения принадлежности в английском и русском языках	64
Захарова В.А. Сложноподчиненные предложения с придаточными объектными в аспекте лингвопрагматики на материале английской беллетристики	66
Косолапова Т.В. Типологические классификации англоязычного резюме как основного документа при устройстве на работу	69
Мелоян А.А. Контекстуальная специфика выражения гендерной оценки в американских гляцевых журналах.	72
Метелкина О.А. Драгоценные камни и металлы в современном русском языке	74
Мищенко Д.Д., Личаргин Д.В. Сопоставительный анализ некоторых классов плановых языков и оценка их прагматического значения.	77
Морякина Н.В. К вопросу о классификации иноязычных терминов менеджмента в русском языке	79
Плесская Е.И. Проблема соотношения категорий эврисемии и полисемии в лингвистике (на примере английского языка)	81
Ткаченко И.Г. Концепт <i>Meer</i> в интертекстуальном пространстве художественного мира Новалиса	84
Холикова З.К. Случаи несоответствия в передаче русских глаголов отношения и состояния на таджикский язык.	87
Чепуренко А.А. Внутренняя синонимия обстоятельственных фразеологизмов русского языка.	88

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Капустина Г.Л. Детская периодика сегодня: к вопросу о целевой аудитории.	93
---	----

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Абдуразакова Ш.Р. Межязыковые лакуны и способы их перевода.	97
--	----

Гудий К.А.	
От оригинала к переводу: проблема взаимодействия автора и переводчика.	99
Ишбаев З.З.	
Общая характеристика грамматической стороны глаголов в английском и башкирском языках.	104
Карабахцян Э.К., Григорян Е.О.	
Особенности способов и приемов перевода фразеологизмов различных языковых культур.	109
Кириллова А.Е.	
Некоторые проблемы перевода текстов художественной литературы с японского языка на русский: актуально-синтаксическая проблематика (на примере перевода романа Юкио Мисима «Золотой храм» Григорием Чхартишвили).	113
Лукина В.М.	
К вопросу о возможности перевода: философские и лингвистические аспекты проблемы переводимости (на материале романа Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» / «A Clockwork Orange» и его переводов на русский язык)	116
Митрофанова З.И.	
Когнитивно-прагматический аспект терминов-синонимов и их перевод.	121
Уварова И.А.	
Предварительное исследование по теме «Перевод научного текста в рамках художественного произведения (на примере романа Майкла Крайтона «Парк юрского периода»)	126

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Роль заимствований в создании литературного портрета персонажей

Владимирова Светлана Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент;

Костоломова Наталия Владимировна, студент

Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

Среди языковых средств, используемых в художественной литературе, особое место занимают слова и словосочетания, заимствованные из иностранных языков. Поскольку ни один язык не способен к существованию в замкнутом пространстве, заимствование является одним из основных факторов обогащения любого языка.

Многоаспектность данной лексической единицы состоит в том, что она представляет собой многомерное образование, содержание и структура которого может различаться в системе языка и речевой деятельности, что обусловлено рядом причин объективного и субъективного характера.

В общем понимании иноязычное заимствование — элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. Мы рассматриваем «иноязычное заимствование» как элемент чужого языка, включающий языковые единицы, представленные как в графике языка-реципиента, так и в оригинальной графике, а также калькированные слова и выражения, единицы интернационального фонда.

К составу иноязычных заимствований мы относим единицы разного объема: от междометия, слова из иноязычной лексической системы (включая реалии — собственные имена людей и названия, включая географические), до отрезка текста на чужом языке или текста, изображающего контаминированную речь иностранца или иммигранта.

В научной и исследовательской литературе заимствования характеризуются по:

- 1) хронологическому признаку, учитывая период вхождения в принимающий язык;
- 2) языку-источнику;
- 3) характеру заимствования (непосредственное или прямое заимствование и калькирование);
- 4) способам передачи письменной формы заимствованного слова в принимающем языке (трансплантация, транслитерация, практическая транскрипция);
- 5) передаче национально-культурной специфики;

6) степени ассимиляции в принимающем языке;

7) грамматической природе заимствования [4].

Исходя из того, что заимствования выполняют в художественном произведении ряд функций, они могут быть использованы как средство создания литературного портрета персонажа. Изучение функционирования иноязычных лексем в текстах [2, 4, 5] обнаруживает их полифункциональность, а авторы используют их в самых разнообразных целях. Проведенный анализ научных источников позволил выявить следующие функции. Это — номинативная (репрезентативная, семантическая, информативная), изобразительная, эмотивная; социально-стилистическая, контактоустанавливающая функции; функция речевой характеристики персонажей, языковой игры, авторского самовыражения, детализации, создания этнического колорита, речевой индивидуализации и др.

Традиционная функция иноязычных заимствований, применявшаяся в литературной речи с древнейших времен, — национально-культурная. Заимствования используются в произведениях, действие которых происходит за границей и персонажами являются иностранцы либо билингвы. Форма иноязычного слова отражает его связь с национально-культурным содержанием текста и окружающей действительностью.

Введение заимствований в текст для описания культуры целесообразно, когда форма языковой единицы приемлема для использования в качестве термина иноязычного описания культуры, то есть, как правило, представлена словом, удобным в обращении и характеризующимся терминологической однозначностью. Таким образом, иноязычные заимствования выполняют функции придания реальности тексту, а также экономии языковых средств.

Иноязычные вкрапления, включаясь в художественную систему произведения, вступают в активное взаимодействие с окружающей их средой текста-реципиента и передают предметно-логическую и эстетическую информацию.

В силу своих лингвистических особенностей заимствования обладают прагматической направленностью и привлекают внимание читателя. Прагматический аспект иноязычных единиц может содержать информацию о месте действия, участниках ситуации, об определенном социуме, и индивидуальном стиле писателя.

Под влиянием контекста возможно формирование дополнительных стилистических характеристик заимствованного слова. Языковые единицы, составляющие текст, воздействуют на иноязычные элементы, заставляют приспособляться к новому стилю, в результате чего заимствования получают конкретное семантическое наполнение, реализованное в определенном контексте, сохраняя при этом эмоционально-оценочную окраску. Экспрессивное значение, которое приобретают заимствования в тексте, оказывается возможным благодаря стилистическому смешению разнородных, стилистически не соединимых единиц, которые достаточно легко усваиваются контекстом, обеспечивая внимание читателя.

Функции, выполняемые иноязычными заимствованиями, накладываются и взаимно дополняют друг друга, в результате чего создается образная перспектива всего художественного произведения и неповторимый литературный портрет персонажей.

В общем понимании литературный портрет является воссозданием внешности персонажей эпических и драматургических произведений, внешнего облика людей в лирических стихотворениях (лицо, фигура, одежда, походка, жесты, манера держаться). Это — один из основных приемов изображения человека в литературном произведении. Портрет, подчеркивая в человеке индивидуальные, неповторимые черты, является важным средством создания его образа.

В нашем понимании «литературный портрет» — «часть художественного образа персонажа, включающий описание не только внешности (лица, фигуры, одежды), но и кинетических, речевых характеристик, черт характера, динамики мыслей, чувств, поступков и переживаний, а также описание предметов, окружающих персонажа, его социального положения».

Проведенные исследования позволяют утверждать, что при создании литературного портрета на первое место выдвигается описание внешности персонажа, которая является его главной составляющей. Филологический анализ языковой ткани словесно-художественных описаний внешности выявил потенциал, который способствует раскрытию характера литературного героя и замысла произведения в целом.

Изучение практических и теоретических работ, посвященных созданию литературного портрета, обнаруживает различные приемы, используемые авторами художественных произведений [1, 3]:

- 1) семантическая детализация формирования портрета;
- 2) структурная детализация формирования портрета;
- 3) стилистические средства создания портрета;

- 4) прямая / косвенная характеристики персонажа.

Авторы акцентируют внимание также на фонической характеристике-голосе персонажа (К.Л. Сизова); словесном портрете (Н.А. Седова); подчеркивают индивидуальные лексико-грамматические и психологические особенности говорящего (М.В. Карнаухова).

Данные утверждения навели нас на мысль о возможности создания литературно-художественного портрета средствами заимствований. Использование автором иноязычных заимствований относится к семантической детализации. Это — портретное описание, осуществляемое путем выделения одного или нескольких однородных семантических признаков. При помощи этого приема портретизации создаются монотематические портреты: туалетоцентричный (описание одежды персонажа), колороцентричный (цветовая характеристика персонажа), характероцентричный (описание характера персонажа), предметоцентричный (сравнение внешних характеристик персонажа с определенными предметами), зооцентричный (сравнение персонажа с животными) и флороцентричный (сравнение персонажа с растениями) [3].

В качестве материала исследования мы выбрали новеллы австрийского писателя Стефана Цвейга, так как в своих произведениях автор использует английские, французские, итальянские слова и выражения. Он пишет о социальной элите и для неё. Это сказывается на тематике и в художественной среде новелл.

Действие новеллы «Амок», например, разворачивается на борту парохода «**Oceania**» [7, с. 24] (английское название реального судна «Океания»), несчастный мужчина рассказывает о событиях, произошедших с ним в голландской колонии Индии. Он — провинциальный врач, загнанный жизнью и людьми, который на тот момент был, по его словам, «*gerade ganz «down»*» [7, с. 41] («совсем опустился» (англ.) [6, с. 224]). Однажды к нему приезжает аристократка-англичанка, говоря о ней, он так и называет её «**Lady**» («какая-то дама, леди, белая женщина»), с мальчиком-слугой («**Boy**» — «что-то», «туземец»)[7, с. 41]. Она сразу же обращается к доктору по-английски («*...sagt sie auf Englisch*» [7, с. 42] — «начинает она по-английски» [6, с. 225]), но об этом мы можем судить только по замечанию автора, так он продолжает повествование по-немецки. Не говоря прямо к цели своего приезда, она восхищается немцами, которые говорят на нескольких иностранных языках, отмечает, что у него на полке есть даже «**Education sentimental**» («Воспитание чувств» (франц.) [6, с. 224]), а их врач в городе только и может, что играть в бридж («**Bridge**»)[7, с. 43].

Дама смотрит на доктора, как на неодушевленный предмет, как на орудие, требует от него совершения противозаконной операции и считает само собою разумным, что высокая оплата этой операции исчерпывает вопрос. Она чувствует свое превосходство и открыто демонстрирует его. Прекрасно говоря по-немецки, она говорит на родном английском. В докторе вспыхивает слепая

страсть и слепая ненависть. Он говорит, что не станет это делать за «**corrupted gold**» (как аптекарь из «Ромео и Джульетты») [7, с. 54] («презренное золото» (англ.) [6, с. 226]), он хочет, чтобы она просила его об этом.

Врач переживает только слепую, безумную страсть, безумное желание унижить гордую женщину, которое переходит в столь же безумное желание быть униженным ею. Когда потрясенный врач узнает, что оскорбленная им англичанка находится на краю гибели, в нем пробуждаются человечность и милосердие. Сострадание охватывает его душу, выжигая в ней все мелочное, расчетливое и жестокое. Он и его пациентка — уже не два врага, стоящие на разных полюсах жизни, а два человека, равных в несчастье и прощающих зло, причиненное друг другу. Вспыхнувшая в сердцах этих людей человечность озаряет остаток их жизни.

Интересен портрет мальчика-слуги англичанки. Защищая свою хозяйку, он смеет сказать «белому господину» несколько раз на ломаном английском «**You remain here**» [7, с. 57] («Вы останетесь здесь» (англ.) [6, с. 226]), а потом «**Come quickly**» [7, с. 75] («Идите скорее» (англ.) [6, с. 236]), а потом, смертельно испуганный за свою хозяйку, он повинуется врачу «**Yes, Sir**» [6, с. 82] («Да, сэр» (англ.) [6, с. 240]). Описывая реалии жизни в колонии, автор использует иноязычные слова для обозначения этих предметов: «**Bungalow**» [7, с. 60] («бунгало» (англ.) [6, с. 235]), «**Sado**» [7, с. 75] («небольшая коляска» [6, с. 243]).

Литература:

1. Кушнарёва, (Айкашева) О.А. Юбилейная статья как жанровая разновидность литературного портрета (на примере статьи Н.Н. Скатова «Человек и гражданин земли своей...») [Текст] / О.А. Кушнарёва // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. — М.: МФА, 2009. — с. 260–267.
2. Крысин, Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / Л.П. Крысин. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 240 с.
3. Малетина, О.А. Лингвостилистические средства создания портрета [Текст] / О.А. Малетина // Актуальные вопросы лингвистики в работах молодых ученых. Материалы научной сессии факультета лингвистики и межкультурной коммуникации ВолГУ (апрель 2003): Сб. научных статей — Вып. 2. — Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2004. — С. 69–72.
4. Шиманский, В.С. Гетерогенные элементы и их функционирование в английском художественном тексте [Текст] / В.С. Шиманский. — АҚД. Киев, 1984. — 23 с.
5. Щитова, О.Г., Некрасова, Л.Т. Функциональная природа иноязычных средств в художественном тексте [Текст] / О.Г. Щитова, Л.Т. Некрасова // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения. — Томск, 2001. — С. 120–127.
6. Цвейг, С. Новеллы [Текст] / С.Цвейг. — М.: «Госполитиздат», 1956. — 456 с.
7. Zweig, S. Brief einer Unbekannten : Novellen [Текст] / S.Zweig. — М.: Юпитер-Пресс, 2008. — 236 с.

Проведенное исследование иноязычных заимствований в новеллах С. Цвейга позволяет судить о разнообразии функций иноязычных элементов в художественных текстах писателя. Автор использует иноязычные заимствования в новеллах:

1) для реального колоритного изображения немецкоговорящих персонажей («белая женщина», «аристократка», англичанка «**Lady**»; мальчик-слуга, «туземец», «**Boy**»);

2) для речевой характеристики персонажей (надменная аристократка разговаривает с доктором на своем родном английском языке, показывая тем самым свое превосходство);

3) для выражения охвативших героев в данный момент эмоций, чувств, переживаний («туземец» смеет призывать «белому господину» «**You remain here**», «**Come quickly**»);

4) для характеристики людей, принадлежащих к социальной элите, а также для передачи социальных характеристик персонажа: возраста, происхождения, образованности;

5) для обозначения иностранных предметов, явлений, идей, заполнения лексического пространства, незаполненного коренным словом немецкого языка.

Выявленные нами в ходе анализа функции позволяют утверждать, что иноязычные заимствования являются одним из средств создания литературного портрета персонажа на примере новелл С.Цвейга.

Деконструктивизм как часть семантического поля литературоведения

Ивлиева Полина Дмитриевна, аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Деконструктивизм — это в первую очередь направление в современной архитектуре, основанное на внедрении в строительную практику идей французского философа Жака Дерриды. Для деконструктивистских проектов характерны визуальная усложнённость и нарочито изломанные формы. Достаточно вспомнить архитектурную достопримечательность Дюссельдорфа — так называемые «пьяные дома», выполненные в технике деконструктивизма. Так, внутри зданий нет ни одной параллельной друг другу стены. Дома эти нежилые, а построены архитекторами из разных стран мира разных стран и предназначены для офисных и торговых помещений. В 80-е годы наметилась тенденция к расширенному толкованию понятия деконструктивизма и выходу его за рамки архитектуры. Это связано с быстрым распространением деконструктивистских идей в различные сферы гуманитарных наук: история, философия, филология, социология, лингвистика, политология. Но независимо от того, в какой сфере используется термин, в его основе лежит понятие деструкция, т.е. разрушение. Применительно к литературе — это литературно-критическая «практика», иными словами разработка постструктурализма. Часто термин деконструктивизм применяется как синоним к слову постструктурализм. Основным принципом деконструктивизма является принцип деконструкции, и так как мы говорим преимущественно о литературе — это принцип анализа текста.

В немецкой научной мысли термины деконструктивизм и деконструкция тождественны, хотя применительно к литературно-критической практике предпочтительнее использование последнего.

Деконструкцию \ деконструктивизм принято относить к теории постструктурализма, однако, это не самое точное название для обозначения группы философских, семиотических учений в гуманитарных дисциплинах, подпадающих под нее. Сквозь призму постструктурализма принято рассматривать целый ряд важных основополагающих теорий, но в первую очередь дискурсивный анализ Мишеля Фуко, структурный психоанализ Жака Марí Эмил Лакана и деконструкцию \ деконструктивизм Жака Дерриды. Понятие деконструктивизм многогранно, но нужное нам литературоведческое его толкование восходит к работе уже упомянутого французского философа Жака Дерриды, чья философия базируется на учениях Ницше и Хайдеггера. Под термином *деконструктивизм* (*fr. deconstruction*) понимается разрушение давно сформировавшихся и уже устаревших основ и стереотипов не с целью их уничтожения и обесценивания, но воссоздания, возрождения и переосмысления в контексте эпохи нового времени и под углом зрения актуальной современной проблематики. Изначально деконструктивизм не входил в семан-

тическое поле литературоведения. Хотя Деррида и сам подвергал деконструктивизму литературные тексты, но преимущественно эта роль принадлежала американским ученым-литературоведам, представителям Йельской критической школы Йозефу Хиллис Миллеру, Жоффрею Хартману и Полю де Ману, которые в семидесятых и восьмидесятых годах занимались популяризацией философии Жака Дерриды в литературоведении и которые разработали тот понятийный аппарат, который лег в основу литературоведческого деконструктивизма. В название этого направления легло понятие «деструкции» (*от lat destructio — разрушение: в широком смысле — разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо; уничтожение*) [1], т.е. своеобразная практика анализа художественного текста. Ее смысл как специфической методологии исследования литературного текста заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, в обнаружении в нем скрытых и незамечаемых не только неискушенным, «наивным» читателем, но ускользающих и от самого автора («спящих», по выражению Жака Дерриды) «остаточных смыслов», доставшихся в наследие от речевых, иначе дискурсивных, практик прошлого, закреплённых в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые в свою очередь столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи.

Все это и приводит к возникновению в тексте так называемых «неразрешимостей», т.е. внутренних логических тупиков, как бы изначально присущих природе языкового текста, когда его автор думает, что отстаивает одно, а на деле получается нечто совсем другое. Выявить эти «неразрешимости», сделать их предметом тщательного исследования и является задачей деконструктивистского критика [2, с. 3–4]. Задача эта решается критиками в первую очередь через обращение к глубинным мотивам, через выявление подспудных смыслов, возникающих не на поверхности, а глубоко внутри. Иными словами, говоря на языке Фрейда, исследуя текст, литературоведы обращаются к бессознательному. Смысл такого анализа заключается по Жиль Делезу в том, чтобы разрушить традиционную структуру знака, подвергнуть сомнению обозначаемое им явление или предмет, доказать сомнительность, недостоверность, неоднозначность этой функции знака. Однако Делез критикует так называемый традиционный фрейдизм из-за ориентированности последнего на семейные отношения, вместо которых или хотя бы на ряду с которыми необходимо поставить социальные.

Исследователи вводят понятие «желающая машина», под которым подразумевается человек и самый широкий круг окружающих его объектов, существующие и дейст-

вующие согласно правилам соответствующей культуры и в рамках, правилах и ограничениях общественно-социальных формаций. Бессознательность в поведении и действии, как социальных механизмов (например, механизмов власти), так и отдельно взятых субъектов является ключевым.

Повторюсь, что задача литературного критика как раз и состоит в том, чтобы понять истинную природу авторской задумки и пойти дальше, раскрыв бессознательные авторские интенции, заложенные в тексте без его воли, проникнуть в смысловой объем произведения, в процесс означивания, пережить множественность и многозначность текста.

Французский философ-постструктуралист и семиотик Ролаи Барт внес существенный вклад в так называемую идею прочтения текста. Познакомившись с идеями М.И. Бахтина о полифоничности литературного текста, с лингвopsихологическими идеями Ж.Лакана и семиотикой У.Эко, философ открывает новый, постструктуралистский этап в своем творчестве — ему чужда идея «единственности» прочтения текста и одномерность в интерпретации его смысла. Он воспринимает текст, как один из способов удовольствия: «удовольствие от текста — это тот момент, когда мое тело начинает следовать своим собственным мыслям; ведь у моего тела отнюдь не те же самые мысли, что и у меня» [2, с. 171]. При помощи такого «эротического» отношения к исследуемому тексту он пытается избежать бесстрастности при анализе, отодвигая при этом науку с ее объективностью и однолинейностью на второй план.

Под влиянием этой мысли Ролаи Бартом был создан ряд работ («Удовольствие от текста» (1973), «Фрагменты любовного дискурса» (1977) и другие), которые во многом способствовали развитию критического восприятия и отношения к текстам и, как следствие, «взрастили» первое поколение деконструктивистских литературоведов. Поэтому именно эти работы стали тем самым существенным вкладом, внесенным в развитие постструктурализма и деконструктивизма, а так же источником двух важных понятий, которыми, с подачи Барта обогатилась наука — согласно его концепции чтение представляет собой некую прогулку, носящую характер социального удовлетворения. При этом он выделяет «текст-наслаждение» и «текст-удовольствие». По словам Барта, первый вид — это текст, «приносящий удовлетворение, заполняющий всего человека без остатка, вызывающий эйфорию; он идет от культуры, не порывает с нею и связан с практикой комфортабельного чтения». Что касается второго вида, то он представляет собой текст, «вызывающий чувство потерянности, дискомфорта (порой доходящее до тошнотливости); он расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, вызывает кризис в его отношениях с языком».

Восприятие текста определяется уровнем читателя и его подготовленностью к прочтению и интерпретации ос-

новных кодов, вплетенных в ткань текста, который в свою очередь вплетается в общую ткань культуры, и источники и вариации прочтения могут обнаруживаться даже уже и после его создания. Иными словами человек, погружаясь в процесс чтения, может найти для себя темы, смыслы и образы, которые и не были изначально заложены автором.

Барт, однако, был слишком увлечен политическими аспектами, содержащимися в литературном тексте, а так же критикой буржуазного сознания и буржуазии в целом, поэтому чисто литературоведческие цели им не преследовались и ему не удалось создать некий образец литературоведческого анализа в деконструктивистском духе и методику нового анализа, на которые мог бы опереться неискушенный читатель, не владеющий вполне терминологией и идеей постструктурализма.

Деконструктивизм как литературно-критическая методология и практика анализа художественного текста сложился окончательно в США в ходе активной переработки идей французского постструктурализма и по праву считается одним из самых влиятельных направлений 80-х годов. Так как американские основатели этого течения (П. де Ман, Дж. Х. Миллер, Дж. Хартман и Х. Блум) работали в Йельском университете, то и критическая практика анализа получила название так называемая «Йельская школа», под воздействием которой формировались остальные версии литературоведческого деконструктивизма. А выпущенный ими сборник носил название «Деконструкция и критика». Йельская школа формально закончила свое существование в 80-х годах, породив ряд течений — продолжателей.

Таким образом, выделяют «герменевтический деконструктивизм» (У. Спейнос, Дж. Риддел, П. Бове, Д. О'Хара, Д.К. Хой, Р. Гаше), популярный в 80-е годы «левый деконструктивизм» (Ф. Джеймсон, Ф. Ленатрикия, Дж. Бренкман, М. Рьян и др.), близкий по своим социологически-неомарксистским ориентациям английскому постструктурализму (С. Хит, К. МакКейб, К. Белей, Э. Истхоуп), а также «феминистскую критику» (Г. Спивак, Б. Джонсон, Ш. Фельман, Ю. Кристеву, Э. Сиксу, Л. Иригарай, С. Кофман и др.)

Термин *деконструкция* применительно к литературоведению употребляется в шести различных контекстах.

1. Во-первых, деконструкция — это особый вид чтения, когда понимание глубинных смыслов осуществляется в процессе прочтения. При чем результатом такого процесса становится не только осознание идей и расшифровка символов, положенных в основу автором, но и посредством деконструкции (разрушения) рождение новых, не заложенных изначально автором. Так, немецкая писательница Криста Вольф во «Франкфуртских лекциях» показала читателю, как практически выглядит такой вид чтения: «Материал, горами которого я обложила, вышел у меня из — под контроля. Я уже читаю не для того, чтобы создать достоверную предметно — чувственную атмосферу вокруг образа Кассандры, каким я его вижу изнутри (а именно таким я и хочу его показать)» [3, с. 219].

2. Вытекающий отсюда набор приемов и практик, призванных показывать, что любой текст всегда отличается от самого себя в ходе его критического прочтения и становится уже не текстом автора, а текстом читателя, называется «Американской Деконструкцией».

3. Мишель Фуко понимал деконструкцию как процедуру выявления интердискурсивных связей в тексте. Другими словами — это технология обнаружения нескольких типов дискурса, совмещенных и пересекающихся в рамках одного текста.

4. В-четвертых, деконструкция понимается как критика, перед которой стоит задача изучить процесс порождения текста, процесс его возникновения. В частности перед ней (деконструкцией) стоит задача выявить те средства, способы, методы репрезентации, при помощи которых происходит рождение репрезентируемого, т.е. текста.

5. Английский литературовед Э. Истхуп выделяет также деконструкцию в так называемом духе «левого деконструктивизма». Ученый понимает ее как проект уничтожения категории «Литература» посредством выявления дискурсивных и институциональных практик.

6. Шестой вид деконструкции носит условное название «Дерриданская Деконструкция». Критика в этом случае осуществляется путем анализа бинарных оппозиций — пар связанных между собой понятий с диаметрально противоположным значением — в исследуемом произведении. Бинарная или двойная оппозиция — это система, при которой мыслительные и речевые процессы происходят под влиянием противоположностей, которые семантически дифференцированы [4, с. 5], таких как, например, жизнь-смерть, здоровье-болезнь, правый-левый, хорошо-плохо, можно-нельзя, гласные-согласные, любовь-ненависть.

Причем, как правило, левая часть оппозиции всегда положительно маркирована, а правая — отрицательно. Согласно критической теории XX века, такие бинарные оппозиции — это средства «миропознания» таким образом, что мир воспринимается двояко, рассеченным на две контрастные половины. Такой дуализм восприятия окружающего нас мира обусловлен главным образом физиологическими особенностями строения человеческого организма: два полушария головного мозга, две руки, ноги, глаза, уха. Как видно из приведенных выше примеров, подобная «зеркальная асимметрия» есть характерная черта всего существующего. Применительно же к литературоведению, в описании любой картины мира лежит набор универсальных бинарных оппозиций. Цели литературно-критической практики деконструкции состоят в том, чтобы:

- 1) обнаружить и проследить заложенные в произведении бинарные оппозиции;
- 2) нарушить их двоичную структуру;
- 3) поменять местами ценности бинарных оппозиций;
- 4) разрушить и нивелировать их противостояние;
- 5) упорядочить и релятивизировать отношений оппозиций.

Деконструктивизм является самостоятельным направлением XX века, имеющим свой понятийный аппарат, методы и приемы исследования. Черты и принципы деконструктивизма можно наблюдать в целом ряде гуманитарных наук. Направление, формально закончившее формироваться в 80–90-х годах, породило ряд течений-продолжателей, некоторые из которых до сих пор обращают на себя внимание современных исследователей. Одним из таких течений на стыке литературоведения и лингвистики является политически и социально маркированное течение феминистской критики.

Литература:

1. <http://sites.google.com/site/viktorovcharenko/works/dictionary/d>
2. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., «Интрада», 1996
3. Вольф К. Франкфуртские лекции // От первого лица: Пер. с нем. / Сост. Е.А. Кацева — М.: Прогресс, 1991
4. Smith, G. (1996). «Binary opposition and sexual power in Paradise Lost». Midwest Quarterly 27 (4)

Связь мениппеи и романистики в теориях М.М. Бахтина

Таирова Сурия Закариевна, магистрант

Казахский университет международных отношений и мировых языков

М. М. Бахтин кратко обозначил свою концепцию мениппеи как сатиры в книге «Проблемы поэтики Достоевского», выделив четырнадцать ключевых характеристик данного жанра. Мы остановимся в данный момент на такой важной особенности мениппеи, как ее способность вмещать в себя многообразный спектр несходных стилей и голосов при одновременной склонности рассматри-

вать и сатиризовать различные философские аспекты (обычно в достаточно ирреверентном виде). Сам Бахтин именует эту энергетическую составляющую мениппеи карнавальной, основывая эту метафору на концепции средневекового карнавала как действия, на котором традиционные правила и иерархические системы инвертировались или отменялись, и во время которого представители

разных социальных групп общались и смешивались значительно свободнее, нежели в обычной жизни.

Первая, и наиболее фундаментальная, характеристика карнавальности (и, следовательно, менипповой сатиры) — это ее амбивалентность: различные точки зрения, различные миры могут быть представлены совместно и одновременно без какого бы то ни было привилегирования какой-то одной из них по отношению к остальным; таким образом, различные миры могут комментировать друг друга в форме диалога.

Будучи в первое время своего существования редким и малопонятным жанром, в художественной литературе XX века мениппея выдвинулась на одно из главенствующих мест. В среде англо-американских критиков это возрождение было инициировано Нортропом Фраем, назвавшего мениппову сатиру (или, в его понятиях, «мениппову анатомию») ведущим жанром художественной литературы в пятидесятые годы XX века [1]. Роль Фрая в теории мениппеи хорошо известна, и достаточно сослаться на высказанное в 1968 году мнение Филиппа Стевика о том, что жанровая классификация (по Фраю) стала «самым значимым и влиятельным, если не единственным, событием в теории литературной критики XX века» [2, р.32]. Тем не менее, разработки Бахтина в разделе теории мениппеи с течением времени затмили собой аналогичные выведения Фрая: теории Бахтина, созданные в основной своей части в 30-х годах XX века, оставались совершенно неизвестны ни на Западе, ни в СССР вплоть до 60-х годов XX века. Тогда выяснилось, что еще в 30-е годы Бахтин создал литературоведческие концепции, предшествовавшие появлению и структурализма, и постструктурализма. Работы Бахтина оказались столь влиятельными в Европе и Америке, что там появилась целая «бахтинская» отрасль литературной критики и комментирования, к которой можно причислить работы таких исследователей, как К. Кларк и М. Холквист, а также Ц. Тодоров, К. Эмерсон, Г. Морсон и К. Хиршкоп.

Исследования Бахтина в области теорий языка напрямую связаны с более поздним развитием теорий интертекстуальности, примером которых можно считать работы Ю. Кристевой и Ж. Деррида. Поль де Ман предположил, что Бахтин в теории литературы XX века — «...наиболее подходящий кандидат на роль героя в области развития идей нарратива, особенно в том, что касается новеллистики» [3, р.111].

Следует отметить, что в историко-литературных работах Бахтина мениппея (примером которой называются сочинения Ф. Рабле и современных ему французских авторов, а также Дж. Свифта) определена как важный самостоятельный карнавально-ориентированный жанр в литературе вплоть до XIX века. В нем мениппея, по Бахтину, перестала выступать в качестве независимого жанра, объединившись и слившись уже в начале XIX века с самим понятием романистики. Стоит отметить, что работы Бахтина по романистике неотделимы от его же рассуждений исторической менипповой сатиры, поскольку

выделяемые Бахтиным типы романов, в сущности, исходят от тех же энергетических центров теории мениппеи и централизуются в полные аналоги отдельных (или, реже, всех в совокупности) черт мениппеи.

По Бахтину, роман представляет собой особый жанр, уникальный в своей контемпоративности (современности), в своей связи с повседневной жизнью и тесным контактом с некоторыми экстралитературными жанрами. Теория Бахтина построена на лингвистических принципах: он утверждает, что особенностью романа как жанра литературы являются возможность и способ инкорпорирования различных языков одного социума в собственный дискурс, «...суверенитет голосов и гетероглоссия входят в роман и организуются в нем в структурированную художественную систему. В этом состоит характеристическая особенность романа как жанра» [4, с. 505–519]. Однако у языков романа наличествуют также особые социополитические коннотации, то есть, другими словами, каждый тип «языка» в романе представляет собой самостоятельное мировоззрение. Ключевой концепцией в данном аспекте является гетероглоссия (специфический бахтинский термин), относящаяся не только к словарному различию речи разных социальных групп, но также и ко всему социальному, культурному и идеологическому контексту романа.

В романе языки взаимодействуют динамическим способом, обычно с развитием оппозиций между «высокими» и «низкими» аспектами языка: романистический диалог, таким образом, представляет собой драматизацию идеологических противопоставлений в самом обществе. Бахтин выделяет две стилистические линии развития романа, первая из которых, одnogолосная, принадлежит традиционным реалистическим романам, вторая же, развившаяся в XIX и XX веках, значительно более богатая, тесно связана с мениппеей. Этот способ построения романа стремится к «родовой, энциклопедической полноте» [5, с. 294], включающей в себя частое использование вставных жанров, служащих «...базовым целям введения гетероглоссии *внутрь* романа, то есть демонстрации многих и разнообразных языков эпохи» [5, с. 295]. Именно в этом менипповом отношении роман должен быть «...полным и развернутым отражением своей эпохи <...> он должен представлять все социальные и идеологические голоса эпохи или, другими словами, все языки, представляющие хоть какое-то значение; роман должен быть микрокосмом гетероглоссии» [6, р. 176]. Нельзя не обратить внимание, что такое диалогическое выведение относительно структуры романа может быть легко продлено в прошлое на сочинения, например, М. Сервантеса и Л. Стерна, корни же его находятся в значительно более отдаленных литературных образцах (в частности, собственно у Мениппа, согласно сохранившимся синопсисам некоторых его работ).

Чрезвычайно важно для понимания романистики по Бахтину и введение им понятия карнавальности уже в этом обновленном контексте. Ю. Кристева, последова-

тельница Бахтина в теории интертекстуальности, говорит о в высшей степени «карнавальном» характере некоторых романов, произведенных непосредственно по описанной нами второй бахтинской схеме развития. Романы такого типа, называемые также субверсивными, или полифоническими, близко родственны мениппеи: карнавальность, например, не связана в них с фривольностью, и «...карнавальный смех не просто пародия; он комичен в той же степени, в какой и трагичен; он одновременно противоположен, и в этом плане может называться *серьезным*» [7, с.236].

Дискурс мениппеи, можно сказать, развит в противоположность аристотелеанскому дискурсу, и авторы полифонических романов отказываются, принимая мениппею как формализацию структуры внутрироманического мышления, от самого понятия о разворачивании мысли, каким оно дано в формальной логике. В романе такого рода классические понятия об идентичности, сущности, каузальности и дефиниции нарушаются таким образом, что, фактически, оказываются замененными на аналогию, реляцию и оппозицию, то есть на «диалогизм и мениппову амбивалентность» [7, с.249].

К. Кларк и М. Холквист отмечают, что едва ли не все великие романы XX века (как, например, сочинения Г. Мелвилла, Т. Манна, Р. Роллана, Ф. Кафки, Дж. Джойса, Ф. О'Брайана, М. Булгакова) выстроены по модели менипповой сатиры, или второго типа развития романа по Бахтину [8]. М. Нэнни, со ссылкой на Бахтина, доказывает, что мениппеей можно считать поэму «The Waste Land» Т. Элиота, и, более того, демонстрирует, что заложенную Джойсом и продолженную Элиотом тенденцию к карнавализации можно назвать наиболее ха-

рактерной особенностью модернистской литературы: «...основные модернистские произведения, такие, как «Улисс» Джойса, «Пустошь» Элиота, «Cantos» Паунда, равно как и следующие за ними постмодернистские сочинения, могут быть рассмотрены как литературное выражение всепроникающей карнавализации сознания и культуры XX века — выражение, подчеркнуто игровой характер которого требует активного участия читателя в карнавальных играх» [9, р. 5].

Большое количество сложных, таинственных произведений современной литературы могут быть эффективно освещены и прояснены через их ассоциацию с жанром мениппеи. Подобная связь особенно важна, учитывая, что характер мениппеи таков, что произведение в этом жанре, неверно рассмотренное через призму другого жанра, может показаться сырым и неверно построенным: так, например, первая публикация романа Г. Мелвилла «Моби Дик» в Англии, как указывает С. Майу, вызвала жанровое замешательство, «...головоломные попытки классифицировать роман и таким образом счесть его прирученным» [10, р. 36].

Таким образом, рассмотрев понятие о двух типах развития романа в рамках литературоведческих теорий М.М. Бахтина, мы продемонстрировали, в каких аспектах так называемая вторая парадигма романистики (заключающаяся в понимании романа как «микроскопа гетероглоссии», то есть законченного произведения, включающего в себя все важные «голоса», или идеологически-культурные языки эпохи) напрямую связана с развитой М. Бахтиным и его последователями, а также Н. Фраем теорией мениппеи (менипповой сатиры) как главенствующего жанра в литературе XX века.

Литература:

1. Frye, N. Educated Imagination and other writings on critical theory. — Toronto: University of Toronto Press, 2006. — 553 p.
2. Stevick, P. The Theory of the Novel. — Michigan: Free Press, 1967. — 440 p.
3. De Man, P. The Resistance to Theory. — Minnesota: University of Minnesota Press, 2006. — 137 p.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. — М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. — 625 с.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1965. — 286 с.
6. Bakhtin, M. The Dialogic Imagination: Four Essays. — Austin: University of Texas Press, 1981. — 444 p.
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. — М.: ИД «Прогресс», 2000. — С. 427–457.
8. Clark, K., Holquist, M. Mikhail Bakhtin. — Harvard: Harvard University Press, 1984. — 398 p.
9. Cit. by Booker, M.K. Flann O'Brien, Bakhtin, and Menippean satire. — Syracuse: Syracuse University Press, 1995. — 163 p.
10. Mailloux, S. Rhetorical Power. — Ithaca: Cornell University Press, 1989. — 189 p.

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Родина Ноя – Нахчыван

Зейналов Ариф Ейналы оглы, ст.преподаватель
Нахчыванский государственный университет (Азербайджан)

Различные мифы, легенды и предания, в которых были заложены воззрения далеких предков азербайджанского народа, оставили глубокий след в его мышлении.

Азербайджанский фольклор, как и фольклор других народов, является обобщением жизненного опыта народа. Будучи системой первобытного мировоспитания, «миф включает в себя в качестве нерасчлененного, синтетического единства, зачатки не только религии, но и философии, политических теорий, донаучных представлений о мире и человеке» [1, с14]. В этих народных творениях с удивительной прозорливостью раскрывалась философская сущность вещей и явлений. За внешней фантастичностью и надуманностью в описании тех или иных событий скрывалось логически обоснованное, выверенное житейским опытом и мироощущением предвидение, которое и придавало этим произведениям особый священный ореол. Связанные с племенными традициями, они утверждают принятую в данном обществе систему ценностей, поддерживают и санкционируют определенные нормы поведения [1, с. 14].

Фольклор является своеобразной формой информации о прошлом. В мифах, легендах и преданиях излагались различные аспекты межчеловеческих отношений, проблемы социальной утопии.

Мифам, легендам и преданиям азербайджанского народа, несомненно, присущ свой национальный характер.

Мифология всегда служила неиссякаемым родником для богатого воображения поэтов Азербайджана. Велика роль Низами Гянджеви, обогатившего свои поэмы жемчужинами народного творчества. Многочисленные фольклорные сюжеты, эпизоды встречаются в «Хамсе» Низами.

«В особенности примечателен в этом отношении Хагани Ширвани, «Диван» которого нельзя понять без мифологического словаря» [2, с. 306].

Большая заслуга в научном исследовании мифов, легенд и сказаний принадлежит азербайджанскому ученому Мирзе Казем-беку. Отмечая важность изучения мифов, он писал: «Легенды и предания старины занимают не последнее место в истории и литературе народов... Литература черпает в них, как в богатой сокровищнице, драгоценные материалы для своего украшения... Но легенды одного народа не могут быть святыней другого, покуда

они не войдут в состав его собственных поверий или его науки» [2, с. 306, 307].

История Азербайджанского государства своими корнями уходит в глубь веков. Азербайджан считается одним из древнейших очагов цивилизации. На территории Азербайджана археологи обнаружили несколько древних поселений человека. Это Азыхская пещера, Таглар, Джамджилы, Дашсалахлы, а также наскальные изображения в Гобустане, Апшероне, Кельбаджарах и Нахчыване.

Нахчыван один из древнейших поселений мира. Топоним «Нахчыван» обладает несколькими этимологическими значениями. По одной из версий топоним «Нахчыван» связан с именем легендарного пророка Нуха (по Ветхому завету — Ной). Слово «Нахчыван» состоит из трех частей: Нах (Нух), из образующего в тюркских языках суффикса «чы» и топонимического форманта «ван», обозначающего место. Название города переводится как «пристанище Ноя» или «место, где объявился Ной».

О Нахчыване впервые упомянули историк Иосиф Флавий в I веке до н.э. и греческий историк Клавдий Птолемей во II веке н.э. По мнению историков Брокгауза и Ефрона, Нахчыван основан в 1539 г. до н.э.

В XIX в. русский исследователь К.А.Никитин писал: «По преданию, после потопа пророк Ной жил в Нахичеване и здесь же был похоронен... До сих пор сохранились притчи о том, как пророк Ной работал на местных соляных копях...» [3, с. 113].

В середине 60–70 годов XX в. в штольне Нахчыванского рудника были обнаружены древние соляные копи конца IV начала III тысячелетия до н.э. Возраст обнаруженных соляных копий подтверждают выводы ученых.

В IX–VI вв. до н.э. Нахчыван входил в состав древних государств Манна и Мидия. Кто-то очень умный сказал: «История мидян темна и непонятна» [4, с. 239]. (Из Крылатых слов Ашукиных). А было ли светлым и понятным прошлое у других древних народов мира? Впоследствии Нахчыван входил в состав государств Ахеменидов, Атропатены (Малой Мидии), в начале нашей эры — в составе Кавказской Албании. С IV в.н.э. Нахчыван в составе государства Сасанидов. В начале средних веков Нахчыван превращается в важный торговый центр, расположенный на Великом шелковом пути. Нахчыван имел тесные торговые связи с рядом городов Ирана, Грузии, Малой Азии,

с портами Черного моря, недаром Нахчыван называли «воротами Востока». В последующие века земли Нахчывана неоднократно переходили от одного завоевателя к другому. С начала XV в. Нахчыван входит в состав тюркских государств и Иранского Азербайджана. Длившейся оккупации Российской империи, начиная с 1827 г., и советской империи с 1920 г. был положен конец национально-освободительным движением азербайджанского народа в начале 90-х годов XX в. В 2008-ом году Азербайджанская Республика отметила 90-летие со дня провозглашения первой демократической республики на Востоке, а в прошлом году отметила 20-летие восстановления своей независимости.

Нахчыванская Автономная Республика как неотъемлемая часть Азербайджанской Республики расположена в юго-западной части Малого Кавказа. Территория Нахчыванской АР находится между 38°51'–39°41' северной широты и 44°61'–46°10' восточной долготы. Естественными границами ее служат на юге и юго-западе река Аракс, а на северо-востоке, северо-западе Армянская Республика.

Нахчыванская АР граничит с Ираном, Турцией и Арменией.

Земля Нахчывана богата архитектурными памятниками. На ее территории находится 1200 исторических памятников. Один из них шедевр архитектуры Мавзолей Момины-хатун (1186 г.) включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

А первый храм здесь создал сам Всевышний — пещеру Асхаби-Каф (Люди пещеры), ей, видимо, и посвящены аяты из 18 суры Корана «Пещера». Постановлением Али Меджлиса Нахчыванской АР восстановлена разрушенная при Советской власти могила Ноя, находящаяся на территории Старой крепости, над ней возвышается Мавзолей. О пророке говорят и названия окрестной горы и селения Нухаджир, где в курганах похоронены его потомки, а также развалины древнего поселения Нухдабан (Пята Ноя). По преданию, Ноев ковчег проплыл около горы Иландаг (Гора-змея) и пристал к горе Гемигая (Гора-ковчег), известной своими наскальными рисунками.

Как символ непоколебимости, высоты возвышается на эмблеме Нахчывана Иландаг (Гора-змея). По преданию гора раскололась на две части после удара Ноева ковчега.

Президент Греции Каролас Папульяс на встрече с коллективом Бакинского славянского университета, состоявшейся 6 апреля 2011 года, отметил: «Еще во времена, когда господствовали мифы, было известно, что Прометей принес людям огонь именно из вашей страны. Историки утверждают, что гора, где Прометей подвергался наказанию Зевса, находится на территории Нахчывана. Позвольте произнести название этой горы так, как оно звучит на вашем языке: Иландаг» [5, с. 75].

Жители древнего Вавилона думали, что все звезды бдительно охраняет страшный Змей (Дракон), которому сам бог Мардук доверил столь ответственное дело.

Змей (Дракон) играл роль стражника и в некоторых древнегреческих мифах, согласно которым всевидящий змей (дракон) Ладон, выполняя поручение Геры, охранял золотые яблони. Доблестный Геракл (Геркулес) в своем одиннадцатом подвиге умертвил Ладона и доставил заветные яблоки царю Эврисфею, которому герой в то время служил.

Но другие мифы повествуют о том, что созвездие Змея (Дракона) появилось на небе не в честь змея — хранителя. Например, известен миф о разгневанной богине Афине, бросившей в небо одного из исполинских змеев, который осмелился вступить в борьбу с богами Олимпа. Среди названий, которые это созвездие имело у древних римлян, есть Эскулапиус (змея и поныне украшает медицинскую эмблему). Так или иначе, но чудовищный змей оказался на небе и извивается там вокруг Северного полюса мира и Северного полюса эклиптики.

Несколько тысяч лет назад звезда альфа созвездия Змея (Тубан) была для землян полярной звездой, причем она находилась еще ближе к Северному полюсу мира, чем сейчас наша Полярная звезда. Пройдут тысячи лет, как считают ученые, и звезда альфа созвездия Змея снова станет Полярной звездой.

В азербайджанских мифах предание о потопе повествует о предводителе племени Нухе, правившем 950 лет, о его соплеменниках, не принявших веру в Бога, несмотря на его длительные увещевания, и о каре Бога, посланной на них в виде потоп.

Например, в священной книге мусульман Коране в суре 29, 13 аяте говорится: «Мы послали уже Нуха к его народу, и он был среди них тысячу лет без пятидесяти годов. И настиг их потоп, а были они неправедными» (Коран, 29,13) [6, с. 328].

Пророку Нуху посвящены аяты 105–121 суры 26 «Поэты», аяты 59–64 суры 7 «Преграды», аят 5 суры 40 «Верующий», аяты 9–14 суры 54 «Месяц» и целая сура 71 «Нух».

Ной интересен нам, в первую очередь, как страница тюркской истории. Легенда о потопе существовала и на древнем Алтае, была связана с Великим переселением народов и распространением религии Тенгри.

О всемирном потопе и Ноевом ковчеге рассказывается в книге священного писания «Бытие» Ветхого завета. Настал момент, когда раскаялся Господь, что создал человека на Земле, так как «Земля наполнилась злодеяниями». Остался лишь один праведный и непорочный человек — Ной. Бог сделал его своим избранником и предупредил о предстоящем возмездии. И сказал Бог Ною: «И вот, Я наведу на Землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на Земле, лишится жизни». («Бытие», глава 6, стих 17) [7, с. 16].

Бог замыслил уничтожить род человеческий, затопив землю, а Ною велел сделать ковчег и поместить в него жену, сыновей (Сим, Хам, Яфет) и невесток, а также всех животных, птиц и пресмыкающихся по паре. «И сделал Ной все, как повелел ему Бог, так он и сделал» («Бытие»,

глава 6, стих 22). Так был спасен Ной и продолжен род человеческий.

Ной обращался к народу, призывая его открыто и в уединении просить прощения у Господа, который «готов прощать». «...я звал свой народ ночью и днем, но мой призыв увеличил только их бегство»; «...они вкладывали свои пальцы в уши, и закрывались платьем, и упорство-вали, и гордо превозносились» (Коран, 71, 5. 6).

Возможно, повествование о Ноевом ковчеге — миф, относящийся к эзотеризму. Постройка ковчега знаменует период, подготовку людей к посвящению для перехода к новой жизни, новому рождению.

Архаическое мировоззрение древних людей было таково: Бог убивает молнией противника, воплощающего зло, и с ударом грома начинается новая эра.

Образ Ноева ковчега сыграл значительную роль в коранических мотивах и реминисценциях.

В Коране символ Ноева ковчега близок к кораблю-знамению.

Крупнейший суфийский поэт Ирана Джалал ад-Дин Руми (1207—1272) в своем произведении «Диван Шамса» дает такую картину окончания потопа: «Море ушло, ковчег остановился на сухом месте, но эта суша — дольний мир — лишь текущий песок; только божественный свет вечен, он «чистейший жемчуг любви», но ведь жемчуг как раз и скрыт в морской пучине».

Распространившееся на Кавказе учение о шариате предполагает познание истины (тарикат), соединение с Богом или растворение в Нем (хакикат и марифат). Аллегорически оно изображается как корабль, плывущий на волнах и ищущий жемчужину, которая покоится в раковине на дне моря.

В мифах Корана упоминается гора аль-Джуди, на которой якобы остановился Ноев ковчег. Толкователи Корана эту гору относят то к Месопотамии, то отождествляют с Араратом.

В Бытие, глава 8, стих 4 говорится: «И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских».

Гора Арарат (по Ветхому завету) или Агры (по-тюркски), по-армянски Масис расположена в Восточной Анатолии неподалеку от турецкого города Агры и возвышается над правым берегом реки Аракс.

На древнетюркском языке «агры», «арыг» означало «чистый», «святой», «праведный», поэтому столько легенд об этой удивительной горе в народном эпосе тюрков.

Арарат разделяется надвое, образуя Большой Арарат (5137 м) и Малый Арарат (3896 м). Гора упоминается в священных писаниях под разными названиями: Арарат, Кухи Нух, Джебель аль-Харис.

Миф о потопе и Ное «привязан» не только к горе Арарат, но и ее окрестностям. По преданию, в долине Аракса Ной первым из людей развел виноградник и начал делать вино.

В те времена долина Аракса была одной из цветущих, богатых и густонаселенных областей Азербайджана. Из-

вестный иранский поэт Хафиз (1325—1389) в одной из своих газелей писал:

Когда ты берега Аракса достигнешь, ветерок рассвета,
Долину поцелуй устами, что веют запахом расцвета
[8, с. 83].

По утверждению историков, виноградарство возникло в Эгейском мире в конце III тыс. до н.э., в Египте и Сирии культурный виноград появился еще в IV тыс. до н.э., а в Анатолии — в раннем бронзовом веке.

Коранический и библейский рассказы о всемирном потопе вовсе не единственные. Самым ранним мифом об этом событии считается шумерский. Он был записан в первой половине второго тысячелетия до нашей эры, а в устной форме, несомненно, существовал еще раньше. Миф повествует о гневе богов, решивших погубить всех людей на земле и в нем уже фигурирует огромный корабль, на котором удалось спастись единственному безгрешному человеку по имени Зиусудра.

В древнем Вавилоне сложилось сказание о потопе, написанный на аккадском (ассиро-вавилонском) языке эпос о Гильгамеше, полубог-получеловек, правителе города Урука, отражен на глиняных табличках, покрытых клинописью, и датируется серединой второго тысячелетия до нашей эры. Эпос рассказывает о странствиях Гильгамеша. Стремясь раскрыть тайну бессмертия, он посетил своего предка Утнапишти, который пережил всемирный потоп, ниспосланный на грешную землю богом Эа. Утнапишти избежал смерти, построив корабль-ковчег, на который он взял людей разных ремесел, животных и птиц.

Предание о потопе есть и в мифах Древней Греции.

Какое реальное событие может скрываться за этим сказанием? Историки обычно связывают версии мифов с каким-нибудь местным наводнением, а все остальное — вымысел богатого восточного воображения.

Бережно хранит азербайджанский народ богатство своей многовековой культуры, отражающееся на страницах письменных источников древности и средневековья — античных, тюркских, арабо-сирийских, персидских, западноевропейских, русских и армяно-грузинских.

Азербайджанские мифы и легенды, по-нашему мнению, из поколения в поколение, через столетия дошли до нашего времени тремя известными путями: устным путем, как самостоятельные произведения-мифы, легенды, сказания, составной частью сказаний и эпосов, а также в произведениях поэтов-классиков.

Версии мифов, сказаний нашли отражение в изданном в Нахчыване в 2010—2011 гг. двухтомнике «Антология азербайджанского фольклора. Нахчыванский фольклор».

В основу азербайджанского народного стихосложения положен силлабический принцип построения стиха, где определяющую роль имеет число слогов с стихе. В народе такую систему называют «бармаг хесабы» (счет по пальцам) или «хеджа везни» (слоговой размер), где равное количество слогов в каждый стихотворной строке

оканчивается непременно женской рифмой с ударением на предпоследнем слоге.

Стихи дастанов, перемещающиеся с прозаическими отрывками, декламировались нараспев под аккомпанемент струнного щипкового инструмента — саза народными поэтами — сказителями ашыгами (не смешивать со словом ашиг — буквально «влюбленный»).

Наиболее широко применяемыми размерами в ашыгской поэзии являются семи-, восьми-, одиннадцати-сложные стиховые структуры в форме баяты, герайлы, гошма.

Фразеология азербайджанских мифов, дастанов очень архаична. Характерной особенностью является частое использование пословиц поговорок.

Величайшее богатство азербайджанского народа — его пословицы и поговорки, по-азербайджански «аталар созу» («слово отцов»). Тысячелетиями накапливаются и живут в фольклоре несметные сокровища человеческой мысли и опыта. Они передаются из уст в уста, от поколения к поколению. В лексическом составе азербайджанского языка немало фразеологизмов и о пророке Нухе: 1. Со времен Нуха; 2. Свидетель Ноева похода; 3. Нух скажет, а пророк — нет (об упрямом, любящем поспорить человеке); 4. Он пишет слово Нух с семью ошибками; 5. Пошлю Нуха и он сравняет землю с небом (проклятие). 6. Доводится родичем Нуха (ирония о человеке, считающим свой род от Нуха).

Художественной выразительности азербайджанских дастанов способствовали также изобразительные средства языка, такие как постоянные эпитеты, употребляемые в устойчивых выражениях: белобородые старики, человеческий сын, яблоко Аджамы (Ирана), вожделенная ночь, золотой пояс, величавые горы, белый день, черный день, черная кровь, ароматные травы, серые куропатки, великие мужья, веселый цветник, таинственный сад; сравнения: медовые уста, джейраноподобные глаза, чинароподобный рост, глаза, как нарциссы; грудь, как мрамор; щеки как цветки; краснеть, подобно маковому

цветку; зубы, как жемчуг; стрелообразные брови; метафоры: природа смеется, небо ржет, облако плачет, рокот горных рек, лунаподобная, солнцеподобная (красавица), журавлиноокие прозрачные родники, птичье молоко, мускусные ивы и т.п.

Характерной особенностью азербайджанской мифологии является упоминание имени Аллаха, встречающегося в пословицах и поговорках. В книге «Азербайджанские пословицы» их насчитывается около 270. Вот некоторые из них: Аллах дает человеку или богатство, или разум. Кто Бога не признает, тот народом гоним, а кто не признает народа, тот самим Богом гоним. Никого не бойся, кроме Аллаха. Да продлит Аллах твою жизнь! Бог дал страданье, дал и снадобье. Аллах если дарит день, подаст и пищу. Не дай Бог оказаться во власти судьи или врача [9, с. 282—317].

Фольклорным произведениям, несмотря на примитивность средств выражения, присуща неповторимая хроникальная форма выражения и историческая достоверность. Мифы, легенды, предания не могут служить основным источником для историка, но и упускать их из поля зрения не следует, ибо в каждой из них, наряду с фантастическими измышлениями, содержатся и отдельные зерна истины, которые дают очень существенный материал для суждения о мирозерцании народа, эволюции его мировоззрения.

Посол доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиева так говорит о геополитическом расположении Азербайджана и его народе: «На протяжении всей своей истории Азербайджан играл роль связующего звена между западом и востоком, между севером и югом. В государствах, которые располагались на территории современного Азербайджана, издревле в мире и согласии жили люди, говорившие на разных языках, исповедовавшие различную веру. Исторический сплав культур и цивилизаций привел к тому, что в Азербайджане сформировались глубокие традиции толерантности, терпимости и открытости» [10].

Литература:

1. Мифы народов мира, т. 1. М.: 1980, с. 14.
2. Казем-бек М. Избранные произведения. Баку, 1985, с. 306.
3. Никитин К.А. Город Нахичевань и Нахичеванский уезд. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». (СМОПМК), вып. II, отд. I, Тифлис, 1882, с. 113.
4. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова, Москва: Художественная литература, 1987, с. 239
5. Времена, когда господствовали мифы. Журнал. Русский язык и литература в Азербайджане. № 2, 2011, с. 75.
6. Коран. Баку: Язычи, 1990, с. 328. Перевод И.Ю.Крачковского.
7. Библия. Москва. Российское библейское общество, 1994, с. 16.
8. Хафиз. Лирика. Перевод с фарси. Башкирское книжное изд. Уфа, 1973, с. 83.
9. Рзаев Х.А. Азербайджанские пословицы. I том, с. 282—317. Баку: Нурлан, 2004.
10. Мехрибан Алиева. «Литературная газета», 2011, № 21

Мотив «вечного возвращения» в лирике Ф. Сологуба

Кокурина Мария Викторовна, учитель русского языка и литературы
ГБОУ СОШ № 262 (г. Москва)

Трудно переоценить влияние западноевропейской философии культуры на духовную жизнь российской интеллигенции в начале XX века. Фёдор Сологуб в данном случае не является исключением.

«Властителем дум» русского Серебряного века называл Ницше В. Иванов.

Н. Бердяев отмечал, что в Ницше воспринята была прежде всего «религиозная тема», а сам философ явился «мистиком и пророком» [1, с. 246]. Интересным для Ф. Сологуба представлялось учение Ницше о Вселенной.

Согласно философу, Вселенная — вечное становление, в котором нет ни пребывающей, ни становящейся субстанции, ни конечной цели. Она есть хаос и лишь последовательность сложных комбинаций сил, развёртывающихся в бесконечную цепь, при этом ничего не значащих, ни к чему не приводящих [4, с. 35]. Через громадные промежутки времени в мироздании наступают всё те же комбинации сил, и картина жизни повторяется бесчисленное число раз. Речь идёт об идее бессмертия, восходящей к проблеме «вечного возвращения».

Идея «вечного возвращения» относится к индоевропейской мифологеме «круга — времени». Она встречается в астральной мифологии вавилонян и выражена в греческих понятиях: сжигание, выгорание и восстановление, возвращение в прежнее состояние. Будучи профессором классической филологии в Базеле и исследователем текстов древнейших греческих мыслителей, Ницше блестяще владел этим материалом.

Мысль о «вечном возвращении» формулируется Ницше устами его Заратустры: «И этот медленный паук, ползущий при лунном свете, и этот самый лунный свет, и я, и ты, что шепчемся в воротах, шепчемся о вечных вещах, — разве все мы не существовали?» [5, с. 417].

«...Всё идёт, всё возвращается; вечно вращается колесо бытия. Всё умирает, всё вновь расцветает, вечно бежит год бытия. Всё погибает, всё вновь устроится; вечно строится тот же дом бытия. В каждый миг начинается бытие... Центр всюду. Кривая — путь вечности», — говорят Заратустре его звери [5, с. 468–469]. И вслед за Ницше, в предисловии к книге «Пламенный круг» звучат и сокровенные мысли Ф. Сологуба: «Рождённый не в первый раз и уже не в первый завершая круг внешних преображений, я спокойно и просто открываю свою душу».

Автор часто обращается к описанию нетленной души в круге перевоплощений, переживающей свои прежние пребывания в других телах: человека, животного и т.д. Мотив переселения душ часто звучит в лирике Сологуба. Так писал поэт о душе в раннем творчестве.

И мимоходом воплощается
В иных мирах,
И новой жизнью забавляется
В иных телах [7, с. 224].

По первой строчке:

«Прикован тяжким тяготеньем...», 1901

И об этом же — в позднем:

Душа, отторгнувшись от тела,
Как будешь ты в веках жива?
Как ты припомнишь вне предела
Все наши формы и слова?
По первой строчке, 1923

Мотив переселения души звучит в большинстве стихотворений сборника «Пламенный круг», признанном многими исследователями лучшим. Символичным является само название сборника. Символ круга у Сологуба — и завершенность, и бесконечность, самодостаточность и неспособность к развитию, ибо все повторяется на новом витке. Символ, как и должно, многозначен, но и необычайно противоречив в своих трактовках у Сологуба. Таким образом, поэт принимает саму идею «вечного возвращения», однако в его творчестве по-своему преломляется ницшеанская идея возврата, вечного круга, вращения истории человечества:

Что было, будет вновь,

Что было, будет не однажды.... [7, с. 371]

По первой строчке, 1907

С одной стороны, мотив «вечного возвращения», на котором Сологуб строит свой художественный мир, воспринимается в традиционном понимании, когда речь идет о переселении души в другую телесную оболочку. Мы встречаем лирического героя то в облике «нюрнбергского палача», то обитателя фантастической земли Ойле, родившегося под звездой Маир, то скомороха, шута или клоуна, то сказочной ведьмы или собаки:

Дивитесь вы моей одежде,
Смеетесь: что за пестрота!
Я нисхожу к вам, как и прежде,
В святом облиии шута [7, с. 330].
«Шут», 1905

Я — Фиделька, собачка нежная
На высоких и тонких ногах.

Жизнь моя течет безмятежная
У моей госпожи на руках [7, с. 403].
По первой строчке, 1911

С другой стороны, мотив «вечного возвращения» подвергается поэтом определенной модификации: у него это не просто описание нетленной души, но души, вспоминающей свои прежние пребывания в иных телах. В связи с этим большой круг стихотворений Сологуба посвящен так называемой теме «памяти души».

В круге перевоплощений у Сологуба зачастую душа животного вспоминает своё пребывание в теле человека, и наоборот:

Когда я был собакой
Седого короля
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля...
Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки
Чутья же вовсе нет [7, с. 318].
«Собака седого короля», 1905

По вероучению Будды, до того, как душа обретает тело человека, она очищается, пребывая в собаке.

Нередко у Сологуба встречается мотив переселения души человека в растение, дерево:

Трепещет робкая осина,
Хотя и лёгок ветерок.
Какая страшная причина
Тревожит каждый здесь листок?
Предание простого люда
Так объясняет страх ветвей:
На ней повесился Иуда,
Хриstopродавец и злодей...
По первой строчке, 1886

Поэт пишет о некой «чувственной памяти», о способности человеческой души перевоплощаться не только в других телесных оболочках, но и переносить, сохранять определенные чувства.

Естественно, что с темой «вечного возвращения» у поэта соседствует и другая, его излюбленная тема — смерти. Смерть, как утверждал К. Чуковский, «единственный положительный герой» поэзии Сологуба [8, с. 47–48]. Причиной тому сверхвысокие требования, которые предъявляет поэт к жизни. Они и порождают неудовлетворённость окружающей действительностью. «Сологуб создаёт миф о смерти — избавительнице и утешительнице...», — утверждал М. Дикман [2, с. 28]. Но этот миф трактуется у него по-разному. Он тесно связан с вниманием художника к буддизму.

Так, Сологуб во многих стихотворениях выдвигает образ смерти-избавительницы в качестве антитезы «вечному возвращению». Автор зачастую просто отрицает саму мысль о возрождении, ибо это означает для него возвращение к кошмару бытия:

Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая, -
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу [7, с. 215].
По первой строчке, 1900

Мне страшный сон приснился,
Как будто я опять
На Землю появился
И начал возрастать [7, с. 82].
По первой строчке, 1895

Воскрешение означает для поэта высшее из всех мыслимых наказаний:

И, кончив путь далёкий,
Я начал умирать, -
И слышу суд далёкий:
«Восстань, живи опять!» [7, с. 82]
По первой строчке:
«Мне страшный сон приснился...», 1895

Полемика с теорией «вечного возвращения» очевидна. По Сологубу, тот, кто дарует воскрешение, творит зло, ибо, дав человеку вторую жизнь, это существо преследует одну-единственную цель — продлить страдание. Добро и Зло, Жизнь и Смерть истекают из одного источника, а опорным пунктом в подобных философских взглядах является собственный тезис Сологуба: «Познаем, что Бог и Дьявол одно и то же» [6, с. 156].

Противостояние идее «вечного возвращения» выражается у Сологуба по-разному. Но «непристойную» форму оно приобретает в стихах, посвящённых образу Искушителя и провозвестника Царствия Небесного:

В день Воскресения Христова
Иду на кладбище, — и там
Раскрыты склепы, чтобы снова
Сияло солнце мертвецам.

.....
Томительно молчит могила.
Раскрыт напрасно смрадный склеп, -
И мёртвый лик Эммануила
Опять ужасен и нелеп [7, с. 324].

По первой строчке, 1905

Таким образом, противопоставляя мотив «вечного возвращения» теме смерти, Ф. Сологуб вновь отдаёт предпочтение последнему. С одной стороны, смерть предстает в поэзии Сологуба как антитеза «вечному возвращению», а с другой, является началом вечности, ибо она «лаз с двухсторонним движением» [3, с. 41], а значит, возможно возвращение из мира иного в данный нам. Именно сквозь призму вечности рассматривается бытие человека и вселенной в поэзии Сологуба.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990
2. Дикман Н.И. Поэтическое творчество Ф. Сологуба. // Стихотворения. — М., 1979
3. Мескин В.А. Грани русской прозы. Ф. Сологуб. Л. Андреев. И. Бунин. — Южносахалинск, 2000
4. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. / Под ред. Г. Рачинского и Я. Бермана. — М., 1995
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. // Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла: Сочинения. — М., 2000
6. Сологуб Ф.К. Человек человеку диавол. // Творимая легенда. Т.2. — М., 1991
7. Федор Сологуб. Лирика. — Минск, 1999
8. Чуковский К.И. От Чехова до наших дней. — СПб., 1908

Самоубийство как бунт против божественной воли в поэзии И. Игнатьева и В. Маяковского

Латыпова Лейсан Тагировна, магистрант
Казанский федеральный университет

Целью нашей работы является изучить тему суицида в поэзии И. Игнатьева и В. Маяковского в тесной взаимосвязи с поэтическими и мировоззренческими особенностями их творчества.

В целом феномен самоубийства стал объектом пристального внимания медиков, социологов, ученых, публицистов во второй половине XIX века. Однако наука очень скоро дала понять, что не в состоянии дать удовлетворительного ответа на вопрос о причинах и законах добровольного ухода из жизни. На рубеже веков суицид стал центральной проблемой философии и литературы. Здесь следует выделить имена таких западных философов, как Д. Штраус, Л. Фейербах, А. Шопенгауэр, Сартр, Ф. Ницше и, наряду с ними, русского писателя и философа Ф.М. Достоевского. Особого внимания заслуживает работа Ницше «Веселая наука», где он впервые выдвинул свой знаменитый тезис о смерти Бога: «Боги, как и люди, разлагаются. Бог умер. Бог мертв» [5, с. 32]. Но если Бога нет, значит, нет и вечной жизни, не существует и человеческая душа. Еще Кант в «Критике чистого разума» утверждал: «если нет изначального существа, отличного от мира, если воля не свободна, если душа обладает той же делимостью, что и материя, то моральные принципы лишаются своей силы. И тогда позволено все: и убийство, и самоубийство» [6, с. 172]. Вопрос о том, как же человеку жить в мире без Бога, решают и герои Достоевского. Кириллов из романа «Бесы» говорит о том, что человека от смерти может удержать две вещи: страх физической боли и вера» [3, с. 234].

Но в серебряном веке все кардинально поменялось. Человек потерял и страх смерти и, что самое страшное, веру в Бога. Мир вокруг не устраивал человека и он искал пути выхода из него. Самоубийство стало не просто способом ухода из жизни, оно стало идеей, моделью мира поэтов начала XX века.

Особого внимания заслуживает целая плеяда поэтов, которые не только затрагивали в поэзии тему роковой гибели, но и покончили жизнь самоубийством. Среди них — И. Игнатьев и В. Маяковский.

Поэтический сборник И. Игнатьева с символичным названием «Эшафот» был опубликован в 1914 году. Буквально каждое из двадцати стихотворений в этом сборнике пронизаны мотивом самоубийства.

Тема самоубийства, прежде всего, обусловлена категорическим несогласием, бунтом против этого мира и его создателя. Поэзия И. Игнатьева вся пронизана мотивами западных философов рубежа XIX–XX веков: Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, Ж. Сартра. Подобно Ницше, Игнатьев провозглашает мир без Бога. Создатель представлен у него только как «подземный треугольник лица» — нечто неживое, уже себя изжившее, которое необходимо уничтожить, взорвать основы бытия. Это не обида на Бога, не просто вызов человека: «ты крохотный божик» [4, с. 157], как у Маяковского. Это попытка изъять концепт Бога из всей идеи мироздания и самому стать над миром, стать ницшевским сверхчеловеком.

Ж.П. Сартр считал, что если человек не согласен с жизнью, он имеет полное право из нее уйти. Самоубийство становится попыткой прорвать жизнь, вырваться за ее пределы. Обрести подлинную свободу. Здесь поэт опирается на философию Шопенгауэра, который объявил суицид средством обретения свободы. Для Игнатьева самоубийство подобно Кириллову и Ипполиту Достоевского — абсолютная свобода индивидуального волеизъявления. Но возникает она не от мысли о человеческой смертности, а от мысли о бессмертии, о представлении космоса как множестве миров, от веры в неограниченные возможности человеческого сознания.

Поэзия И. Игнатьева — поэзия космизма. Его герой — новый Иисус Навин, который зажег бензиновой зажи-

галкой себе «пять солнц и сорок лун» — из вполне обыденного сделал фантастику; привел в движение валун космоса — встал у истоков бытия.

Себя он называет Агасфером, отсылая нас к одному из новозаветных предателей. Согласно легенде, Агасфер или Вечный Жид, не позволил Христу отдохнуть по пути на Голгофу. За это он был осужден Богом на вечное одиночество и скитания по вселенной.

Главный вопрос, волнующий героя: почему человек должен подчиняться общим законам бытия, когда он сам нечто большее, чем это бытие?

Вся поэзия И. Игнатьева — бунт против предопределенности, против раз и навсегда установленных законов, идеалов, нравственных категорий. Его цель — разрушить «миф Бытия» — «разрезать ретортами жала отверзость» [4, с. 47], разбить привычные представления о рае: «Раи забудутся от несущих стен» [4, с. 49].

Поэтому в его поэтическом мире все перевернуто с ног на голову. Он как кривое зеркало отражает мир реальный: полностью нарушены временные и пространственные рамки — Миг и Вечность, Далекое и Близкое, единичность и бесконечная множественность здесь неразрывно слиты.

Он жизнью жертвует, умирает живя, то есть подчиняется общим законам бытия и не может понять сущности вещей. Герою не дано узнать «окружности ключ» — разгадку жизни всего человечества. Но одно он знает точно: кончится Бег — жизнь прервется и тогда он познает ее во всей полноте и многообразии. Именно смерть раскрывает всю звучность и спектр жизни. Становится ее разгадкой: «Я не знаю Окружности Ключ,/Знаю — кончится Бег./И тогда услышу всю Звуч./И увижу весь Спектр» [4, с. 50].

Поскольку «Миф Бытия» уже полностью разрушен, не остается ничего определенного — свобода настолько относительна, что граничит с рабством, отчаяние бодрит, а любовь не представляет никакой ценности, потому что создана кем-то другим и ее без жалости можно бросить в снеготаялку.

Даже древнерусские и библейские герои — символы жертвенности — переосмысливаются: Василиск, ослепленный братьями, сам становится предателем. Василисковые пути для героя не только дорога к предательству традиционной любви, но и всего мира, его условностей в целом. Иисус Навин — не искупитель старой, а создатель новой веры. Он дерзок, не имеет ничего общего со страданием.

Неоднократно обыгрываемая тема смерти и казни в «Эшафоте» представляется как некое театральное действие. Поэт как будто играет с жизнью, сознанием, смертью. «Хочу неестественности трагической!» [4, с. 56] — восклицает он. Многократно обыгрываемая, смерть теряет свою уникальность и грозный облик — становится обыденной. Эшафот для поэта та же сцена, на которой он собирается представить «смертей в бесчестном кресле» — поставить свой спектакль, в котором он сыграет главную трагическую роль.

Но Игнатьев забывает, что со смертью шутки плохи. Она не прощает легкомысленного к себе отношения и не стоит упоминать ее имя всуе. А. Камю в «Мифе о Сизифе» говорил о том, что ответ на вопрос стоит и ли не стоит жить равноценен решению фундаментальных человеческих проблем. А если верить словам Ницше о философе, который непременно должен доказать свою правоту на деле, то разрешение вопроса о самоубийстве оказывается особенно драматическим.

Через девять лет после трагической гибели И. Игнатьева в Москве прозвучал выстрел, и общество потрясла смерть другого русского футуриста — покончил жизнь самоубийством Владимир Маяковский...

Центральное место в поэзии Маяковского занимает мотив святого мученичества, пророчества, спасения человечества путем очистительных страданий. Он — последняя надежда людей на спасение: «Я одинок как последний глаз, у идущего к слепым человека» [2, с. 97].

Первоначально поэма «Облако в штанах» называлась «Тринадцатый Апостол»: «А я у вас его предтеча,/я — где боль везде;/по каждой капли слезовой течи/распял себя на кресте» [2, с. 169].

Наблюдается смещение временных и хронологических рамок. Он даже не продолжатель Христа, нет, он — его предтеча: вся жертвенность, боль, страдание сконцентрированы в нем. Христос придет позже и спасет все человечество.

Подобно Б. Пастернаку, Маяковский утверждает трагическую судьбу поэта — поэзия неизбежно влечет за собой гибель. Но если Пастернак говорит о роковой силе, несущей поэта помимо его воли — «от шуток этих с подоплекой я б отказался наотрез» [7, 148]; Маяковский идет на Голгофу сознательно: «Творишь, распятью равная магия,/Видите — гвоздями слов/Прибит к бумаге я» [2, с. 98].

Поэтому вполне оправдана обида на Богородицу — защитницу всех обездоленных, которая в очередной раз не замечает страданий героя. Да, с одной стороны, он называет ее «шаблоном намалеванным», упрекает в равнодушии. С другой, все еще надеется на милость Богородицы. Об этом говорит обращение «видишь»: «Чего одаривать как по шаблону намалеванному,/Сиянием трактирную ораву!/Видишь — опять/Голгофнику оплеванному предпочитают Варраву» [2, с. 180].

Поэзия Маяковского — сплошной монолог к Богу, который является олицетворением добра и справедливости. Иногда Бог предстает в виде седого старика с жилистой рукой, к которому врывается герой с мольбой о помощи. Иногда он становится солнцем и смотрит на своего сына с неба: «Солнце!/Отец мой!/Сжался хоть ты и не мучай!» [2, с. 111] — в отчаянии восклицает лирический герой.

Он раскаивается в своих грехах и готов понести наказание: «Ты, Млечный путь перекинув виселицей, возьми и вздерни, меня, преступника» [2, с. 49].

Но Бог молчит. И наступает разочарование. Герой понимает, что небо равнодушно к страданиям людей и чи-

стенным, прилизанным ангелам нет ни до кого дела: «Эта вот/Зализанная гладь/ Это и есть хваленое небо?» [2, с. 164].

В словах поэта за иронией слышится недовольство. Он смеется в лицо Богу: «прелестная бездна, бездна восторг», а сам принимает решение покинуть небо. Делает выбор в пользу земного страдания, а не небесного равнодушия: «я для сердца, а где у бестелесных сердца?» [2, с. 165].

Иногда, в приступе отчаяния герой богохульствует: «ты не Бог, ты крохотный божик» [2, с. 140]. Подобно героям Достоевского, он вызывает Бога на поединок, испытывает небесное терпение: «Накажи, только докажи, что ты существуешь» — словно просит он. «Бог — лишь гипотеза, но кто сможет вынести всю боль этой гипотезы, не умерев» — говорил Ницше [5, с. 213]. Лирический герой Маяковского не выдерживает гипотезы, имя которой Бог. Символом поэта становится дохлая рыбка, безвольно плывущая по течению: «Дохлая рыбка плывет одна,/ Висят плавнички как подбитые крылышки» [2, с. 208].

Снова возникает мотив обреченности, непрочности бытия.

В этих обыденных, на первый взгляд, словах кроется глубокая личная трагедия поэта. Если Бога нет, значит небытие, бездна неизбежны. Человеческая жизнь один на один с вечностью теряет какую бы то ни было ценность.

Смерть физическая безжалостна: «Все равно я знаю, я скоро сдохну»; «Я уже сгнию, умерший под забором» [3, с. 224].

Мысли о самоубийстве преследуют, превращаются в манию, бред: «А сердце рвется к выстрелу,/А горло бредит бритвою» [2, с. 192].

Он уже не в силах противостоять бреду, в образе демона. И это не ласковый демон-искуситель Брюсова, нет, демон Маяковского жесток и безжалостен: «В бессвязный бред о демоне /Растет моя тоска./Идет за мной,/К воде манит,/Ведет на крыши скат» [2, с. 204].

Но самые страшные слова прозвучат в предсмертном письме: «С жизнью мы в расчете/И не к чему перечень/ Взаимных болей и обид» [1, с. 119].

Это слова человека, до конца изверившегося в жизнь и уставшего от нее. Человека, от рокового шага которого уже не удержит ничего.

Концепт Бога стал определяющим в идейно-эстетической системе русской литературы. Безусловно, истоки необходимо искать в древнерусской культуре, которая разработала идею о Всевышнем как об основе человеческого бытия. Впоследствии «слово о Боге» переосмысливается, варьируется русской литературой. И, несмотря на смену

литературных эпох, стилей и жанров, богоискательство продолжало оставаться центральной проблемой. Наиболее отчетливо мотив бунта против высшей силы проявился в XIX веке. Лермонтовский демон стал одним из ярких примеров переосмысления категорий добра и зла. Пушкин предпринял своеобразную попытку установления с Богом дружеских отношений. Апология нечистой силы в творчестве Н.В. Гоголя и по сей день впечатляет читателей. Л.Н. Толстого обвиняют в стремлении создать собственную религиозную теорию. В ходе развития русской литературы в целом, концепт Бога приобретал все новые и новые нюансы, вступал в тесное взаимодействие с другими идейно-философскими мотивами. Уже А.П. Чехов заявил об одиночестве как о состоянии бытийном, онтологическом, т.е. состоянии без Бога.

Мотив самоубийства как попытка свергнуть Бога впервые прозвучала у западных философов XIX-XX веков, а также в творчестве Ф.М. Достоевского. Яркое отражение данная тема нашла в поэзии двух футуристов: И. Игнатьева и В. Маяковского.

В поэтической системе русского футуризма феномен смерти, прежде всего, связан с мотивом самоубийства. В первую очередь, это обусловлено спецификой футуризма как литературного течения, для которого было характерно стремление к разрушению окружающего мира. Разочарование в жизни, сомнение в собственных силах приводит к отчаянию и своеволию, попытке во что бы то ни стало доказать, показать свою правоту. Отсюда и мысли о самоубийстве. Стремление к эпатажу и разрушению основ бытия привело к тому, что футуристы обратили свой взор к Богу. Мотив богоискательства и богоборчества был обусловлен не только спецификой литературно-жанрового направления, но и глубоко личной трагедией поэтов. Серебряный век сделал все, чтобы подорвать веру человека в Высшие Силы. Символизм противопоставил Богу иные миры, акмеизм — поэтизацию и одушевление мира вещного. Футуризм же довел идею отрицания до абсурда, заменив Бога абсолютной пустотой. Но можно ли сказать, что «создатели нового искусства» были людьми неверующими? Безусловно, нет. Потому что не имеет смысла отрицать то, чего не существует. Концепт Бога в поэзии футуристов (в нашем случае Маяковского и Игнатьева) переплетается с множеством других мотивов: одиночества, боли, любви, творчества, библейские reminiscences дают представление не только о Боге как таковом, но и помогают раскрыть внутренний мир лирического героя. Отрицания божественного присутствия, прежде всего, связано с разочарованием и попыткой определить свое место в мире.

Литература:

1. «А сердце рвется к выстрелу...»/ сост., вступит. ст., сопроводит. тексты А.А. Кобринского. — М.: Москва, Эллис Лак, 2003.
2. В. В. Маяковский Стихотворения и поэмы. — М.: Библиотека учителя, 1983.
3. Достоевский Ф.М. Бесы. — М.: Славянка, 1994.

4. Поэзия русского футуризма. Новая библиотека поэта. — М.: Гилея, 2007.
5. Ф. Ницше «Веселая наука». — М.: Азбука-классика, 2010.
6. И. Кант «Критика чистого разума». — М.: Мысль, 1994.
7. Б. Пастернак «Стихи и поэмы». — СПб: Худ. Литература, 1988.

Среднеазиатские ученые и развитие арузоведения

Туйчиева Г., кандидат филологических наук

Фонд Президента Республики Узбекистан «Истеъдод» («Талант») (г. Ташкент)

На Востоке арузоведение считалось составной частью литературоведческих и поэтологических исследований с VIII века. Аруз, в качестве стихотворной системы и самостоятельной науки о стихе имеет арабские истоки происхождения. Но в формировании арабской культуры в целом, и в частности арузоведения, активно участвовали многие ученые, в том числе из Средней Азии, которые по своему происхождению не всегда были арабами.

Исследования стиха по мусульманской литературоведческой традиции означало исследование элементарных составных единиц стиха, создающих её ритмообразующую и музыкальную основу.

В изучении **арабского аруза** принимали участие такие среднеазиатские ученые, как ал-Джаухари («Аруз ал-вуркати»), Абу Абдуллах ал-Хоразми («Мафатих ул-улум»), Махмуд Замахшари («Ал-Кистас»), Юсуф Саккоки («Мифтах ул-улум»), Абул Хасан Наср бин ал-Хасан ал-Маргинони («Махасин ал-калам»). [1]

Одним из известных представителей филологической науки Средней Азии был *Исмаил ал-Джаухари*, тюрк по происхождению. Трактат ал-Джаухари «Аруз ал-вуркати» до недавнего времени считался утерянным. Ал-Джаухари является известным лингвистом своего времени, составителем толкового словаря, арузоведом и поэтом. Считается, что он, также как и Абу Наср ал-Фараби, был выходцем из города Фараб. Сохранились сведения о том, что ал-Джаухари великолепно владел искусством каллиграфии. Основным его трудом был толковый словарь «Тадж ал-луга ва сихах ал-арабийя», коротко — «ас-Сихах». Он был одним из родоначальников и основоположников четырех лексикографических школ — «мадрасат ал-Джаухари». Его труд, посвященный теории стихосложения, был найден в библиотеке Атыфа Эфенди в Стамбуле под номером 1991. В библиотеке Атыфа Эфенди рукопись «Аруз ал-вуркати» находит ученый Нихад Четин, который в 1991 году пишет статью в «Энциклопедию ислама». В 1994 году рукопись была издана уже другим ученым Мухаммадом Саъди Джугенли.

Трактат ал-Джаухари интересен тем, что его автор делает попытки критического осмысления учения Халиля ибн Ахмада, пытается реформировать некоторые положения учения об арузе. Джаухари считает, что стоп, т.е. аджза в арузе семь, а не восемь, как у Халиля. Се-

меричных образцов пять. Размеров двенадцать, семь из них — одинарные, пять — составные. Количество кругов у ал-Джаухари всего пять. Ал-Джаухари, как считает Ш.С. Калиева, ориентировался, прежде всего, на реально существующую ритмическую общность размеров, отказавшись от схемы кругов Халил ибн Ахмада. Трактат ал-Джаухари, посвященный арузу нуждается в подробном и специальном изучении.

Абу Абдуллах Мухаммад бин Ахмад бин Юсуф ал-катиб ал-Хоразми в своем энциклопедическом труде «Мафатих ул-улум» отдельную главу посвящает поэтике. Глава рассматривает вопросы аруза, рифмы, поэтических средств изображения, изъяснов поэзии. Ученый приводит энциклопедические сведения об арузе. В его трактате указываются 15 бахров аруза. Ученый опирается на такие известные труды, как «Китаб ал-ба'ди» Ибн ал-Мутазза, «Накд аш-шеър» Кудама ибн Жаъфара и трактаты ал-Джахииза. Критический текст трактата ал-Хоразми был издан в 1895 года голландским востоковедом Ван Флотеном. Из узбекских ученых М.Хайруллаев и Р.Баходиров изучали жизнь и творчество, а также разные структурные аспекты «Мафатих ул-улум». Главу о поэтике исследовала М.Зиявуддинова.

Абул Қасим Махмуд ибн Умар ибн Мухаммад Замахшари (1075—1144) является ученым, который также коснулся и вопросов арабского аруза. Известны его труды, посвященные арабской грамматике, фикху, географии, тавсиру и хадисам. Общее число его трактатов превышает число 50. Он пользовался наивысшим почетом и уважением в арабском мире. Его почетными именами было — «Жоруллох» — «Сосед Всевышнего», «Учитель всего мира», «Гордость Хорезма». Его труд посвященный арабскому арузу назван «Ал-Кистас ул-мустакам фи илм-ал-аруд». Бакир ал-Хасани издал трактат в Багдаде в 1969 году. Рукопись хранится в Каире в «Дор ул-кутуб». Узбекские ученые А.Рустамов ва У.Кариев изучали некоторые филологические и лингвистические особенности данного труда.

Другой ученый, тюрк по происхождению, *Абу Якуб Юсуф бин Абу Бакр бин Мухаммад бин Алиас Саккоки* посвятил проблемам поэтики свой трактат «Мифтах ул-улум». В этом труде есть специальные части посвященные арабскому арузу. И.Ю. Крачковский считает, что данный

трактат по своей структуре и рассматриваемым вопросам стал эталоном для последующих поколений. В действительности данный трактат стал играть роль некоего стандарта в филологических науках. Саккоки разбивает поэтику на пять составных частей: илм ал-аруз, илм ал-кофия, илм ал-бадиъ, илм ал-маони ва илм ал-баён. Один из списков данной рукописи хранится в рукописном фонде Института Востоковедения АН Узбекистана под инвентарным номером 519-М.

Труд *Якута ал-Хавави* «Муъжам ул-удаба» является антологией поэтов. В данной работе собраны, и оценены творчество авторов Средней Азии XIII века, которые писали стихи на арабском языке. *Якут ал-Хавави* также исследует вопросы стихотворного размера, рифмы, поэтических фигур этих авторов и приводит собственные интересные наблюдения. Различными аспектами творчества и наследия *Якута ал-Хавави* занимались такие ученые, как И.Ю. Крачковский, Х. Хикматуллаева, Ш. Шоисламова, Н.И. Ибрагимов, И. Абдуллаев, Б. Вахабова, Б. Ирмамов, Ш. Зокиров, Ш. Камолиддинов, И.К. Элмуродов.

В трактате Абул Хасан Наср бин ал-Хасан ал-Маргинони (ум. 1055) «Махасин ал-калам» также даются энциклопедические сведения об арабском арузе, которые пока концептуально не изучались.

В исследовании **персидского аруза** огромная заслуга принадлежит таким среднеазиатским ученым, как Радуюни («Таржума ал-балога»), Абд ал-Каххару Самарканди («Аруз-и Хумоюн»), Сайфи Арузи Бухорои («Аруз-и Сайфи») и Баъдии Мавлоно Юсуфу. [2]

Мухаммад Умар Радуюни является автором «Таржума ал-балога». Этот труд посвящен поэтике персидской литературы, в русле которого исследуется и персидский аруз. Сохранились сведения, что Радуюни был выходец из Ферганской долины.

Следующим ученым, исследовавшим персидский аруз был *Абд ул-Каххар Самарканди*. Известен год его кончины — 1493. В 1959 году иранский ученый Мухаммад Хасан Адиб Хирави издает трактат Самарканди под названием «Аруз-и Хумоюн», хотя настоящее название труда «Мезон ул-авзон». Трактат специально, т.е. с точек зрения стихосложения, и комплексно еще не изучался.

Сайфи Арузи Бухорои является следующим автором, который написал труд по персидскому арузу. Его труд назван «Аруз-и Сайфи» и был написан 1491 году. Существуют другие названия трактата — «Илм ул-аруз», «Мезон ул-ашъор», «Рисола-и аруз», «Рисола-и Сайфи». Трактат Сайфи Арузи Бухорои состоит из введения и 12 глав. В них дается характеристика творчества поэтов своего времени и поэтов прошлого, определение стиха, словарь терминов аруза, характеризируются бахры и круги аруза. Ученый описывает свое видение причины и истории возникновения стиха, приводит различные легенды, касательно рассматриваемого вопроса, распространенные в его время, взгляды ученых на возникновение аруза, значения терминов аруза, правильных и усеченных размеров аруза, фонетики аруза и правил звуковой организации в

арузе, теории джузва, который является системой структурирования самых малых ритмических единиц в арузе, о полных (салим) и разветвленных (тармок) руках, о правилах формирования байта и мн.др. вопросы. Сайфи Арузи Бухорои также рассматривает вопросы метра и структуры рубайи. Трактат Сайфи Арузи Бухорои остается учебным пособием, который активно используется вплоть до наших дней. Труд ученого был издан Х.Блочманом. [3]

Из Андижана, одного из регионов Ферганской долины, вышли два ученых-арузоведа. Одним из них является *Баъдии Мавлоно Юсуф*. Вторым, основатель династии моголов в Индии, *Захириддин Мухаммад Бабур*. На андижанское происхождение Баъдии Мавлоно Юсуфа указывает Мухаммад Умар Радуюни в своем трактате «Таржума ал-балога». Мнение Радуюни поддерживает и таджикский ученый Урватулло Тоиров. [4] Но трактат Баъдии Мавлоно Юсуфа, посвященный арузу, не сохранился до наших дней. Год рождения Мавлоно Юсуфа не известен. Мавлоно Юсуф первоначальное образование получает в родном Андижане, затем перебирается в Самарканд. Во времена Султана Хусайн Байкара переезжает в Герат и становится одним из приближенных великого узбекского поэта Алишера Навои. Он был известен как знаток поэзии и учения о поэтических искусствах, в частности жанра муаммо и аруза. Его перу принадлежит специальные трактаты по жанру муаммо и арузу.

Эволюция **тюркского аруза** отмечена такими средневековыми трактатами, как «Фунун ул-балога» Шайха Ахмада ибн Худойдода (Тарози), «Мезон ул-авзон» Алишера Навои, «Аруз рисоласи» Захириддина Мухаммада Бабура. [5]

Основоположником изучения тюркского аруза считается Шайх Ахмад ибн *Худойдод Тарози*, который жил во времена правления Улугбека. Его труд по арузу «Фунун ул-балога» был посвящен Улугбеку. Данный трактат известен и под другим названием — «Латойиф-и Тарози». Захириддин Мухаммад Бабур в своем трактате по арузу приводит в качестве примеров стихи Тарози. «Фунун ул-балога» состоит из пяти частей. В первой главе исследуются жанровые особенности газели, касыды, китъа, рубоий, маснави, мусаммат, мустазад, фард и др. Вторая часть посвящена вопросам рифмы. Третья часть трактата рассматривает проблемы художественных средств и илм-и баён. Автор приводит характеристику 97 поэтических искусств. Четвертая часть трактата посвящена тюркскому арузу. Она занимает самую большую часть книги. Пятая часть трактата — о жанре муаммо. Единственная рукопись трактата хранится в Англии в библиотеке Бодлеяна. На основе факсимиле этой рукописи трактат был издан в Узбекистане.

Имя *Алишера Навои*, как арузоведа, широко известно. Его труд «Мизан ал-авзон» исследован узбекскими учеными. Алишер Навои, в отличие от других ученых, своих предшественников, посвящает свой трактат не проблемам поэтики вообще, а именно вопросам стихосложения и аруза. Алишер Навои вводит много нового в исследование стиха. Он один из первых начинает сравнивать

стихосложение и жанровые особенности поэзии с народными стихами. Он впервые дает сведения о фольклорном творчестве и специально останавливается на особенностях народного творчества. Алишер Навои анализирует специфику таких народных песенных жанров как, «туюк», «кушук», «чанги», «мухаббатнома», «мустазад», «орзувори», «турки», и указывает, что многие из них написаны в размерах аруза.

Следующим трудом, посвященным тюркскому арузу является трактат Захириддина Мухаммада Бабура «Аруз рисоласи» («Трактат по арузу»). Заслуга Бабура в том, что он в исследовании аруза, обращает внимание на практику стихотворчества и собирает все реально употребленные вазны аруза. Это позволило ему создать частотную картографию использованных вазнов аруза, которых не фиксировала ни одна другая теоретическая работа. Бабур основательно изучив проблемы стихотворных размеров тюркского аруза, формирует собственный независимый и самостоятельный взгляд на вопросы такти, жузв, кофия,

бахр, вазн, доира, вазны рубаи, вазны фольклорных песен, он смог увидеть внутреннюю динамику и тенденции развития аруза и арузоведения.

Трактат Бабура «Аруз рисоласи» имеет очень большое значение, вследствие основательности исследования тюркского стиха, правильного определения исторических тенденций его развития, компаративного отношения к взглядам предыдущих ученых, созданию всесторонне разработанной теории аруза, на основе обобщения и сравнения существующих положений. Бабур внес огромный вклад в дело формирования национальной теории аруза. В принятии мировым научным миром понятия «узбекский аруз» (или тюркский аруз) огромная заслуга принадлежит Бабуру. То, что Бабур, как поэт и ученый исходил из особенностей языкового материала в исследовании стиха, стало основой создания комплексной теории аруза. Поэтому, теория аруза созданная Бабуром является ключевым и полноценным звеном в развитии национальной (узбекской) и мировой науки об арузе.

Литература:

1. Калиева Ш.С. Творчество Исмаила ал-Джаухари и его место в арабской филологии, Авт. дисс. ... канд. филол. наук, — Т.: ТашГИВ, 2002; Калиева Ш.С. Творчество Исмаила ал-Джаухари и его место в арабской филологии. Номзодлик диссертацияси матни. — Т.: ТашГИВ, 2002; Абу Мансур ас-Саолибий. Йатимат ад-дахр фи махосин ахл ал-аср (Аср ахлининг фозиллари ҳақида замонасининг дурдонаси). Тадқиқ этувчи, таржимон, изох ва кўрсаткичлар муаллифи И.Абдуллаев. — Т.: Фан, 1972; Абдуллаев И. Йатимат ад-Дахр — источник по истории арабоязычной литературы народов Мавараннахра и Хорасана. — Докт. дисс. Ин-т Востоковедения АН СССР. — М.: 1977; Элмуродов И.К., М.Эшмуродов. X-XII аср Хоразм маданияти Ёқут ал-Ҳамавий талқинида. -Т.: 2005; Аҳмад Маҳмуд. Ёқут ал-Ҳамавийнинг «Муъжам ул-удабо» рисоласида Ўрта Осиёдаги арабийзабон адабиёт. Магистрлик диссертацияси. — Т.: ТошДШИ, 2007; Хайруллаев М.М., Бахадиров Р.М. Абу Абдаллах ал-Хорезми. — М.: Наука, 1988; Зиявиддинова М. Поэтика в «Мафатих ул-улум» Абу Абдаллаха ал-Хорезми», АКД. — Ташкент, 1990; Зиёвуддинова М. Абу Абдуллох ал-Хоразмийнинг «Мафотих ал-улум» асарида поэтика. (Аруз, кофия ва бадийят илми истилоҳлари тарихига оид). — Т.: 2001; Мухаммад ибни Умар Раддуйний. «Таржума ал-балоғ». Мант нашри, кириш сўз ва изохлар муаллифи А.Оташ. — Стамбул. 1949, — Б. 26; Шамс ад-дин Мухаммад ибн Қайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии. Часть II. О науке рифмы и критики поэзии. Перевод с персидского, исследование и комментарий Н.Ю.Чалисовой. -М.: 1997, — с. 21
2. Ар-Раддуйний. Китоб-и Таржума ал-балоғ. — Стамбул. 1949; Ар-Раддуйний. Китоб-и Таржума ал-балоғ. — Техрон. 1339; Мухаммад ибни Умари Родуёни. Тарчумон ал-балоғ. Рашиддадин Ватвот. Ҳадоийк ус-сеҳр фи дақоийк-уш-шеър. Таҳия матн, муқаддима ва тавзеҳи Х.Шарифов. — Душанбе: Дониш, 1987. — 144 с.; Тоиров У., Саидали С. Қомуси қофия ва арузи шеърӣ аҷам. Чилди аввал. — Душанбе: Ирфон.1994, — Б. 22.; У.Тоиров. Фарҳанги истилохоти арузи аҷам. — Душанбе: «Маориф», 1991. — 560 с.
3. The Persian Metres by Sayfī and a Treatise on Persian Rhyme be Jami. Ed. by H.Blochmann. — Calcutta. 1867
4. Урватуллои Тоир, Саидмуроди Саидали. Қомуси қофия ва арузи аҷам. Дар ду жилд. Чилди I, — Душанбе, «Ирфон», 1994. — Б. 82
5. Тарозий Шайх Аҳмад ибн Худойдод. Фунун ул-балоғ. // «Ўзбек тили ва адабиёти», 2002, 1—6 сон; 2003 йил, 1—3 сонлар; О Тарози см.: Хайтметов А. Темурийлар даврида ўзбек адабиёти. -Т.:1996; Хайтметов А. Адабий меросимиз уфқлари. — Т.:1997; Навоий А. Мезон ул-авзон. Критик текст тайёрловчи И.Султонов. — Тошкент, 1949; С.Мирзаев. Навоий арузи. Номзодлик диссертацияси. — Т.: 1946; Султонов И. «Мезон ул-авзон» ва уни ўрганишнинг аҳамияти. // Сўзбоши. Навоий А. Мезон ул-авзон. Критик текст тайёрловчи И.Султонов. — Тошкент, 1949; Бобур Захириддин Мухаммад. Мухтасар. Нашрга тайёрловчи С.Ҳасанов. — Т.: Фан, 1971; Ҳасанов С. Трактат Бабура об арузе. Авт. дисс. ... канд.филол.н. — Т.: 1972; Ҳасанов С. Бобурнинг «Аруз рисоласи» асари. — Т.: 1981; Захир ад-дин Мухаммад Бабур. Трактат об арузе. Факсимиле рукописи. Издание текста, вступительная статья и указатели И.В.Стеблевой. — М.: Наука. 1972.

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Коранические фразеологизмы и их выражение на персидском и русском языках

Мохаммад-заде Шахназ Гамид, магистр, преподаватель;
Мехтиханлы Севиндж Гамбиль, магистр, преподаватель
Гилянский государственный университет
Исламская Республика (г. Решт, Иран)

Религия и язык, тесно связаны между собой. Эта связь раскрывает истоки общечеловеческой и национальных культур. Это отразилось не только в истории, но и в лексике и фразеологии языка. Изучение связи языка и религии, как формы общественного сознания народов, необходимо для характеристики отражения в национальном языке элементов религиозной картины мира. Обращение к религиозной картине мира обусловлено тем, что религия, являясь традиционно формой мировоззрения, приобретает сегодня в мировом пространстве новое духовное начало. Религиозный фактор в жизни народов настолько важен, что без учета знаний его особенностей сложно представить картину развития и становления культуры. Религиозная картина мира формирует философско-религиозное и нравственное сознание этноса, его мировоззрение, определяет национальную точку зрения на мир.

Ключевые слова: религия, Коран, русский язык, персидский язык, фразеологизм.

Koranic Proverbs and their Expression in Persian and Russian Languages

Religion and language are closely linked. This relationship reveals the origins of human and national cultures. This is reflected not only in history but also in vocabulary and phraseology of the language. Study of the relation of language and religion as forms of social consciousness of the peoples, it is necessary to reflect the characteristics of the elements in the national language of religious paintings in the world. Appeal to the religious view of the world due to the fact that religion, being traditionally a form of ideology, gets into space today a new spiritual beginning. The religious factor in the life of nations is so important that without knowledge of its peculiarities is difficult to imagine a picture of the development and establishment of a culture. The religious world view forms the philosophical and religious and moral consciousness of the ethnic group, its philosophy, defines a national perspective on the world.

Key words: religion, the Koran, Russian, Persian, proverb.

В процессе межкультурной коммуникации оформляется представление о культурных ценностях, реализованных в языке, в его значимых единицах. В связи с этим представляется необходимым исследовать вопрос отражения культуры во фразеологических единицах языка, в которых проявляется содержательная сторона национальной культуры. Устойчивые единицы языков отражают национальные различия культур, поэтому исследование фразеологизмов в аспекте культурных ценностей этносов чрезвычайно важно. Особую значимость приобретает раскрытие культурного компонента фразеологических единиц языка, которые имеют своим источником религиозное мировоззрение народа.

Во фразеологизмах отражаются национальная культура, менталитет, история, быт так и религия народа. Так как религия занимает важное место в жизни людей, поэтому среди фразеологизмов, широко употребляющихся

народом, можно увидеть единицы на религиозные темы. Религиозные верования, обряды, жизнь святых, религиозные заповеди нашли широкое отражение во фразеологизмах. Религиозные фразеологизмы вобрала в себя мудрость многих древних народов. Фразеологизмы на религиозную тему отражают религиозный менталитет народа и место религии и веры в их жизни. Необходимо отметить, что на протяжении всей истории религия и вера повсеместно играли важную положительную и эффективную роль в культурной, социальной, экономической жизни людей.

Фразеологизмы берут свое начало из разных истоков, одним из которых являются Божественные Писания, проповеди святых и религиозные предания. Такие Божественные Писания, как Евангелие, Тора и Коран являются неиссякаемым источником не только мудрости, но и многочисленных фразеологических единиц. Священный

Коран, который ниспослан мусульманам для их направления на Путь истинный, имеет своеобразный метод изложения, который невозможно отнести ни к прозе, ни к поэзии. В Коране приведены сказки, клятвы и фразеологизмы, отличающиеся особым красноречием и методом повествования.

Фразеологизмы в Коране используются в двух видах:

Первый вид употребления арабского слова «масал» и «месле» в коранических аятах в его лексическом значении «похож».

«مَثَلُهُمْ كَمَثَلِ الَّذِي اسْتَوْفَدَ نَاراً» (Айе Бقره, سورة 17)

Например в суре Корова стих 17 говорится: «Они похожи на тех, кто зажег огонь, когда же огонь озарил все кругом, Аллах убрал свет и оставил их в непроглядном мраке.»

«لَا فَاْرِضْ وَلَا يَكْرَهُ عَوَانٌ بَيْنَ ذَلِكَ» (سورة بقره, آیه 68)

В суре Корова стих 68 о соблюдении умеренности и том, что умеренность в любом деле является богоугодным делом говорится: «... Они сказали: «Призови к нам твоего Господа, чтобы Он объяснил нам, какая она». Тот ответил: Он говорит, что она не старая и не телоч, нечто среднее между тем и другим. Поступайте же так, как вам велено». Вдохновляясь этим кораническим стихом, на персидском языке существует эквивалент этого фразеологизма, который звучит так: «*На аз кар офтаде ва пир, на бекр ва даст нахорде*». Или: «*На бе ин шури, на бе ин бинамаки*».

По русски: *Сладкого не досыта, горького не допьяна*.

Существует три основных способа влияния коранических стихов на формирование персидских фразеологизмов:

1. Использование коранического стиха персоязычными в качестве фразеологизма на языке подлинника:

«هَلْ جَزَاءُ الْإِحْسَانِ إِلَّا الْإِحْسَانُ» (سورة الرحمن, آیه 60)

И может ли другою быть награда,

Чем воздаянье за добро добром? (Сура Милостивый, стих 60)

По русски: *Что посеешь, то и пожнешь*.

2. Использование части коранического стиха персоязычными в качестве фразеологизма на языке подлинника: «وَالضَّالِّينَ», «بِسْمِ اللَّهِ»

«بِسْمِ اللَّهِ» اش را گفتی تا «وَالضَّالِّينَ» خیلی راه است

Бесмеллах гофти та валлаззалин хейли рах хаст.

От бисмиллах до валлаззалин долгий путь.

3. Использование смысла коранического аята в качестве фразеологизма на персидском языке:

«لَا تَزِرُ وَازِرَةٌ وِزْرَ أُخْرَى» (سورة انعام, آیه 164)

И свое бремя к Господу на Суд неся,

Не понесет греховный груз другой. (Сура Скот, стих 164).

Бе джорме Иса, Муса ра магир.

Валить с больной головы на здоровую.

Или

Йасин бе гуше хар хандан.

Глухого бранят, а он говорит: к обедне звонят

Или

Иса бе дине ход, Муса бе дине ход.

Конь до коня, а молодец до молодца.

«لَا إِكْرَاهَ فِي الدِّينِ» است (آیه بقره, سورة 256)

Не разрешил в религии Он принужденья,

Разница ясно истина от заблужденья. (Сура Корова, стих 256)

Этот коранический стих, который широко используется среди иранцев в качестве пословицы, указывает на миролюбивость божественных религий, которые признают полную свободу совести и уважают последователей других религий.

В Священном Коране рассматриваются не только основные понятия веры. В коранических аятах есть множество мудрых изречений, в которых трактуются обычные житейские ситуации и устанавливаются «общие закономерности жизни».

Ниже приводим фразеологизмы, которые взяли свое начало в Коране, то есть их появление среди иранцев тесно связано с исламской культурой и кораническими стихами, свидетельствуя о мудрости Божественного Писания.

«يَدَالَهُ فَوْقَ أَيْدِيهِمْ» (سورة الفتح, آیه 10)

Мощь Аллаха превосходит их мощь. (Сура Победа, стих 10)

«فَوْقَ كُلِّ ذِي عِلْمٍ عَلِيمٌ» (سورة يوسف, آیه 76)

И выше любого знающего есть знающий. (Сура Юсуф, стих 76)

Среди иранцев говорят, что всегда найдется кто-нибудь, кто превзойдет тебя в любом деле: *Даст балае даст бесйар аст*.

Русская пословица: «*Ловит волк, ловят и волка*» является эквивалентом иранской пословицы.

«الْخَبِيثَاتُ لِلْخَبِيثِينَ وَالْخَبِيثُونَ لِلْخَبِيثَاتِ وَالطَّيِّبَاتُ لِلطَّيِّبِينَ وَالطَّيِّبُونَ لِلطَّيِّبَاتِ» (سورة نور, آیه 26)

Дурные (женщины) — дурным (мужьям)

(Мужья) бестыжие — бестыжим (женщинам)

Добропорядочные (женщины) — порядочным (мужьям)

Хорошие (мужья) — хорошим (женам) (Сура Свет, стих 26).

Среди иранцев существует такая пословица: «*Ка-бутар конад ба кабутар пареш Конад заг ба заг дегар чареш*», что означает голубь с голубем летает, а ворона с вороной.

В русском языке также есть пословица: «*Рыбак рыбака видит издалека*».

«إِنَّ اللَّهَ لَا يُغَيِّرُ مَا بِقَوْمٍ حَتَّى يُغَيِّرُوا مَا بِأَنْفُسِهِمْ» (سورة رعد, آیه 11)

«Воистину, Аллах не меняет положения людей, пока они сами не изменят свои помыслы» (Сура Гром, стих 11).

А также с суре Советы стих 30 говорится: «*Какая бы беда вас не постигла, Это — за то, что предварили вам деянья ваших рук*»

«وَمَا أَصَابَكُمْ مِنْ مُصِيبَةٍ فِيمَا كُنْتُمْ آيْدِي النَّاسِ» (سورة شوری, آیه 30)

В персидском языке есть пословица, которая взята из этого коранического стиха: «*Аз маст ке бар маст*»

Русская пословица гласит: «Что посеешь, то и пожнешь».

«خَسِرَ الدُّنْيَا وَالْآخِرَةَ» (سوره حج، آیه 11)

«Среди людей встречается и такой, который стоит на грани между верой и неверием в Аллаха» (Сура Хадж, стих 11).

В персидском языке говорят: «Аз анджа манде, ва аз инджа ранде».

А в русском языке говорят: «От ворон отстал, а к павам не пристал».

«إِذَا خَاطَبَهُمُ الْجَاهِلُونَ قَالُوا سَلَامًا» (سوره فرقان، آیه 63)

Рабы Милостивого — это те, которые ступают по земле смиренно, а когда невежды обращаются к ним, говорят: «Мир»

Среди иранцев существует пословица: «Джавабе аблахан хамушист», как в русском языке говорят: «На глупый вопрос нет ответа».

«وَلَوْ بَسَطَ اللَّهُ الرِّزْقَ لِلْعِبَادَةِ لَبَغَّوْا فِي الْأَرْضِ» (سوره شوری، آیه 27)

В суре Совет стих 27 говорится: «Если бы Аллах удел всем Своим рабам без разбору, они впали бы в ослушания на земле». Из этого коранического источника берет начало персидская пословица: «Хода хар ра ше-нахт шахаш надад». И русская пословица: «Бодливой корове Бог рог не дает».

В других коранических стихах говорится:

«فَمَنْ يَعْمَلْ مِثْقَالَ ذَرَّةٍ خَيْرًا يَرَهُ وَمَنْ يَعْمَلْ مِثْقَالَ ذَرَّةٍ شَرًّا يَرَهُ»

(سوره زلزال، آیات 7 و 8)

Кто бы ни совершил добро — хотя бы на вес пылинки, он обретет воздаяние за него. (Сура Сотрясение, стихи 7,8).

«إِنْ أَحْسَنْتُمْ أَحْسَنْتُمْ أَنْفُسَكُمْ وَ إِنْ أَسَأْتُمْ فَلَاهَا» (سوره الاسرى، آیه 7)

В суре Путешествие ночью стих 7 говорится: «Если вы

вершите добро, то вершите для себя; если же вы вершите зло, то опять же для себя».

Из этих коранических сур появилась иранская пословица: «Аз мокафат амал гафел машо, гандом аз гандом беруяд джо зе джо». Эта пословица совпадает с русской пословицей: «Каково сошьешь, такового и износишь».

Во фразеологическом фонде имеется еще больше таких единиц, которые сближаются со священными изречениями не столько по форме или по смыслу, сколько по содержащейся в них оценке. В этих устойчивых единицах языка сконцентрированы этические нормы поведения, признаваемые народом. В большинстве фразеологических единиц эти нормы совпадают с кораническими. Обилие фразеологических единиц, в которых обозначаемые ими ситуации трактуются и оцениваются с позиций веры, говорит о том, что ко времени широкого бытования этих единиц религиозная мораль стала нормой народной жизни, что и находит свое отражение в данных единицах.

Влившись в общий поток фразеологии, фразеологические единицы коранического происхождения не затерялись, не растворились в ней. Они расширили тематический спектр этой области языкознания и обогатили образно-поэтический язык фразеологических единиц.

Во фразеологическом фонде единицы, восходящие к кораническим текстам, образуют обширный слой и играют важнейшую роль в формировании языковой личности. Поэтому эти фразеологические единицы должны занять подобающее им место. Усвоение этих единиц может помочь лучше понять этические нормы, а также получить более полное представление об образно-метафорической системе языка.

Литература:

1. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., Русская книга. — 1993.
3. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.
4. Мир русской культуры: Энциклопедический справочник. М.: Вече, 1997.
5. Миркина З.А., Померанц Г.С. Великие религии мира. М., 1995.
6. «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и ком. О.В. Беловой; отв. ред. В.Я. Петрухин. М.: Идрик, 2004.
7. Османов Н.О. Перевод Корана. М., Ладомир. — 1995.
8. Порохова В. Перевод Корана. Тегеран, — 1997.
9. Русские народные пословицы и притчи / Сост. И.М. Снегирев. М.: Русская книга, 1995.
10. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Духовно-нравственное осмысление Великой Отечественной войны в дневниках М.М. Пришвина 40-х – 50-х годов

Александров Иван Николаевич, учитель русского языка и литературы
ГБОУ СОШ № 262 (г. Москва)

В работах Г.В.Ф. Гегеля, Ф. Ницше, П. Прудона, Э. Юнгера, отечественных философов — Н. Бердяева, В. Соловьева, Л. Красавина, И. Ильина феномен войны признается причиной культурного и социального прогресса, который способствует объединению человечества. Н. Бердяев считал, что позитивно «воевать из любви к родине, превышающей все интересы» [1, 674], «война есть борьба за осуществление своего назначения в мире» [1, 680] и рассматривал ее как совокупность исторических фактов. В литературе она всегда звучала остро. Тема войны полна трагизма.

М.М. Пришвин вывел некую формулу войны, созданную для решения нравственных задач. Выступление против нее являлось условием «для вековой борьбы людей за любовь» (РГАЛИ) [2, 486]. Лишь творчество должно и обязано спасти мир, погрязший в грехах и внутреннем распаде. Через весь жизненный путь Пришвин проносит «знамя Мира» и его «слова, как писателя, образуют одно и большое видное слово Мир всего Мира» [2, 486], «слово за жизнь Всего человека» [3, 235]. Подвиг настоящего творца должен заключаться в труде над посланием будущим поколениям, оно будет адресовано и тем, кто начнет «новую жизнь после войны» [3, 188]. Современный исследователь А.Н. Варламов считает, что война «прояснила новый пришвинский лик, разбив все его былые представления о «великой шахматной доске», на которой расположились фигуры отдельных государств» [4, 436].

В.Д. Пришвина пишет о том, что они с Михаилом Михайловичем были в состоянии «мобилизации» для борьбы. В 1941 году писатель сравнивал войну с битвой «самой грубой — за жизнь и самой тонкой — за ее смысл» [3, 185]. Из воспоминаний Пришвиной становится ясно, что автор испытывал состояние стыда за свое бездействие, когда слышал «плач и причитания женщин» [3, 188] по убитым мужьям и детям.

В дневнике любви «Мы с тобой», составленным Валерией Дмитриевной, писатель опровергает мысль о своей принадлежности и поддержке какому-либо государству, он стоял за «одну единственную державу свою — за Любовь» [3, 156]. В высказываниях Пришвина просматривается некое противоречие. 29 апреля 1941 года он пишет:

«Я как взнузданный стоял за Германию. Но, в сущности, я стоял за Германию по упрямству, по чепухе какой-то» [3, 156]. Тут же читаем: «Меня, при всем сознании легкомыслия наших спорщиков, почему-то тянет к Германии» [3, 156].

Писатель считал Америку и Англию оплотом «бессмыслицы» и относил их к странам капитализма, живущим по принципу «хочется» (эгоизм), Германию — сторонницей социализма, и в ней заключено понятие «надо» (господство над миром»). Исходя из концепций русского космизма писателя, можно предположить, что Германия и ее союзники ассоциировались с «хаосом», коммунизмом, Россия — с «Логосом», добром, что было связано с мыслью о «Всеединстве» и его силе. Пришвин был сторонником коммунизма, но вскоре в нем разочаровался и своей высшей целью ставил строительство «мира-храма».

Писатель винит все человечество в посягательстве над природой земного шара, в бесчеловечном отношении к истории. В годы Великой Отечественной войны в ней он «слышит <...> голос всеобщего страдания — страдания всей твари на земле» [3, 193]. Через процессы, происходящие в природе, М.М. Пришвин выражал отношение к войне: весенние цветы пробуждают у писателя новые силы, направленные на защиту и борьбу за любимого человека, «все весенние цветочки <...> просят нас об одном — о защите», они «пробуждают в нас лучшие силы в борьбе за любимое» [5, 389].

В сборнике воспоминаний о М.М. Пришвине «Личное дело» Г.Г. Лахути — переводчик, сын иранского поэта Абулькаси, революционного борца, вспоминает о дружбе его отца с писателем и пишет, что «Михаил Михайлович отказался подписать Стокгольмское воззвание» [2, 485] о запрещении атомного оружия. Но этот факт был связан с тем, что «М.М. не понравилось <...> все решили заранее за него» [2, 485]. Однако М.М. Пришвин в последние годы жизни много размышляет о парадоксе войны и мира, борьбе за счастье на Земле. Автор приходит к выводу о разрушении и моральной нечистоте со стороны двух воюющих государств, т.е. массы людей перестали идти на уступки другой массе, в чем и проявляется утрата культурных, нравственных ценностей, пагубное воздействие на окружающую среду, природу. «Сущность холодной

войны, — писал Пришвин, — только в том, что одна сторона ждет промышленного кризиса в другой, а другая — нравственного кризиса в первой, и всеми возможными средствами это проповедует, бросая словесные утверждения и даже формулы злобы и лжи друг на друга, как атомные бомбы» [2, 486].

Человек в масштабах войны выживет, но тот, в котором «есть Бог» и перемена в обществе может выражаться только через него. Н. Федоров считал, что путь к преодолению смерти лежит через всецелую отдачу каждого сотворенного существа Богу. Все человечество «выйдет из нынешней беды, пусть даже большими жертвами» [3, 487]. Пришвина не покидает мысль о спасении, оно носит освободительный характер, вере в силу и мощь русского народа: «есть ли еще в Европе другой такой народ, кому так хочется жить? <...> Мы должны победить, и мне кажется, мы уже победили: лучшие дивизии немцев разбиты» [5, 393]. Однако в русских людях писатель видит характерную черту: «легкомысленнейшее успокоение» [5, 397]. Но за этой особенностью скрывается такая всемогущая сила славянской нации, которую «никогда не победить» [5, 404].

Русский народ нацелен не на завоевание и господство над миром, в приоритетах выдвинута независимость и освобождение от порабощения. Сокровенное и священное понятие «народ» связано с «внутренним огнем», который «соединяет «я» и «ты» в наше «мы», это сердце» [5, 417] распростертое для всех людей на земле. Писатель на протяжении своей жизни увлекался фотографией и снимал маленьких детей, а впоследствии отправлял их отцам на фронт для поддержания боевого духа солдат.

Из дневника М.М. Пришвина видна его заинтересованность каждой небольшой победой или проигрышем русской армии. Записи напоминают некую хронологию исторических событий. За 23 октября 1941 года читаем: «В Москве объявлено осадное положение <...> // Взят Таганрог» [5, 405]; 22 декабря 1942 года: «По радио передавали о новой нашей победе на Дону: прорван фронт на 70 км, продвинулись за Дон на 90 и взяли в плен 10 тыс.» [5, 430]. Записи дополнены личными переживаниями автора, что воссоздает особый трагизм войны.

Через культ страдания писатель утверждает не только ее непреодолимость, но и необходимость, спасительность, благотворность исхода военного конфликта. Тем самым выражается борьба против социального гнета и спасение самого человека от греха, и его нравственное совершенствование: «<...> хлебнув до конца <...> самого страдания человеческого и вернувшись на остров спасенья, начинаешь понимать, что война, как теперь не случайность, война только открыла глаза, что сущность — страдание» [5, 395]. В человеке Пришвин усматривает «вторую природу», связанную с «обходом возмездия за убийство» [5, 437]. Один приказывает, освобождая себя от миссии палача, физической грубости, другой — убивает, выполняя приказ, и также является безответственным в убийстве. «Умысел» достоин наказания, т.к. он содержит

в себе зло. Писатель видит свою задачу, в том, чтобы довести греховное начало «до более широкого сознания» [5, 438].

Главное для писателя жить по совести и правде, но эта мысль утопична в условиях современности, да и «люди в Москве теперь полусумасшедшие. И не мудрено: такой казни массовой, посредством метания бомб в дома больших городов еще не было» [5, 407].

Жизнь, по мысли Пришвина, продолжается независимо от потерь, утраты близких людей, и в результате «реки женских слез» или «реки мужской крови» [5, 391]. Женщина для писателя — «сосуд страданий и горя» [5, 453]. Даже через «слово», мощный инструмент писателя, нельзя передать страшные картины войны, по словам Пришвина, «оно теряет силу» [5, 408] и «против никто ничего не может сказать» [5, 408].

В дневниках писателя звучит тема национального патриотизма. Он вынашивается как вполне здоровое сознание и действует тогда, когда «превозносится, как превосходство над всеми, дающее право господства» [5, 459]. Пришвин считает, что если во Вселенной воцарится мир, то «весь патриотизм взлетит пуще, чем город от атомной бомбы» [2, 487]. Речь Сталина в 1941 году вызвала большой духовный подъем среди русских солдат, «действительный это патриотизм <...>, сказать хочу, но не могу» [3, 235], — писал автор. Одной из основных задач большевизма, по мысли Пришвина, является «вскрыть язвы всего мира» [5, 410], и спасение для каждого должно быть всеобщим, т.е. единение русского народа.

В немецко-фашистском сопротивлении писатель усматривает бессмыслицу и опасность последствия войны в назревании признаков диктатуры. «Одним словом, Германия всем оставит большое наследство» [5, 444], — утверждает писатель. Пришвин видит в немецком народе большую человеческую трагедию, а Гитлер наделен «глупейшим» сознанием завоевателя Мира. «И Гитлер будет, как Раскольников, заумный человек, принужденный стать на колени перед своим народом» [5, 465]. Фашизм был связан с вседозволенностью и безнравственностью: отрицание Бога и духовных законов бытия. Гитлеровская идея «высшего класса» и идея «большой войны» воспринята Пришвиным как «ужасная <...>, которая рождалась <...> из спокойного вычисления Среднего посредством арифметической пропорции: среднего несуществующего, которое должно существовать» [5, 396]. Вся трагедия заключалась в бесполезности этой идеи для искалеченных жизнью людей. Гитлеризм связан «чувством превосходства» перед всеми народами мира, в противовес сравнивалось «чисто детское состояние души русского человека» [3, 202].

Только победа способна решить многие проблемы, нависшие над Вселенной. Война в представлении Пришвина порочна, т.к. страны стремятся к единству, но пути у всех разные: «Германия <...> — путем господства немцев над всем миром. Русские против господства наций отдельных, и самое господство уничтожают посредством механизма

управления <...> «[5, 427] Различные цели делают из людей врагов по отношению к друг другу. Но в одном и другом случае всегда страдают невинное молодое поколение. Писатель вспоминает об эвакуации маленьких детей блокадного Ленинграда. Большинство из них подобраны «на трупах своих матерей, умерших от голода» [5, 436], эти непорочные создания, «у которых вместо ягодич висели мешочки, тело, как сумка с костями, а волосы — сплошные колтуны с кишасшими насекомыми» [5, 436]. В детях Пришвин находит целительную творческую восстановительную силу, направленную на искоренение зла во всем Мире. Дневниковые записи о блокаде северной столицы в годы войны послужили первоосновой для написания «Рассказов о ленинградских детях» (1943–1944), тема войны нашла свое отражение в «Повести нашего времени» (1943–1944), «Корабельной чаше» (1952–1953), «Глазах земли» (1946–1952).

Борьба, по мысли писателя, является источником большой и сильной любви за любимого человека. Проиг-

рывает тот, кто «сдается» и в истории общества (война), и в истории личности (любовь). Страх стал причиной поражения гитлеровской коалиции и искоренение его, а единение — победой русского народа. В «Глазах земли» Пришвин пишет о чувстве родины в душе каждого человека, которое и способствовало безупречной победе: «У меня свое, у тебя свое, у него <...>, а вместе — это родина. Чувствовать вместе «свое» мы научились на войне» [6, 365]. Писатель не считал войну неизбежной, а рассматривал ее как испытание России и средство освобождения русских из под гнета Германии. Борьба за независимое существование принесла свои плоды 9 мая 1945 года, долгожданную победу.

Надежда и вера в прекрасное будущее для человека не покидает автора. «Новый свет» ожидает все человечество. И через «преодоление пространства и времени» человек вновь обретет знания, опыт, традиции, свидетельствующие о богатстве культуры, и останется «таким же неизменным, как и тысячи лет тому назад» [2, 487].

Литература:

1. Бердяев Н.А. Судьба России: сочинения / Н.А. Бердяев. — М.: Изд.-во Эксмо-пресс. Харьков. Изд.-во Фолио. 2001.
2. Гришина З.Я. Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович: воспоминания современников. — СПб: Росток. 2005.
3. Пришвин М.М. Мы с тобой. Дневник любви / М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина. — СПб: Росток. 2003.
4. Варламов А.Н., Пришвин М.М. — М.: Молодая гвардия. 2003.
5. Пришвин М.М. Собрание сочинений. В 8-ми т.Т.8. Дневники, 1905–1954 / Сост., подгот., текста и коммент., Т. Бедняковой и др. — М.; 1986.
6. Пришвин М.М. Зеркало человека / Составление и послесловие Т.Н. Бедняковой; Комментарии Т.Н. Бедняковой и В.В. Круглевской; Ил. и оформление Б.А. Школьника. — М.: Правда. 1985.

Ключевое слово *любовь* в романе А.И. Куприна «Колесо времени»

Викторина Татьяна Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

«Психолингвистические эксперименты, направленные на исследование смыслового восприятия речевого сообщения и текста, подтверждают, что читатель воспринимает текст концептуально, в его смысловой целостности. При этом в процессе понимания текста осуществляется компрессия его содержания, ведущая к его укрупнению, объединению текстовых фрагментов в смысловые блоки на основе общих семантических доминант, которые затем (при восприятии) предстают в виде ключевых слов» [2, с. 59].

Как и во многих произведениях И.А. Куприна, в анализируемом художественном тексте одним из ключевых слов является слово *любовь*. Необходимо отметить, что традиционно в произведениях этого автора любовь описывается как сильное, страстное чувство, всецело завладевшее человеком. А любимый герой — человек волевого

характера и благородного, доброго сердца, способный радоваться всему разнообразию жизни.

Почти все зафиксированные словарями русского языка значения слова *любовь* нашли свое воплощение в анализируемом романе. Прежде всего любовь как «склонность, расположение или влечение к чему-нибудь». Ср., например: «Люблю я Марсель. Все в нем люблю и старый порт, и новый и гордость марсельцев, улицу Каннобьер, и Круус-Пьер-де-Пуже, эту сводчатую тенистую аллею платанов, и собор Владычицы, спасительницы на водах, и узкие, в размах человеческих рук, старинные четырехэтажные улицы, и марсельские кабачки, а также пыльность, фамильярность и добродушие простого народа», «мы любили путешествовать наудачу», «любила эти бесхитростные рассказы».

В то же время доминирующим в романе является реализация у слова любовь такого значения, как «чувство глубокой привязанности, сердечного влечения». При этом в начале романа нам представлен образ идеальной любви. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «идеальная любовь мыслится в русском языке как исключительно сильное и глубокое чувство, во многом необъяснимое и драматическое, испытываемое однажды в жизни по отношению к единственному человеку другого пола и сопровождаемое уверенностью субъекта, что в мире нет другого человека, который любил бы его предмет с такой же силой, как любит он сам, связанное с наличием физической близости или стремлением к ней и обычно взаимное, поднятое над бытом и способное дать человеку ощущение счастья» [1, с. 457]. Ср., лексемы, участвующие в категоризации: величайшее счастье в мире, праздник любви, высочайший и самый редкий дар, сладчайшее рабство, великое счастье. Любовь характеризуется соответствующими эпитетами: крылатая, вечная, «нежная и страстная, кроткая и всегда радостная любовь Марии». А герои друг для друга становятся добрыми друзьями, счастливыми любовниками, радостью, ср. например: «мгновенно почувствовала, что ты будешь моей радостью, и я буду твоей радостью».

Такое чувство остается неизменным у героини этого романа. В прощальном письме она пишет: «Бог знает, каких мне усилий стоило, чтобы не сорваться, не полететь к тебе первым попавшимся поездом». А у героя чувство любви на протяжении романа трансформируется. Ср., например: «В первые розовые дни нашей любви я чувствовал себя перед нею и некрасивым и неуклюжим... Она для меня была богиня или царица, полюбившая простого смертного», а потом «стал я в любви ленив, небрежен и часто равнодушен», «проклятая сила привычки уничтожила мое поклонение перед Марией и обесцветила мое обожание».

Любовь предполагает близость духовную и физическую, а герой оценивает свои отношения с героиней как дружеские: «Я был дружен с этой женщиной год и четыре месяца. Заметь, я говорю — дружен, потому что не могу сказать — близок: в свою душу она меня не пустила и почти никогда не пускала». Интересно, что в романе употреблены только две лексемы словообразовательного гнезда, за исключением глагола любить, *любовники* и *любовница*, помогающие дифференцировать содержание понятия, указывающие прежде всего на физическую близость двух героев и реализацию в художественном тексте такого значения слова любовь, как «чувство привязанности, основанное на половом влечении». Это подчеркивается и признанием самого героя: «Она оставалась для меня незаменимой, обольстительной, прекрасной любовницей». В то же время любовь как «чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов» перестает быть актуальным для героя. Ср., например, в начале романа: «нередко мы замечали, что наши мысли идут параллельно; часто мы произносили одновременно одно и то же слово; привычки и вкусы становились общими», а потом: «Однажды я от-

казался сопровождать ее к «розовым старичкам», оправдываясь спешной работой. В другой раз отказался уже без всякого повода». В анализируемом романе герои противопоставлены по их способности любить. На страницах романа автор создает образы двух разных персонажей с неодинаковым поведением в любви, что объясняется прежде всего их человеческими качествами. Как справедливо заметила М. Нахратова, «в художественном мире Куприна любовь характеризует не столько отношения персонажей, сколько личность героя» [4, с. 67].

В рассматриваемом романе характеристика персонажам дана с позиции главного героя. Героиню он оценивает следующим образом: «так мила, так предупредительна, так нежна, догадлива была Мария, так щедра, скромна и искренна, она была в любви так радостна, она любила жизнь, и такая естественная теплая доброта ко всему живущему исходила из нее золотыми лучами», «сама обыденная жизнь открывала мне изредка новые черты в ее загадочном существовании и в ее прекрасной душе — свободной, чистой, гордой и доброй». Он на протяжении их романа, с его же слов, характеризуется так: «какой я был дурак», «как глуп и как ничтожен был я в эти минуты». Герой сравнивает себя с павлином: «...А у павлина нет ничего, кроме внешней красоты. Голос у него раздирающий, противный, а сам он глуп, напыщен, труслив и мнителен... Нет-нет, а я все поглядывал на павлина, чувствуя все-таки, что какая-то странная, неуловимая связь есть у меня с этой художественной вещью».

Любовь, которую принесла герою Мария, он описывает следующим образом: «...есть неизбежно у женщины, нашедшей наконец свою инстинктивно мечтанную и желанную любовь, есть у нее одно великое счастье, и оно же величайшее несчастье: она становится неутолимой в своей щедрости. Ей мало отдать избраннику свое тело, ей хочется положить к его ногам и душу... Ей сладостно взирать на свое сокровище, как на божество, снизу вверх. Если мужчина умом, душою, характером выше ее, она старается дотянуться, докарабкаться до него; если ниже, она незаметно опускается, падает до его уровня». Героиня попыталась опуститься до уровня героя, но не смогла, а герой не старался подняться до ее уровня. В прощальном письме она пишет: «Что-то есть в нас такое, что постоянно разъединяет нас и мешает нам жить в полном счастье».

Таким образом, любовь-счастье в начале романа постепенно трансформируется в любовь-несчастье из-за невозможности быть героям вместе и наступившего вслед за ней одиночества.

Как отмечает Л.В. Крутикова, «для произведений Куприна последнего десятилетия вообще характерно сочетание грусти и света, радости и печали, что придает особый тон его книгам. Писатель повествует о богатстве и красоте человеческих душ и одновременно о том, как люди утрачивают счастье, остаются одиночками, непонятыми, не сумев радостно и полнокровно прожить свою жизнь... В них все в настроении, в переживаниях и оттенках, в тонкости душевных переживаний героев» [3, с. 113].

Литература:

1. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1999. Вып. 1; 2000. Вып. 2.
2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., Флинта, 2003.
3. Крутикова Л.В. А.И. Куприн. Издательство «Просвещение» Ленинград, 1971.
4. Нахратова М. Ключевое слово любовь в повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет» — РЯШ, 2003, № 4. — С. 64–67.

Особенности создания женских образов в ранней прозе Б.К. Зайцева

Вилесова Марина Леонидовна, студент

Научный руководитель: М.А. Хатямова, д.ф.н., профессор

Томский государственный педагогический университет

Со времен эпохи Возрождения женщина становится одним из главных объектов изображения в искусстве. Взаимодействие личного восприятия с внешними факторами (социально-исторической реальностью, современными философскими идеями) рождает в сознании писателя сложный, индивидуально обусловленный образ женщины, который является неотъемлемой частью его мировоззрения. Этот образ несет в себе повышенную смысловую нагрузку, т.к. именно в нем заключены наиболее характерные для писателя представления об идеале, истине и красоте (Татьяна Ларина в творчестве А.С. Пушкина, образ Прекрасной Дамы у А.А. Блока и т.п.). В связи с этим, особый интерес представляет исследование женских образов в творчестве одного из виднейших представителей Серебряного века Б.К. Зайцева. Творчество Зайцева в данном аспекте не становилось предметом самостоятельного изучения. В исследовании Ю.М. Камилляновой отмечается наличие в прозе писателя образа «простой женщины» (в рассказах «Аграфена» (1908)) «Авдотья — смерть» (1927), Г.В. Захаровой выделяется «роковая женщина» (в рассказах «Спокойствие» 1909, «Лина» 1910)), О.Г. Князева делает вывод, что образ героини романа «Дальний край» (1912) близок образу Вечной Женственности. В целом, в работах исследователей тема разработана недостаточно.

Материалом для исследования выбраны рассказы из первого сборника писателя «Тихие зори» — «Миф», «Молодые» и «Сестра» — как наиболее репрезентативные для осмысления темы. Преобладающий жанр в данном сборнике — небольшой лирический рассказ, как отмечал сам Б. Зайцев: «...Я начал с импрессионизма <...>, когда впервые ощутил для себя новый тип писания: «бессюжетный рассказ — поэму» [3, с. 6]. В силу особенностей художественного метода, герои его ранних лирических рассказов не наделены традиционным описанием внешности. Совокупность ярких художественных деталей помогает созданию образа женщины.

В первую очередь, обратимся к активному использованию Зайцевым мифопоэтических образов. Показательным является рассказ «Миф» (1906), название которого концептуально, так как автор создает свой миф о мире. Уже в семантике прозвища главной героини — Лисички автор акцентирует принадлежность женщины к природному миру. В славянской мифологии лиса — спутница и воплощение богини судьбы и урожая Макоши [7, с. 86]. Внешняя сущность лисицы — яркая красота, изящность; используя прозвище с подобной семантикой, автор выделяет в женщине физическую красоту как доминанту образа. Описание героини изобилует символическими сравнениями и поэтичными эпитетами. Автор поочередно сравнивает Лисичку с животными, благодаря чему образ женщины коррелирует с важными понятиями. «Приветливый жеребенок» — символизирует плодородие [6, с. 89], «светло-солнечная рыба» — сексуальную гармонию [6, с. 162], «милый страус» — олицетворяет магическую силу, и в то же время слабость [6, с. 202]. Приведенные сравнения углубляют материальный, природный пласт образа героини, связывают Лисичку с животным миром. В соотношении со всем материальным, земным, животным проявляется языческая семантика; и именно телесность образа акцентируется автором. Повествователь не единожды отмечает пенно-розовый (символика Афродиты) румянец героини, а в заключительном абзаце называет ее «Пеннорожденная», напрямую отсылая к образу языческой богини Афродиты. Языческая, дионисийская семантика проявляется также в образе действий героини: Лисичка иррациональна, она поддается порывам чувств, инстинктам («Я устала! Я засну»), а также в безумном танце героини посреди березовой рощи («Я ничего не понимаю! <...> свет, свет, я пьяна светом!») [1, с. 52–53].

В рассказе «Молодые» (1907) для описания героев и окружающего их пространства автор использует фольклорный код. С этим связано обилие пантеистических образов и символических деталей. Писатель стремится

передать мифологически цельное ощущение жизни. Для описания пространства использованы такие природные образы как земля, небо, дубы, лошади, грачи. Герои (мужчина и женщина) — органичная часть этого пространства, они близки к земле, проявление чувств для них естественно. Гаврила и Глаша заняты общим делом — пахут землю. Борона имеет физическую, эротическую символику [7, с. 29]: обрабатывая землю, молодая пара возделывает собственные чувства, в них пробуждается любовь. Крестьянская девушка Глаша изображена в соответствии с фольклорной традицией: «сильной, трудолюбивой, с молодым, могучим, телом» [1, с. 75]. Характеристики героини носят подчеркнуто телесный характер: «пышущее тело», «глаза пьяно блистают», «толстая», «розовая», «томная», «щеки рдеют вишней». Автор вновь подчеркивает материальность женщины, ее близость к природе.

Важным средством создания женских образов в рассказах является использование цветов — символов. Образы героинь прописаны в свойственной Зайцеву манере импрессионизма: отдельные штрихи, тона, полтона передают не статичный образ, а его сиюминутное восприятие. Согласно теории цветовой символики [2, с. 102], каждый цвет (и оттенок) воспринимается сознанием человека определенным образом, несет особый смысл. При описании Лисички («Миф») используется множество соляных оттенков (золотой, рыжий, коралловый, желтый, красный), что подчеркивает связь героини с солнцем, символом созидательной энергии, жизненной силы, вечной молодости [6, с. 190]. Глаша («Молодые») описана оттенками другой цветовой гаммы. В ее образе преобладает сочетание черного и красного цветов (вишневый, кумачный, багровый, карий), так передана аура страсти, желания (красный цвет) и тайна магической притягательности (черный цвет) Эти цвета также символизируют первобытные цвета мира: разрушительный огонь и созидательное плодородие земли.

Исследователями творчества Б.К. Зайцева неоднократно отмечалось влияние философских идей Вл. Соловьева на его творчество. Мир, в понимании Соловьева, управляем двумя началами — мужским и женским. Женственное, чувственное, материальное и пассивное обозначается им как «Душа». Мужское, осмысляющее, активное начало как «Ум». В рассказе «Миф» отчетливо прослеживается подобное деление. В первых строках рассказа мы встречаем главного героя Мишу, причем, физическое описание героя отсутствует, единственные материальные детали его облика «пиджачок» и «фуражка» [1, с. 50], эти предметы являются атрибутами его социального положения и рода занятий. Миша — интеллигент, основной вид его деятельности — умственный труд. Автор изображает именно его мысли, действия Миши описаны преимущественно глаголами ментальной активности: «думает», «ложится и слушает, как молчит горизонт», «узнает ее», «долго читает». Миша стремится глубже узнать то, что видит вокруг, рационализировать это. Миша — воплощение «Ума». Лисичка же олицетворяет женское, ма-

териальное начало, или «Душу». Описывая ее, автор активно использует цвет, приводит физические подробности. В противоположность Мише, глаголы, характеризующие Лисичку, в основном носят эмотивный, чувственный или же конкретно — действенный характер. Она не анализирует свои чувства, а выражает их: «весело подхватывает юбку», «блаженно бормочет», «кружит вокруг», «радостно захлебывается». Образ Лисички телесен, она живет чувствами. У Соловьева, как и у Зайцева, противоположности соединяются с помощью «Духа абсолютной любви». Герои рассказа «Миф» дополняют друг друга. Она заставляет его действовать (идти, бежать), он ее — думать (о мироздании, о будущем). Соединяясь, они обретают космическую гармонию.

В рассказе «Молодые» Гаврила и Глаша также объединены чувством любви. Здесь видится влияние идей Вл. Соловьева о физическом проявлении этого чувства, которые были изложены в статье «Смысл любви». Философ, объясняя феномен любви, приходит к выводу, что любовь есть действительное упразднение человеческого эгоизма через оправдание и спасение индивидуальности. «Только одна сила может подорвать эгоизм, это — любовь, и главным образом, физическая» [5, с. 172]. Б.К. Зайцев своеобразно углубляет и развивает проблематику, намеченную философом, но использует для создания образа героини литературный код фольклора, не связанный с идеалистическими представлениями о Вечной Женственности. С помощью обращения к архаичным литературным цитатам, стилизации Зайцев усиливает общинно-родовое начало в характере героев рассказа. Глашуха и Гаврила — носители традиционного опыта поколений, они принадлежат жизни крестьянской общины, подчиняются ее законам. Зайцев удваивает отдаленность героев от эгоистического начала: как носителей общинного (фольклорного) сознания и как влюбленных. Герои лишены эгоизма, однако лишены и индивидуальности. Индивидуальность они и обретают в своей любви («мало ли с кем он не возился на покосе, но тут серьезней», — отмечает Гаврила исключительность своей Глаши). В финале рассказа молодые крестьяне отделяются от общины в семью. Разрабатывая тему любви в своем творчестве, Зайцев обращается к одному из аспектов философии Соловьева. В рассказе воплощена простая женщина, носительница родового опыта в любви — процессе ее индивидуализации и одновременного отречения от эгоизма.

Рассказ «Сестра» (1907) отличается от ранее названных способами создания женского образа. Автор смещает акцент с внешней, материальной части образа на психологическое состояние женщины. Героиня довольно многословна, что не характерно для ранних монологических рассказов Зайцева. Речевой портрет Маши — наиболее важная характеристика. Она думающая, рефлексирующая героиня. Автор позволяет ей самовыразиться, герой-повествователь лишь отмечает внешние перемены ее облика, которые описаны с помощью ярких деталей: «похолодалое лицо, бледное, с потемневшими губами»,

«голос срывается и трепещет» [1, с. 80–81]. Здесь женский образ не просто проявление внешней красоты, чувственности и природной мудрости. Автору интересна ее духовная жизнь. Еще одно коренное отличие Маши от предыдущих зайцевских героинь — она несчастна в любви, жизнь представляется ей дисгармоничной, героиня перестала понимать ее смысл. Однако женский образ на протяжении рассказа претерпевает эволюцию: любовь внезапно открывается Маше как всеобъемлющее, многогранное чувство, не имеющее срока давности, проявляющееся не только в отношениях между мужчиной и женщиной: «Знаешь, я никак не могла уснуть, <...> я смотрела на девочку на свою и вдруг такую я к ней любовь почувствовала — пусть, пусть мы умрем все, но мы так любили...» [1, с. 83]. После этого откровения герой-повествователь описывает ее «облегченный, как бы просветлевший и одухотворенный образ». Образ женщины в рассказе «Сестра» автор создает с помощью реалистических, психологических характеристик, а также вводит в рассказ элементы самоанализа героини. Внешняя действительность (ночь, мрак, видения смерти) является отра-

жением внутреннего хаоса героини. Зайцева как художника в большей мере начинают волновать проблемы этого взаимодействия.

Таким образом, женские образы в ранней прозе Б.К. Зайцева создаются использованием мифопоэтических, пантеистических и языческих образов, поэтических символов, сравнений и эпитетов, а также цветовой символики, что является воплощением пантеистического мировосприятия молодого писателя, увлеченного импрессионизмом. Важной чертой женских образов в ранней прозе Зайцева является то, что он создан с опорой на идеи Вл. Соловьева, как эстетические — о природе Вечно Женственного, так и этико-философские — о мироустройстве и смысле любви. Женщина у Зайцева неотделима от понятия любовь, вся ее жизнь сосредоточена вокруг чувства, определяющего ее жизнь. В более позднем рассказе «Сестра» телесность перестает быть определяющим качеством женского образа, который приобретает психологические черты. Женские образы Зайцева в рамках одного временного этапа творчества претерпевают эволюцию, развиваются вместе с автором.

Литература:

1. Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 11 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1999–2001.
2. Базыма Б.А. Цвет и психика. Монография. ХГАК. — Харьков, 2001.
3. Прокопов Т.Ф. Восторги и скорби поэта прозы: вступит. ст. / Т.Ф. Прокопов // Тихие зори / Б.К. Зайцев. М.: Русская книга, 1999.
4. Соловьев В.С. Смысл любви. Избранные произведения. М.: Современник, 1991.
5. Соловьев В.С. София. Собр. соч.: в 20 т. Т. 2. М.: Наука, 2000.
6. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
7. Энциклопедический словарь. Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995.

Коллизия греха и покаяния в рассказе А.П. Чехова «Случай из практики»

Дунина Елена Владимировна, студент

Научный руководитель: Алексеев Анатолий Анатольевич, доцент

Шадринский государственный педагогический институт

Имя Антона Павловича Чехова известно читателям всего мира и вовсе не потому, что его рассказы забавны и коротки, а потому, что они глубоки по содержанию. Антон Павлович Чехов по праву считается мастером короткого рассказа, новеллы-миниатюры. **«Краткость — сестра таланта» — ведь так оно и есть:** все рассказы А.П. Чехова очень короткие, но в них заложен глубокий философский смысл. В маленьких рассказах художник научился передавать всю жизнь человека. Маленький рассказ у него вырастает до высоты эпического повествования.

Можно отметить следующие особенности поэтики А.П. Чехова.

Во-первых, уже в названиях рассказов заметно преимущество внимания автора к обыкновенному, буд-

ничному. В произведениях встречаются люди разных социальных слоев, профессий, возрастов, жители провинциальных и больших городов и деревень — маленькие чиновники, разночинцы, мужики. Допуская в заглавие «всякий предмет» («Справка», «Блины», Лист», «Сапоги» и другие), А.П. Чехов вызывает у читателей ассоциации то с бездуховностью этих людей, то с прозаичностью самой их деятельности [6, с. 34].

Во-вторых, писатель отказывается от подробной портретной характеристики. Он ограничивается более или менее яркой деталью, доверяя все остальное фантазии своего читателя. Внимание автора может быть сосредоточено на подробном описании вещей героя: калоши, очки, нож, зонтик, часы, халат, колпак. И только два — три пор-

третних штриха: «маленький», «скрюченный», «лицо, как у хорька» (образ Беликова) [6, с. 38].

В нашей работе мы рассматриваем коллизию **греха** и **покаяния** в одном из рассказов А.П. Чехова. На первом этапе исследования мы рассматриваем значение данных речевых употреблений. В христианстве понятие **греха** является одним из ключевых в проблеме спасения души. В догматическом богословии этот вопрос именуется догматом Спасения. Смысл его в следующем.

Мы все знаем, что Христос пришел для того, чтобы спасти человека от греха, чтобы он (человек) мог наследовать жизнь вечную. И, следовательно, первое понятие, которое необходимо нам разобрать и выяснить, связано с вопросом: «От чего Христос пришёл спасти человека?», — т.е. с понятием греха и сопутствующими ему в христианстве понятиями покаяния и грехопадения [3, с. 65].

Что такое грех? Как определяет его православный автор? Оказывается, это слово неоднозначно, оно имеет несколько смыслов и это нужно иметь в виду.

Первый, всем нам хорошо известный — **грех** есть нарушение Божией Заповеди, нарушение закона совести, грех есть беззаконие. Но оказывается, что есть ещё и другие значения этого понятия, и, не поняв их, мы можем допускать очень существенные ошибки [1, с. 50].

Второе понимание смысла этого слова связано с тем, что под **грехом** разумеется также вся та совокупность жизненной греховной атмосферы; дурные наклонности и пороки, которые, являясь принадлежностью общества, накладывают свою печать на рождающегося человека. Этот грех человек получает по «наследству» (первородный грех) [2, с. 57].

В словарях и энциклопедиях лексема грех имеет такие значения:

В толковом словаре Ефремовой [4] **грех** — это

1. Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, религиозно-нравственных предписаний, правил.
2. Предосудительный поступок, ошибка; недостаток.
3. перен. устар., Беда, несчастье.

С точки зрения авторов Большой Советской энциклопедии [1], **грех** — моральное зло, состоящее в нарушении действием, словом или мыслью воли Бога. Понятие «греха» выделяется из более древнего и внеморального понятия «скверны» (как бы физической заразы или нечистоты, происходящей от нарушения сакральных заповедей — табу); теология выделяет «первородный» грех первых людей, последствия которого наследуются их потомками.

Сейчас посмотрим, как определяется **покаяние**. Православное богословие говорит, что греческое слово *μετάνοια* (метанойя — «покаяние») означает «перемена ума», «перемена мыслей». Проповедь Христа призывает к изменению образа мысли и образа жизни, отказу от греховных дел и помыслов. **Покаяние** начинается с изменения человеческого ума, отвращающегося от греха и желающего соединиться с Богом. Покаяние всегда есть

умоперемена, то есть перемена одного направления ума на другой. Что делать тому, кого мучает совесть? Как быть, когда томится душа? Православная Церковь отвечает: принести покаяние. Покаяние — это обличение своего греха, это решимость не повторять его в дальнейшем [1].

В толковом словаре Ефремовой **покаяние** — это «возрождение от греха; сокрушение сердца о своей греховности и обращение к Богу в поиске чистоты. В широком смысле под покаянием подразумевается фундаментальная перемена в жизни: от произвольно-греховной, самолюбивой и самодостаточной — к жизни по заповедям Божиим, в любви и стремлении к Богу» [4].

Второй этап исследования предполагает рассмотреть, как явления греха и покаяния находят отражение в одном из рассказов А.П. Чехова. Стремление вскрыть основные противоречия эпохи побудили А.П. Чехова обратить внимание на капитализм в его наиболее характерном проявлении — крупной индустрии. Этой теме посвящен рассказ «Случай из практики» (1898). Писатель называет здесь капитализм «диаволом с багровыми глазами», который «владеет рабочими и хозяевами и обманывает тех и других» [3, с. 71].

Переживания героини рассказа «Случай из практики» — это переживания совестливого человека, чувствующего ответственность за все, что делается в жизни. Лизу Ляликову глубоко ранит все, что ей приходится видеть и слышать на фабрике, — вот почему она заболевает и чувствует себя несчастной. Она не пользуется той возможностью роскошной жизни, которую дают доходы с фабрики, — так как фабрика представляется ей обиталищем злой и таинственной силы. Инстинкт чистой и честной молодой души отталкивает Лизу Ляликову от богатства, и от того, что большинство девушек в ее положении превращало в счастливых невест с богатым приданным, всё это преследует ее как кошмар. Она просто не чувствует себя вправе быть счастливой.

Из рассказа мы узнаём также о докторе Королёве. Он москвич, «деревни не знал, а при слове «фабрика» в его голове возникают такие ассоциации, как «непроходимое невежество рабочих, дразги, водка, насекомые...»»

Проезжая по улице он видит: рабочие пугливо сторонятся коляски, в их лицах и походке — «физическая нечистота, пьянство, нервность, растерянность». Значит, эти люди «больны» и душевно, и физически. Больная — дочь хозяйки фабрики — страдает сердцебиением, но доктор ничего «острого» не обнаруживает — нервный припадок прошёл, сердце в норме.

Увидев рыдающую некрасивую девушку, доктор проникается сочувствием к этой страдальце, которую мать, не жалея средств, лечит всю жизнь; богатство не дало этим людям счастья, радости и здоровья. Мало того, они разобщены и одиноки.

Королёв хочет успокоить девушку не лекарствами, а «простым, ласковым словом». Он видит, что никакие лекарства не помогут там, где нужны любовь, сострадание, тепло души; причём он понимает глубокое одиночество

этой «залеченной» девушки, а при пространных речах гувернантки, считающей себя знатоком в медицине, Королёву «стало скучно».

Переломным моментом в развитии действия становится ночлег доктора в чужом месте, хотя Королёву этого очень не хотелось: дома, в Москве, много работы, ждёт семья, но, вздохнув, он остался.

Доктор Королёв при осмотре этой необычайной больной быстро догадался, что причины ее бессонницы и сильного сердцебиения лежат в области не физиологии, а душевной организации пациентки. Вот как звучит диагноз, который он ей ставит: «Вы в положении владелицы фабрики и богатой наследницы недовольны, не верите в свое право и теперь вот не спите, это, конечно, лучше, чем если бы вы были довольны, крепко спали и думали, что все обстоит благополучно. У вас почтенная бессонница; как бы ни было, она хороший признак». И он осторожно намекает ей, что в ее положении необходимо делать:

«...А для наших детей или внуков вопрос этот, — правы они или нет, — будет уже решен. Им будет виднее, чем нам. Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят...

— Что же будут делать дети и внуки? — спросила Лиза.

— Не знаю... Должно быть, побросают все и уйдут.

— Куда уйдут?

— Куда? ...Да куда угодно, — сказал Королёв и засмеялся. — Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человеку» [5, с. 90].

Королёв — это профессионал, прекрасный специалист; ему присуще острое ощущение несправедливости существующего порядка: «Тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке... живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара...» Философский склад рационального ума сразу же подсказывает доктору истину: никто, кроме гувернантки, не счастлив здесь; хозяйка и её дочь несчастны

и обречены. Острое ощущение неблагополучия, нездоровой обстановки вокруг рисует в сознании ординатора образ фабрики-дьявола — жуткого чудовища, поглощающего человеческую жизнь: «Главный же, для кого здесь всё делается, — это дьявол».

Лиза Ляликова видела многих врачей, но именно к нему прониклась доверием, а Королёв, умный и добрый, теперь видит не уродливую девицу, а равного собеседника с высоким интеллектом и чистой, нежной душой. Оба понимают, что Лизе надо оставить это «дьявольское» место, ибо богатство, если отдать ему душу и сердце, погубит: «Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человеку». Будто благословением звучат слова доктора: «Вы славный, интересный человек».

Провожая Королёва, Лиза «смотрела на него грустно и умно». И атмосфера в фабричном посёлке уже не как вчера: звонят в церкви, поют жаворонки. Хочется верить, что жизнь будет светлой и радостной, как это весеннее утро.

На наш взгляд, **грех** в данном рассказе заключается в полной духовной пустоте, поражающей и хозяев и рабочих. Фабрика и вся жизнь сориентирована на материальные ценности, а душа остаётся пустой.

Грех в том, что между людьми нет любви, они все разобщены. Счастлив здесь тот, кто способен жить чисто телесно: гувернантка любит поесть, её интересует только материальное и поэтому она единственная чувствует себя счастливой.

Проблема произведения остаётся актуальной и по сей день. Даже сейчас в современном мире у каждого человека своё субъективное понимание счастья: для одних оно лишь в материальном благополучии, для других — совсем в ином. На мой взгляд, счастье заключено в совокупности моральной удовлетворенности, душевного покоя и материального благополучия.

Литература:

1. Большая советская энциклопедия (электронный ресурс) // <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-2856.htm>
2. Дунаев М.М. Православие и русская Литература: В 6 ч. Ч.4. [Текст] / М.М. Дунаев. — М.: Христианская литература, 1998.
3. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы [Текст] / А.Б. Есин. — М.: «Просвещение», 1988.
4. Словарь Ефремовой (электронный ресурс) // <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-2856.htm>
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т.8 [Текст] / А.П. Чехов. — М.: Наука, 1985.
6. Чудаков А.П. Поэтика Чехова [Текст] / А.П. Чудаков. — М.: Славянская филология, 1971.

Метафизическая сущность «авось», «небось» и «как-нибудь» как средство выражения ментальности русского народа (на материале сказки С. Кржижановского «Когда рак свистнет»)

Кузьмина Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент
Самарская гуманитарная академия, филиал в г. Тольятти

Согласимся с утверждением, что метафизика, то есть осмысление неизменных оснований бытия, его законов и принципов, которые являются первичными и духовно-мыслимыми формами, не просто отвечает на многие вопросы человека и решает проблемы, но и преломляет их через духовные основания бытия каждой национальной культуры посредством осмысления образов и символов, обусловленных национально-культурными традициями [15, с. 49–63].

В исследованиях философов и культурологов о психологических особенностях русского архетипа неоднократно подчёркивалось такое свойство феноменологии русской души, как фатализм, то есть, способность русского человека выражать пассивно-созерцательное отношение к миру. В своём сочинении *«Судьба России»* Н.А. Бердяев так определяет особенности русского национального характера и русской души: «В типически русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитрестности. <...> Это душа — легко опускающаяся и грешащая, кающаяся и до болезненности сознающая своё ничтожество перед лицом Божиим. <...> Ждёт русский человек, что сам Бог организует его душу и устроит его жизнь. В самых высших своих проявлениях русская душа — странническая, ищущая града не здешнего и ждущая его сошествия с неба» [3, с. 175].

Надежда на случайное, на лучшее будущее, упование на удачу и вера в сказочные сюрпризы (когда все проблемы разрешатся как бы сами собой), беспечность и неуверенность в себе, непрактичность и бесхозяйственность — становятся для русского человека не только определяющими в его поведении, но и одной из *«ключевых идей»*, или сквозных мотивов, русской языковой картины мира. Можно попытаться найти объяснение данному феномену. С одной стороны, на опыте многих поколений своих предков русский человек убедился в том, что многое предопределено в его жизни, многое может произойти независимо от его воли и желания, что бы он ни предпринимал. С другой стороны, как полагает В.Н. Брюшинкин, вследствие того, что в русской жизни «почти нет стандартных, рутинных путей из одной точки в другую и каждый раз приходится наткаться на необработанное бытие», практически любой процесс становится опасным и творческим [5, с. 31]. Следовательно, вера в независимое от нас *сверхрациональное бытие*, которое больше и умнее человека и существует как сверхрациональный космический процесс со своими собственными законами, в совокупности недоступными человеческому рассудку, а также

доверие к *иррациональному бытию*, которое также воспринимается как благоприятное для человека, подхваченного потоком жизни и несущегося к желанной цели, сказывается и в фатализме русского человека, и в непредсказуемости его поступков, и в устремлённости к беззаботности, и в вере в чудо и счастливую неожиданность.

Совокупность единиц, выражающих данный внеязыковой феномен, представлена такими лексемами, как *«авдруг»*; *«на всякий случай»*; *«если что»*; *«авось»*; *«как-нибудь»*, *«небось»* [8, с. 11]. Частотность употребления этих слов в современном русском языке подтверждает правомерность русской поговорки: «Русак на трёх сваях крепок: авось, небось да как-нибудь».

Лингвокультуры (В.В. Воробьёв) *«авось»*, *«небось»* и *«как-нибудь»* можно отнести к группе так называемых *дискурсных слов* («мелких слов», по выражению Л.В. Щербы) — разного рода модальных слов и частиц, трудно переводимых на другие языки, которые, утратив внутреннюю форму, содержат национально-культурный компонент и постоянно воспроизводятся в системе поведенческой коммуникации. Выступая в качестве часто употребляемых единиц ценностной сферы языкового менталитета, они приобретают значимость *культурных концептов*, тех «сгустков культуры» (Ю.С. Степанов), которые в сознании человека выступают в качестве основных единиц ценностной сферы языкового менталитета.

«Авось», рождённое, по свидетельству этимологических словарей, из союза «а» и указательной частицы «осе» («вот»), у русских устойчиво ассоциируется с неожиданным везением, незаслуженно привалившей удачей, счастливым случаем [16, с. 59; 18, с. 25;]. В.И. Даль даёт следующее толкование этому слову: *«Авось»* (нареч.) — может быть, станется, сбудется, с выражением желания или надежды. *Авоська* м. — будущий желанный случай, счастье, удача, отвага; кто делает всё на авось [7, с. 11].

Как указывает В.М. Мокиенко, выражение *«полагаться на авось»*, ставшее чертой русского национального характера, первоначально означало «полагаться на весьма ненадёжного, несуществующего в серьёзной мифологии *бога Авося»*, а в русском фольклоре, особенно в пословицах, семантически выкристаллизовывалось в ироническую характеристику небрежно исполняемых обязанностей [13, с. 16]. По другой версии, слово «авось» фонетически близко к названию в восточнославянской мифологии ритуального персонажа *Авсень*, связанного с Новым годом, с переломным моментом, границей между годом прошедшим и годом наступающим. Возможно

также, что Авсением в древности называли *некое сезонное божество*, олицетворявшее переход от старого к новому году [19, с. 7]. Возможно, что *Авось* в народномифологическом сознании, как и *Авсень* — податель всяческих благ, *олицетворяет некий передел, переход к неожиданному, новому, прибыток, щедрый дар*.

В исследованиях учёных-лингвистов определяется *несколько значений слова «авось»*: 1) надежда на благоприятный для говорящего исход дела; 2) оправдание беспечности, когда речь идёт о надежде избежать какого-то крайне нежелательного последствия; 3) непредсказуемость будущего: «всега всё равно не предусмотритишь, поэтому бесполезно пытаться застраховаться от возможных неприятностей, надо просто надеяться на благоприятный исход» [8, с. 439–441]. Следовательно, для русской ментальности образ фразеологизма *на авось* выступает в роли стереотипного отношения к чему-либо, основанного на *непредсказуемой воле судьбы* и подкреплённого лишь надеждой, верой в удачу, на волю Божию в решении своих проблем. Размышляя на эту тему, В.И. Даль в рассказе «Три супостата» писал: «Не знаю, правду ли, а говорят, будто нашего брата подчас одолевают три супостата: авось, небось да как-нибудь <...>. Поклёп это, как я полагаю, на русского человека — мало ли что врут. Однако с чего-нибудь да берутся такие речи» [4, с. 392].

Ответ на вопрос об особенностях русского национального характера необходимо искать в области метафизики культурологического духовного развития, нашедшего отражение в *народном творчестве* (сказках, песнях, поговорках, пословицах, фразеологических сочетаниях), где сформированы не только основы национального языкового сознания, стереотипы национального мышления и поведения человека, но и выражены мировоззрение, обычаи, традиции, верования и уклад жизни народа. Русская *паремнологическая традиция* создала немало пословиц и поговорок с лексемой «авось», что также позволяет утверждать укоренённость и многоаспектность данного концепта в русской языковой картине мира. Количество поговорок с культуремой «авось», по данным словарей, насчитывается около сорока единиц [6, с. 78; 9, с. 107, 400], их можно распределить по пяти тематическим группам: 1) *русский человек полностью полагается на авось, проявляя свою беспечность* (*Авось пронесёт; Авось кривая вывезет; Русский человек авось любит; Держись за авось, пока не сорвась; Русак на авось и взрос; Авось — вся надежда наша; Авось — великое слово* и др.); 2) *для русского человека авось является олицетворением высшей божественной силы* (*Авось Бог поможет; Русский Бог — авось, небось да как-нибудь; Авось не Бог, а полбога есть* и др.); 3) *русский человек не всегда надеется на авось*: (*Авось верь не вове; От авось добра не жди; Авось — дурак: с головой выдаст; Авось да небось — хоть вове брось; На авось полагаться — без головы остаться; Авось да как-нибудь до добра не доведут* и др.); 4) *русский человек иронически отно-*

сится к авось: (*Полагаться на авось — блуждать и вкривь и вкось; С авоськи ни письма, ни записи; Авось живы будем, авось помрём; Вывезет и авоська — да не знать куда; Живи, ни о чём не тужи, всё проживёшь авось не наживёшь; Авось да небось никого не кормят* и др.); 5) *родственная взаимосвязь между авось, небось и как-нибудь*: (*Авось да небось да как-нибудь; Русский человек на трёх сваях стоит: авось, небось да как-нибудь; Авось небосю родной брат; Авось, небось да как-нибудь — родные братья; Авоська небоське набитый брат; Три супостата одолевают нашего брата: авось, небось и как-нибудь* и др.).

Как видим, в этих поговорках и пословицах обнаруживается целый ряд коннотативных смыслов. Во-первых, это выражение «русской идеи» в определённом коде поведения русского человека, во-вторых, «авось», «небось» и «как-нибудь» — это персонифицированные образы, которые выступают в роли неких бессмертных духовных существ, являясь одновременно, с одной стороны, воплощением некой судьбоносной силы, божественной сущности, веры и надежды, а с другой — олицетворением беспечности, пренебрежительности и безответственности.

Поскольку язык живёт в нас, то он хранит в нас нечто, что можно было бы назвать «интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение» [10, с. 137]. Логика понятий, заложенная в словах «авось», «небось» и «как-нибудь», расцветает красотой образов и образной ёмкостью символов в *сказке-новелле С. Кржижановского «Когда рак свистнет»* (1927). Новелла С. Кржижановского — это попытка смоделировать фрагмент русского ментального пространства в той мере, в какой он представлен в языке, и в той степени, в какой он определён философской рефлексией. Персонифицированные архетипы русского национального сознания «авось», «небось» и «как-нибудь» выступают в качестве метафизического, религиозного и культурного знаков и выражают трансцендентальные представления о сущности бытия, о «русской идее» и феноменологии русской души, являясь средствами выражения ментальности русского народа.

Исходя из понимания того, что *язык связан с бытием и культурой народа*, автор иллюстрирует метафизическую сущность исчезнувших реалий «авось», «небось» и «как-нибудь» и, раскрывая сущность того, чего уже нет, тем самым восстаёт против умерщвляющей живую душу языка штампа и «автоматизации» слова. В этой связи нельзя не вспомнить рассуждения немецкого философа XX века М. Хайдеггера о том, что «язык — это дом бытия» и «сущность человека покоится в языке»; не люди говорят языком, а язык говорит людям и людьми. Понять язык, значит «разбить, разметить, разомкнуть» рисунок языка. «Дать слово языку как языку» — значит «нащупать» в переплетении языка ту свободную взаимосвязь мыслей, смыслов и отношений, которые дают нам «услышать нечто малое от собственно языка», иначе «смерть языка оборвёт последнюю нить, соединяющую человека

с бытием» [17, с. 360–361]. С точки зрения М. Хайдеггера, существо языка в целом можно назвать «сказом»: «с-казать — значит по-казать, об-явить, дать видеть, слышать». [17, с. 367].

Используя жанр *сказки* и опыт языка как *сказа*, который *по-казывает* и *вы-являет* понятийную сущность употребляемых в речи непереводаемых исконно русских слов «авось», «небось» и «как-нибудь», С. Кржижановский раскрывает через *со-бытие* их первозданную обусловленность и сущностные признаки русского национального характера, чтобы вся не вещественная, не метафизическая, не поэтическая, а чисто мифическая сущность этих слов объединилась в единое целое. И если миф — это слово (по А.Ф. Лосеву), то значит он должен выразить, высказать, выявить его вещественность и телесность. В составе произведения целенаправленно объединены и подчинены авторскому замыслу все его **уровни: идейно-тематический, композиционный и собственно речевой.**

Эмоционально-оценочные коннотации (созначения) мировоззренческого для русского народа слов «авось», «небось» и «как-нибудь» устанавливаются из паремиологического ряда, который создаётся двумя способами: во-первых, дублированием, повторением уже известных в русской паремиологии пословиц и поговорок с этими словами и, во-вторых, созданием новых авторских образований, передающих материальную сущность невидимых идеальных конструктов: «авось», «небось» и «как-нибудь». Персонифицированные «авоси», «небоси» и «какнибуды» активно участвуют в сюжете сказки, принимая лики видимого, реалистического мира, и отождествляются с некой субстанцией трёх народов, враждующих между собой: «*Между двух стран озеро без имени, над зыбями ивы, под зыбями рыбы без голу; над зыбями звёзды без времени, вокруг озера ивы колос-к-колосу <...>. Направо идти — придёшь к авосям; налево — к небосям*» [11, с. 289]. **Авоси** живут «на авось» — авось, всё само собой обойдётся, станет, сбудется: «*стоят авосевы города не горожены, авоськины дети не рожены, авоси живут беды не ждуют*» (289). **Какнибуды** живут в Какнибундии, живут как-нибудь, без старания и усердия, как-ни-попало, как-никак, кое-как — «*ни в два — ни в полтора, никто во двор, все со двора*»; живут «*тяп-ляп — выше корань, и сели б на корабль, да ни ветру, ни тех, чтоб гребли; сидят у моря — ждуют погоды*» (290). **Небоси** — воинственный народ, живут без боязни, на то они и небоси, потому что не боятся: небось — «не бойсь». У небосей «*искони — кони не рассёдланы, искони они, небоси, без опасности*» (289).

Фантазмагорический мир сказки, с одной стороны, поражает фантазией автора, с другой — это изображение реальной жизни со всеми её бытовыми сторонами трёх народов, названия которых получают семантическую обусловленность в контексте произведения: авось (а во се) — а вот сейчас, может быть; небось — не боясь, всё получится; как-нибудь — как будет, как получится. Выявляя

забытую внутреннюю форму дискурсивных слов в культурном пространстве народной жизни, автор углубляет их семантическую перспективу через призму **национально-прецедентных феноменов** [14, с. 298–300]: **война, святой, ворон, рак**, — которые воссоздают образ мира человека на когнитивном уровне и формируют менталитет русской языковой личности.

Война между народами нарушает безмятежный покой их повседневной жизни и приводит к **духовной разъединённости народов**, когда распадается система внутренних ценностей и рождаются злоба, ненависть, жестокость со слёзами и отчаянием. Небоси, «*искони без опасности*», войной на авосей пошли, «*придут — и пустят всё с дымами, угонят коров без имени, возьмут в полони, кто не рождён; долго потом озеро без имени кроваво стоит*». Затем какнибуды вместе с небосями пошли войной на авосей: «*взяли авосевы города не горожены, побили авось-деток нероженных*». Не боятся **небоси** бога: *у авоськиных деток нероженных головы можжены*; «*малые авосята нероженные плачут, а пуще авосевы жёны и старые авосихи*». Пришли **какнибуды**: «*в железо кованы груди, царство небесное валится*», «*стонет небось: хоть брось*», «*и пошли тут: авось на небосю, небось на авосю, а как-нибудь — и на этих и на тех*» (292). Образ войны окрашен **кровавой цветописью**, наполнен диссонансными звуковыми повторами: «*и за заревами, за рёвом рёв, за кровью кровь*», «*на костях и мясе кровавое варево: мечами замешано, слезами засолено, бьёт в него алым паром, пузырится-пучится из земли могилами*»; «*хлещёт кровь как из вымени*»; «*кровавым крапом травы окропило*»; «*легли небоси кровавым покосом*»; «*плывёт кровь из ран в землю, земными жилами в озеро и реку, а там, речным пловом к морским приливам, с волны на волну, красным крапом к морскому дну*».

Безумие и ужас войны, боль и страх, являясь **всенародным потрясением**, заставляет авосек, небосек и какнибудей задуматься о Боге.

Столкновение языческого и христианского создаёт «диалектику человека» и ту двойственность, которая характерна для русского национального характера. Идеал языческого сознания — выражение личного через общественное. Идеал христианского сознания — выражение общественного через личное — воплощён в образе святого Канеава. Был среди небосей именем **Канеав**, отца-мать которого извели авоси, а сестру увели блудные какнибуды, но «*у бедра Канеав не носил меча, а в сердце Канеав не носил зла*», взял он в руки посох странника, «*пошёл от небосей к авосям, от авосей к какнибудям*» и стал учить: «*Живите, небоси, по-христосьи. И какнибуды — люди. Авоська небоське набитый брат, <...> послушайте меня, Канеава, не живити кроваво, а живите братней семьёй: авось, небось да какой-нибудь третей*» (295). **Образ святого Канеава** символизирует ту нравственную силу, которая способна донести

истину, привести к духовной целостности, объединяющей мир, и остановить кровопролитие и убийство, приводящие к разьединённости и распаду системы нравственных ценностей. Святой небоська, подобно юродивым на Руси, совершает свой высокий духовный подвиг, обличая народы в жестокости и призывая их не враждовать между собой, он проповедует основы христианской веры: *«Братом друг другу будь, кто ты ни будь, хоть бы и какнибудь;.. одно мне нужно, чтобы жили вы друг с дружкой по дружбы,.. чтобы пришла на кровь схлынь, а на зло сгинь. Аминь»* (294). Выступая посредником между враждующими народами, Канеав балансирует на грани комического и трагического и, подобно юродивым, выступает как гротескный персонаж. Юродивый, как и святой, обладает собственной связью с Богом, поэтому он берёт на себя ответственность обличать неправду мира [12, с. 163]. Христианство, которое проповедует Канеав, привносит ориентацию на личную добродетель и выдаёт её за общечеловеческую. Идеал христианского сознания создаётся духовностью, или, по словам Н.А. Бердяева, «синтезирующим творческим актом», так как «цель человека не спасение, а творческое восхождение, но для творческого восхождения нужно спасение от зла и греха» [2, с. 97].

Устремлённость Канеава к высоким формам бытия рождает этическую ценность — идею совести. Совесть через идею Бога единит всех людей. Такое единение и порождает чувство соборности, на которой крепится и мораль личная, и мораль социальная. Святой Канеав, как учитель совести, сознаёт необходимость соборности — не случайно его имя оставлено из соединения начальных слогов названий враждующих между собой народов и символизирует их единение: **КАНЕАВ** (**КА**книбуды, **НЕ**боси, **АВ**оси). Святость Канеава является той высокой духовной силой, которая единит людей и создаёт соборность.

За свою веру Канеав был изгнан авосями и небосями, а когда пришёл в «какнибудиев стан» и стал там проповедовать, те, посмеявшись над ним, посадили святого небоську на доску и бросили его в море. Приплыл Канеав на «нелюдимый остров Курию-Мурию» и написал там небольшую хартию, которая называлась *«Когда же наконец свистнет рак»*. Опомнились какнибуды и решили вернуть Канеава, чтобы тот своей проповедью помог спасти их «от неправой напасти». Но небоси и авоси «озлились», что святой встал на защиту какнибудей, *«прибили бревно к бревну»* и, *«раскрестив Канеава, пядь и пядь, кисть и кисть — вверх, вниз, влево и вправо — гвоздями к бревну, бросили его труп в ночи»*. Тело Канеавово клюнул **ворон** и омыл свой закровавленный клюв в море. **Ворон**, считающийся в славянской мифологии нечистой птицей (вороны обычно слетаются на мертвечину и расклёвывают мясо мёртвых), ассоциируется в русском языковом сознании с кровопролитием, насилием и войной [19, с. 191].

Народ верит, что конец «неправды» (войны/вражды) наступит тогда, *«когда рак свистнет»*: *«Плачут малые авосята нерожённые, ещё пуще авосевы жёны, и того*

пуще старые авосихи: — Когда небосевой неправде конец? Отвечают Авоси: — Когда рак свистнет. И ещё: — Когда рыба запоёт» (289). Поговорка «когда как свистнет» занимает важное место в языковой картине мира русского народа и означает полную невозможность какого-либо события. Действия этого персонажа как прецедентного феномена в русских народных сказках указывают на его ум, хитрость и находчивость [1, с. 335]. Свист рака понимается как некое чудо, некая таинственная сила, которая служит обоснованием того, что у множества возможных линий развития событий в какой-то момент выбирается одна — так решается судьба. Следовательно, конец войны/вражды между авосями, небосями и какнибудями зависит от некой судьбоносной преобразующей силы, которая в решающий момент может всё изменить, исправить, надо только ждать, когда **свыше придёт указание: «пора!»**. И такой судьбоносный момент наступает. Когда в «море синее занесло первую кровь», обитавший на дне реки рак повёл длинным усом: *«Не пора ли мне, мне Актиньюшка?»*, но та в ответ: *«Крови мало, моря много. Уйдём»*. Во второй раз, когда «за белыми пенами алые пены пошли», рак спросонья спрашивает: *«Не пора ль..»*, но опять слышит от Актиньи: *«Спи-спи, старый; тени мало, тины много: глубже в тину... спи»*. И лишь в третий раз, когда кровь святого Канеава оказалась той **последней каплей**, которая дошла до глубин обитания рака-отшельника, тот был разбужен Актинией: *«Бу'ди-бу'ди, старый, иди-иди, свисти»*, — *«выполз на берег, клешнями в песок, огляделся, сел и, подумав «пусть», поднял свой правый ус и ... засвистел»* (296). Свист рака означивал то **критическое время**, когда, наконец, наступает **пора** свершения судьбоносного события (и невозможное возможно).

Для русскоязычной ментальности феноменологическое значение имеет **не количественная, а качественная спецификация времени**, выражаемая в русском языковом сознании словом **«пора»**, которое отражает метафизическое и архетипическое представление русского человека о времени активном, циклическом, космологическом и играет важную роль в пространственно-временной картине происходящих событий [21, с. 192–193].

Как видим, не проповедь святого Канеава побуждает авосей, небосей и какнибудей прекратить войну/вражду между собой, а наступление того активного, действенного момента, который вызван последней каплей его крови — смертью (неслучайно его хартия называлась «Когда же наконец свистнет рак»): *«Понесли ветры рачий свист из страны в страну. Просыпались авоси, какнибуды и небоси и говорили: ну-ну или: что за дивный свист? А от свиста на деревьях стал зеленее лист, воздух благоуханен и чист, золотистее золота заря, и мечи вдруг стали мягки, как актиниевы стрекала (не рубят — щекочут), и вражды на земле как не бывало, всякому вольно жить всяко, кто как хочет. <...> Никто — ни авось, ни небось, ни какнибудь — не толкает рыбака под бока и в грудь; сидит рыбак,*

ноги свеса, глядит в зоревую полосу и слышит: рыбы без голоса. Подняв из зыбей прозрачные рты, выводят тонко, как на клиросе: «Блажен еже милует и скоты». <...> И с той поры никто не скажет: небоси, или авоси, или какнибудди, — а говорит просто: люди» (297).

Автор выделяет рефрен — выразительную строку, своего рода разрешающий аккорд, обозначающий момент духовного единения и целостности народа: «Блажен, еже милует и скоты», то есть, достигнут блаженства, благополучия, благоденствия даже и скоты — нелюди, если будут милостивы, если будут щадить и прощать друг друга, жить в мире и не враждовать между собой. Тем самым, не только гармония, объединяющая мир, делает человека сопричастным к этой духовной целостности, но и само стремление к чему-либо высшему, совершенному также требует ответственности и за себя и за всё вокруг.

Оптимистический финал сказки — это изображение нового бытия, которое наполняется светоносной красотой и взывает к добру, любви и справедливости. Поэтому мессианство Канеава как стремление понять смысл всякого сущего (небось — небо — ось) оправдывается его причастностью к вечному и желанием познать истину духовным исканием, которое приводит к единению авось, небось и как-нибудь, ибо есть вера в возможность и необходимость потенциальной гармонии бытия, в бесконечные самоорганизационные «добрые» начала всего сущего. Отсюда, из оправдания бытия через веру в его организационный потенциал, доминирует оптимизм и полагание возможным реального воплощения мыслимых идеалов: 1) «авось» — «а во се» — «а вот сейчас» — всё само образуется и сладится, жизнь всё сама расставит на свои места; 2) «как-нибудь» — «как-никак будь, будь не смотря ни на что» — человек, как составная часть мира, должен быть ответственным за его духовную целостность; 3) «небось» — «не бойся» — «небо — ось» — познавая не только самого себя, но и опыт прошлого, духовные традиции, стремись к совершенному, нравственно-высокому, внедряя гармонию в жизнь.

Таким образом, рассматривая экспликацию дискурсивных слов «авось», «небось» и «как-нибудь» в художественном пространстве текста сказки, мы неизбежно приходим к выводу, что их **содержательная форма развивается до метафизической категориальной сущности**. Человеческое сознание перерождается. Та-

ковы результаты рефлексии писателя, истолковывающего своеобразие русской ментальности и феноменологию русской души. Как видим, исконные русские слова «авось», «небось» и «как-нибудь», семантически обыгранные в контексте сказки С. Кржижановского, из **словесных знаков**, утративших внутреннюю форму, вырастают до художественных **образов и символов**, метафизический смысл которых имеет концептуальное значение для русского национального самосознания и свидетельствует, согласно К. Юнгу, о **коллективном бессознательном**, связывающем нас с нашими предками [20]. В результате рас-сказа, по-каза со-бытия выносятся сущностные признаки слова из «собственности» языка к «яви». Анализ априорных, имманентных **персо-нифицированных сущностей «авосей», «небосей» и «какнибудей»** раскрывает представление об их внутренней жизни, системе ценностей, картине мира, в котором они живут. Их метафизическая сущность выявляет не только **прецедентные феномены: война, ворон, святой, последняя капля, рак, свист рака**, но фундаментальные духовно-нравственные **понятия**, из которых складываются различные сферы реальности прошлого, настоящего и будущего, а также обосновываются начала (основы) и принципы бытия, приобретающие символическое значение **в метафизическом и культурологическом измерении** феноменологии русскоязычной картины мира: **война/вражда, святость/греховность, время/пора, единение/соборность, судьба/ответственность**.

Сказка, выстроенная на пословично-поговорочном ряде с фразеолоксами «авось», «небось» и «как-нибудь», выявляет сущность языковых выражений, прочно укрепившихся в сознании русского человека, и даёт ответ на вечные «русские» вопросы: Каков же мир? Кто ответствен за него? Кто виноват в его неустроенности? Что делать? Каким быть? В русском сознании незыблема вера в то, что в череде событий возможен судьбоносный, решающий момент (пора — критическое время — последняя капля), который переворачивает сознание. Но верно также и то, что за всё происходящее человек ответствен не в одиночку, а в со-деятельности и в со-бытии с другими. Для этого ему необходимо быть совершенным и активным. И, может быть, лишь тогда всё невозможное возможно: и рак свистнет, и рыба запоёт, и авось, небось и как-нибудь решат исход дела.

Литература:

1. Баландинский Б.Б. Языческие шифры русских мифов. Боги, звери, птицы. — М.: Амрита-Русь, 2008.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
3. Бердяев Н.А. Судьба России: Книга статей. — М.: Эксмо, 2007.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Использование. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
5. Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. — 2005. — № 1.
6. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
7. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.

8. Зализняк А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Шк. «Языки славянской культуры», 2005.
9. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. — Ростов н/Д: Феникс, Москва: Цитадель-трейд. 2005.
10. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. — СПб.: Златоуст, 1999.
11. Кржижановский С. Неукушенный локоть. Собрание сочинений. Т. 3. — СПб.: «Сипозиум», 2003. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
12. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. — Мн.: ТетраСистемс, 2005.
13. Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. — СПб.: Норинт, 2004.
14. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. — М.: Флинта: Наука, 2010.
15. Селиванов А.И. Метафизика в культурологическом измерении // Вопросы философии. — № 3. — 2006.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. — М.: Прогресс, 1986.
17. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Библихина. — СПб.: Наука, 2007.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. — М.: Русский язык — Медиа, 2006.
19. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
20. Юнг К. Очерки по психологии бессознательного. — М.: Когито-Центр, 2010.
21. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М.: Гнозис, 1994.

О структуре художественного образа (на материале романа А. Рекемчука «Нежный возраст»)

Лю Гопин, аспирант

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г.Чернышевского (г. Чита)

Языковая структура художественного образа — это его композиционная организация. Г.Д. Ахметова пишет о «прорастании» художественного образа: «Образ словно бы «прорастает» сквозь текст, его «прорастание» довольно трудно уловить, но именно этот анализ и составляет один из важнейших аспектов интерпретации произведения. Образ нельзя сравнить с матрешкой, потому что дополнительные коннотации не надеваются последовательно друг на друга, а происходит именно сращивание и прорастание различных коннотаций. Живые словесные ряды состоят из разнообразных языковых средств — звуков, слов и т.д. И в том случае, когда речь идет об употреблении языковых средств в качестве композиционных компонентов (словесных рядов), а не о строе, — именно в этом случае можно говорить о живом образе» [2, с. 135].

Н.Ю. Чугунова отмечает: «Присутствие в художественном тексте конструктивного личностного начала изучается исследователями с двух сторон: со стороны языковой и литературоведческой, которые, в свою очередь, объединены в стилистику» [9, с. 3].

Если обратиться к Б.В. Томашевскому, то можно прочитать у него: «Связующей дисциплиной между языкознанием и литературоведением является стилистика» [7, с. 5]. С позиции исследования языка художественного текста проблема существования авторской личности раз-

рабатывается в рамках стилистики текста. Именно в стилистике текста осуществляется синтезирующий подход к тексту в единстве его содержательных, формальных элементов и с учетом целевой установки автора и условий общения.

Наиболее перспективным в данный момент представляется развитие стилистики текста в коммуникативно-жанровом аспекте. Что касается проблемы жанра, можно обратиться к точке зрения В.И. Тюпы, который считает, что «литература рубежа веков стала периодом обновления самых разных видов и жанров художественного творчества, периодом рождения новых форм» [8, с. 14].

Жанр — одно из наиболее сложных понятий в лингвистике и функциональной стилистике. Длительное время ведутся научные споры о его природе и сущности. А.Н. Кожин определяет жанр как «выделяемый в рамках того или иного функционального стиля вид речевого произведения, характеризующийся единством конструктивного принципа, своеобразием композиционной организации материала и используемых стилистических структур» [5, с. 59]. Л.Г. Кайда отмечает, что «жанр — это сигнал о том, где, в каких условиях и с какой целью использованы определенные языковые реалии» [4, с. 21].

Рассмотрим с этих позиций вопрос о структуре художественного образа на материале прозы А. Рекемчука. Алек-

сандр Евсеевич Рекемчук — один из писателей-прозаиков России второй половины XX — начала XXI века. Он родился 25 декабря 1927 года в Одессе. С 1975 года писатель ведет семинар прозы в Литинституте (профессор кафедры литературного мастерства с 1988 г.). Одновременно он является президентом издательского дома «ПиК».

Н.Ю. Чугунова отмечает, что для автобиографической прозы А. Рекемчука характерны следующие композиционно-языковые приемы организации текста: нетипичный для языка художественной прозы образ рассказчика, организующий повествование; усложненная архитектура; модификация стиля; условность грамматического лица (термин Г.Д. Ахметовой); усиление межтекстовых связей. Для прозы А. Рекемчука характерно взаимодействие элементов разных стилей: официально-делового, публицистического, разговорно-обиходного, научного, художественного и церковно-религиозного. Подобное же взаимодействие отражено в композиционной организации художественного образа.

Говоря об образности, необходимо обратиться к деталям как компонентам языковой композиции. А.И. Горшков пишет о деталях: «А в аспекте образности можно с уверенностью сказать, что и в отношении отражения общего в частном, конкретном, и в отношении точного соотношения слова с действительностью художественные детали (подробности) являются образами без всяких огорок» [3, с. 302].

Главным героем романа «Нежный возраст» является Санька Рымарев. Данный художественный образ вводится в текст с помощью разнообразных словесных рядов, но ведущим является юмористический словесный ряд. Следует отметить, что подобное построение текста отражает индивидуальный стиль писателя. При этом повествование построено от первого лица (от лица главного героя), но сквозь него незримо проступает взрослый рассказчик, что и создает сложный художественный образ. С этой же ко-

мической целью используются в романе устойчивые сочетания: «Добравшись до порога, она слегка распрямилась, в бараний рог скрутила тряпку, отжала мутную воду, обернулась»; «<...> оттуда придут, заберут, и поминай как звали. Гансом Мюллером звали»; «Он бы, наверное, и третью с меня стащил, оставил бы в чем мать родила — ему-то что, не жалко, я ведь ему чужой, — но мать заступилась, не позволила раздевать ребенка догола» [6].

Встречаются в романе и украинизмы. Известно, что писатель провел детство в Украине, а роман автобиографический. Например: «Ни хмарки не было в синем небе»; «Тяжелый выбух ударил в уши». Украинское слово «вибух» означает «взрыв». Это слово встречается и в других произведениях А. Рекемчука.

Межтекстовые связи отражают культурный и литературный фон того времени, которое описывается в романе. Например, цитата из известной предвоенной песни «Три танкиста»: «Но лейтенант нам объяснил, что разведка доложила точно: овражек, а в том овражке — пулеметное гнездо противника».

Для стиля А. Рекемчука характерны повторы. Композиционные повторы также становятся компонентом художественного образа: «Мы сидели как ни в чем не бывало на уроке, и вот в точности, как сегодня, внезапно, без всякой воздушной тревоги — взрыв, взрыв, взрыв, взрыв».

Структура художественного образа в романе «Нежный возраст» отличается реалистичностью повествования. Все названные нами языковые особенности в совокупности создают живой художественный образ. Г.Д. Ахметова пишет о романе: «Реалистичность повествования «прорастает» в современной прозе. Индивидуальность стиля — именно в той неповторимости, в том удивительном опережении своего времени, в том, что ярко видно сейчас, по прошествии многих лет, — когда только намечающиеся языковые процессы художественной прозы стали явными, всеобщими» [1, с. 16].

Литература:

1. Ахметова Г.Д. Роман А. Рекемчука «Нежный возраст»: проекция в будущее // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы IV Международной науч. конф. (Чита, ЗабГГПУ, 9–10 декабря 2011 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т; сост. Г.Д. Ахметова, Т.Ю. Игнатович. Чита, 2011. С. 13–27.
2. Ахметова Г.Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.
3. Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2008. 544 с.
4. Кайда Л.Г. Композиционная поэтика текст. М.: Флинта: Наука, 2011. 408 с.
5. Кожин А.Н. Функциональные типы русской речи. М.: Наука, 1982. 312 с.
6. Рекемчук А.Е. Нежный возраст: Роман. М.: Мол. гвардия, 1979. 399 с.
7. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение Текст. / Б.В. Томашевский: курс лекций. Л.: Учпедгиз, 1959. 535 с.
8. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2006. 336 с.
9. Чугунова Н.Ю. Языковая структура образа рассказчика в жанре non-fiction (на материале автобиографической прозы А. Рекемчука) // Автореф. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 24 с.

Христианская концепция хронотопа в романе Дж. Макдональда «Лилит»

Самсонова Анна Ивановна, магистрант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В художественном мире шотландского писателя и проповедника XIX века Джорджа Макдональда (George MacDonald) особое значение имеет хронотоп как философско-эстетическая проблема. Под хронотопом, вслед за М.М. Бахтиным, мы понимаем «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 234]. Дж. Макдональд уделял большое внимание осмыслению этой проблемы, а художественное время и пространство играют важную роль в структурно-содержательной организации его произведений.

Повествование в романе «Лилит» (Lilith, 1895) идет от первого лица: мистер Вейн рассказывает о том, как он с помощью проводника Ворона (который впоследствии оказывается Адамом) побывал в другом мире. Пространства двух миров накладываются друг на друга: «Это дерево растет прямо на очаге вашей кухни» [5, с. 28]. И время здесь идет по-другому: «Неудивительно, что в этом мире день был таким длинным, ведь в него умещались все времена года» [5, с. 35]. Ярко противопоставлены пространства двух миров по объему. Земной мир представлен единственным топосом — родовым именем Вейна. Ключевую роль в нем играет библиотека. Узкие коридорчики, от пола до потолка заставленные книгами, контрастируют с необъятным миром Ворона: «Я стоял на погосте вселенной, раскинувшемся на четыре стороны света» [5, с. 34].

На протяжении романа восприятие Вейном другого мира меняется. Сначала он, подобно герою античного романа (если следовать концепции М.М. Бахтина), стремится «вырваться из игры случая и вернуться к обычной, нормальной жизни» [2, с. 302]. Вейн лихорадочно ищет выход из другого мира, но затем интерес побеждает: «Словно маленький ребенок, я постоянно всему дивился, но ничему не удивлялся» [5, с. 117]. Вейн уже напоминает нам героя рыцарского романа, описание которого находим у М.М. Бахтина: «Герой рыцарского романа устремляется в приключения как в родную стихию, мир для него существует только под знаком чудесного «вдруг», это — нормальное состояние мира» [2, с. 302].

Перейдем к рассмотрению ключевых топосов другого мира.

Топос 1. Обитель смерти. Это маленький домик могильщика Ворона с огромной усыпальницей для всех, кто должен умереть, чтобы проснуться к новой, настоящей жизни. Перед смертью-сном хозяева предлагают гостям хлеб и вино, то есть фактически причастие. Название топоса меняется в зависимости от восприятия разных героев, но везде присутствует образ смерти. Ворон с любовью называет это место сокровищницей, сравнивает спящих с вином, дожидаясь своего часа. Вейн с бла-

гоговением называет его царством спящих, склепом с прекрасными мертвецами.

Помимо мотива сна, образ смерти раскрывается с помощью мотива холода: «Как можно спать в таком жутком холоде?» [5, с. 40]. Также связаны со смертью мотивы покоя, темноты и страха: «Мерцающий свет выхватывал из темноты лишь несколько неподвижных тел, но страшные ложа были со всех сторон, им не было ни конца ни края» [5, с. 41].

Дверь в усыпальницу имеет вид крышки гроба, приклоненной к стене. «Я переступил порог и почувствовал стылое дыхание ледяного воздуха» [5, с. 40]. Порог, по М.М. Бахтину, — это «хронотоп кризиса и жизненного перелома» [2, с. 397]. Первоначально бытовое восприятие смерти отпугивает Вейна, он сбегает из усыпальницы. Сакральное, христианское понимание смерти-перерождения приходит к герою постепенно. Он должен морально дорасти до этого восприятия, и Ворон старательно ему в этом помогает.

Топос 2. Поселение Малышей. Перед нами типичный идиллический хронотоп. Наблюдаются все особенности идиллии, выделенные М.М. Бахтиным.

Во-первых, «органическая прикрепленность жизни и ее событий к месту» [2, с. 374] выражается в том, что Малыши не мыслят своего существования вне привычной ложины, в которой они «жили всегда». Вейн предлагает им уйти вместе: «Но тогда мы перестанем быть собой!» — возразили они» [5, с. 89].

Во-вторых, «строгая ограниченность идиллии только основными немногочисленными реальностями жизни» [2, с. 374] связана с повседневной деятельностью Малышей. Целыми днями они поют песни, рассказывают истории. «Они не помышляли ни о каких переменах и не желали их. Им казалось, что все на своем месте, все в порядке» [5, с. 89].

В-третьих, «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма» [2, с. 375] выражается во взаимоотношениях Малышей и животных, которых они приручили «лаской и веселыми, приветливыми разговорами» [5, с. 207].

Разрушение идиллического хронотопа связано со взрослением Малышей. У них есть два пути: через пороки и через страдания. Первый путь олицетворяют Великаны, а слезы сопереживания и раскаяния символизируют взросление нравственное. Ворон говорит Вейну: «Без слез ваш мир никогда не стал бы таким, чтобы его стоило спасать» [5, с. 176].

Топос 3. Булика. Это ключевой топос романа, так как он непосредственно связан с самой Лилит — героиней, чье имя вынесено в название произведения. В еврейской ми-

фологии Лилит — это первая жена Адама. Она упоминается в некоторых ранних апокрифах христианства, не вошедших в библейский канон. В романе Дж. Макдональда Лилит — первая жена Ворона (Адама). Лилит отвергла Бога, своего создателя, и захватила город Булику. Этот топос прежде всего зеркало самой Лилит. Как и Лилит, Булика в ходе романа претерпевает изменение.

Лилит поддерживает свою жизнь кровью детей, и ее подданные также ничего не производят и живут за счет драгоценных камней, которые откапывают под своими домами. Тщеславие подданных копирует тщеславие Лилит и порождено ею.

Образ Лилит характеризуется мотивами смерти и холода. Когда Вейн нашел ее тело, «оно было холодное, но не как камень, а как когда-то живое существо, теперь застывшее в объятьях смерти» [5, с. 119]. Булика когда-то была цветущим городом, но Вейн видит уже другую картину: «Вокруг царила безжизненная тишина. Неужели я попал в давно вымерший город?» [5, с. 145], «Ветер взвыл с новой силой, пронизывая меня до костей» [5, с. 148].

Образ Лилит неразрывно связан с мотивом ночи. В семитских языках, в частности в иврите, слово «лилит» является прилагательным женского рода «ночная» (например, ивр. *לילית* — «дмама лейлит» — ночная тишь) [6]. В романе Дж. Макдональда волосы Лилит были «густые и черные, как сама ночь» [5, с. 119], а глаза «чернее первородной ночи и своим сиянием затмевали дневной свет» [5, с. 131]. Тронный зал ее дворца, который в одном из эпизодов отражает картины из подсознания Лилит, сработан из плит черного мрамора.

Также ключевым является мотив разложения. Черное пятно на груди Лилит постепенно разрастается, разрушая ее изнутри. То же происходит и в городе: «Величественные башни и укрепления оказались заброшенными и наполовину разрушенными, как и городские стены» [5, с. 154].

В романе упоминаются два библейских персонажа — это жена Лота, тоскующая по Содому, и Рахиль, рыдающая по своим детям. Если сравнить Булику с изображением Содома, данным в каббалистической традиции, можно провести несколько интересных параллелей. Согласно раввину Елиазару Пирке, богатство Содома основано на золоте, жемчуге и драгоценностях, которые были найдены непосредственно под землей. «Sodom was protected against attacks, but to scare away visitors its inhabitants made a law that anyone who gave a stranger anything to eat should be burned alive» [1, с. 39]. («Содом был защищен от нападений, но, чтобы отпугнуть посетителей, горожане установили закон, по которому любой, кто давал чужеземцу поесть, должен быть сожжен заживо».) В Булике одна женщина говорит Вейну: «Присутствие чужестранца оскверняет город» [5, с. 150]. Если бы кто-то осмелился построить дом для приезжих, то его тут же разнесли бы в щепки, а хозяина сожгли. Содом уничтожен гневом господним, но Булику не постигает такая кара. Лилит после многих перипетий возвращается к Богу — и Булика возрождается в образе священного города.

В христианской традиции возрождение было показано в различных образах. Важнейшие из них, возможно, райский сад и священный град Иерусалим. Макдональд использует эти два образа в финальной главе «Лилит». Возвращение пустыни к жизни реками, которые украли Лилит, имеет свои прообразы в Ветхом Завете, а именно в Книге пророка Исаии (35.6): «...ибо пробьются воды в пустыне, и в степи — потоки» [3, с. 972]. И текст Исаии единственный из Ветхого Завета, который упоминает ночное чудовище Лилит вне традиции Каббалы.

Стихия, которая возрождает пустыню, — вода. Согласно Иезекиилю (47. 1–12), источник этой целебной воды находится в храме Нового Иерусалима [3, с. 1147] — этот образ дает возможность связать концепции райского сада и небесного города. Макдональд реализует эту идею в последних главах «Лилит». Поток, который дает жизнь пустыне, исходит из священного города. Это город для живых, пробудившихся ото сна. Он построен на живых камнях, тогда как Булика, город мертвых, был построен на мертвых камнях. Это противоположность и продолжение Булики, как райский сад — противоположность и продолжение пустыни. Божий Град — это тот самый дом, откуда все выходят и куда возвращаются, о котором говорят Ворон и Ева: «Для нас ты шел домой всегда, с самого начала» [5, с. 285].

«В нашем доме годы не имеют никакого значения. Мы не следим за временем» [5, с. 285], — говорит Ворон. В христианском сознании, как пишет А.Я. Гуревич, «наряду с земным, мирским временем существовало сакральное время, и только оно и обладало истинной реальностью» [4, с. 98]. И слова Ворона (Адама) полностью это подтверждают: «Истинное время впервые начинается для каждого в тот миг, когда он укладывается на свое ложе» [5, с. 285].

Поток времени разрывается снами героя, в которых также находит свое место противопоставление мирского и сакрального времени: «Мне снилось, как времена сменяют друг друга, но, по-моему, на самом деле то было торжественное, бесконечное шествие единого мгновения, в чреве которого таилась вечность» [5, с. 288]. Таким образом, концепцию времени в романе можно описать словами А.Я. Гуревича: «При всей своей «векторности» время в христианстве не избавилось от циклизма; коренным образом изменилось лишь его понимание. Земная история, взятая в целом, в рамках образуемых сотворением мира и концом его, представляет собой заверченный цикл: человек и мир возвращаются к Творцу, время возвращается в вечность» [4, с. 100].

Но романное время не завершено: мы оставляем Вейна в раздумьях о подлинности реальности. Решить этот вопрос может только время, и Вейн говорит в последней главе: «Жду во все дни определенного мне времени, пока придет мне смена» [5, с. 314]. (Цитата из Ветхого Завета: Иов 14.14 [3, с. 709]).

Сюжетнообразующее значение в романе получает хронотоп дороги. Во-первых, он содержит в себе черты пути-дороги героя средневекового романа, то есть симво-

лизировать путь души, то приближающийся к Богу, то удаляющийся от него (в зависимости от ошибок, падений героя). Во-вторых, это полуметафорическая дорога героя романтического романа; недаром Дж. Макдональд был страстным поклонником Новалиса. Он завершает свой роман его цитатой: «Наша жизнь не похожа на сон, но должна в него превратиться; и, быть может, однажды так оно и будет» [5, с. 315].

Литература:

1. Kegler K. Crystal city: Sodom — Bulika — Jerusalem / K. Kegler // Nord Wind. — 1995. — № 14. — Р. 36–45.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 234–407.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов (Синодальный перевод). — М.: Русский папаломник, 2010. — 1690 с.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. — М.: Искусство, 1972. — 318 с.
5. Макдональд Дж. Лилит / Дж. Макдональд; пер. с англ. О. Лукмановой. — Н.Новгород: Агапе, 2004. — 320 с.
6. Словарь он-лайн. Перевод с иврита на русский, с русского на иврит. <http://www.israelinfo.ru/dictionary/>

Компаратив как специфическая форма присутствия автора в художественном тексте (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»)

Самсонова Елена Николаевна, ст. лаборант

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Текст художественного произведения, так или иначе, содержит информацию о его создателе, что позволяет нам говорить об особой категории — «образе автора», по терминологии В.В. Виноградова [2, с. 27].

Формы выражения авторского присутствия в художественном тексте изучались в работах многих исследователей. К таким работам можно отнести, например, диссертацию О.П. Ильинской «Основные формы выражения авторской позиции в романах Ч. Айтматова», где рассматривается проявление авторского «я» посредством организации образной системы; диссертацию Д.А. Богатыревой «Формы выражения авторского присутствия в мемуарной прозе М. Цветаевой», в которой анализируются формы авторского присутствия с точки зрения парадигматических отношений внутри мета-жанра; статью Е.Г. Хомчак «Портрет как средство выражения авторской позиции в романе И.А.Гончарова «Обломов», где отмечается роль портретной характеристики в проявлении авторского присутствия в тексте; статью Р.Г. Назирова «О выражении авторской позиции в романах Достоевского», в которой рассматривается функция художественной детали как средства выражения авторской позиции и др. Различные выражения авторской позиции в тех или иных аспектах рассматриваются и в работах Н.В. Алексеева, В.Г. Терещенко, А.С. Островской, О.А. Корниенко, В. Перцовского, К. Степаняна и др. авторов.

Таким образом, в романе «Лилит» тема христианского спасения личности обретает художественную образность посредством глубоко разработанного хронотопа. Но хронотоп выполняет не только сюжетообразующую функцию — он расширяет образ восприятия божественной истины: не только герой обретает надежду на высшее откровение, но и весь мир.

Формы присутствия автора в тексте могут быть как явными (рамочная композиция; название произведения, а также говорящие фамилии, топонимические названия, в которых автор напрямую обращается к читателям; авторские лирические отступления; беседы с читателем в эпических произведениях; заключительная реплика-сентенция персонажа в драме и т.д.), так и скрытыми, когда автор сознательно стремится к «самоустранению».

Об авторской системе ценностей, о его истинном отношении к изображаемому могут свидетельствовать не только прямые номинации предметов и явлений, но и использование определенных средств художественной выразительности. По нашему мнению, особый интерес в данном аспекте представляет собой исследование именно компаративных единиц, потому что «...именно сравнение является одним из средств репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных интенций личности, отраженных в её творениях — текстах художественных произведений» [1, с. 44].

В данной статье мы на конкретных примерах рассмотрим сравнение как специфическую форму выражения авторского присутствия в художественном тексте Н.В. Гоголя, а именно — проанализируем ряд компаративных единиц, отражающих авторскую иронию в поэме «Мертвые души».

Центральное место в поэме занимает образ Павла Ивановича Чичикова, при создании которого автор не-

редко использует различные сравнения, передающие мысли и чувства персонажа. Например, чувство радости от успешной покупки: *«Но герой наш <...> был в самом веселом расположении духа. Такое неожиданное приобретение было сущий подарок. В самом деле, что ни говори, не только одни мертвые души, но ещё и беглые, и всего двести с лишком человек!»* [3, с. 124] перерастает в чувство удовлетворения и одновременно усталости: *«После сделанной поездки он чувствовал сильную усталость. Потребовавши самый лёгкий ужин, состоявший только в поросенке, он тот час разделся и, забравшись под одеяло, заснул сильно, крепко, заснул чудным образом, как спят одни только те счастливыцы, которые не ведают ни геморроя, ни блох, ни слишком сильных умственных способностей»* [3, с. 126] В данном примере индивидуально-авторское развернутое сравнение сна Чичикова со сном «счастливыцев, не ведающих ни геморроя, ни блох, ни слишком сильных умственных способностей» явно свидетельствует об ироничном отношении к персонажу: Н.В. Гоголь неслучайно осложняет предложение однородными дополнениями, располагая лексемы «геморрой», «блохи» и «умственные способности» в одном ряду.

Другим, не менее интересным примером авторской иронии, может послужить оформление мыслей Чичикова после счастливого спасения от Ноздрева: *«Что ни говори, — сказал он сам себе, — а не подоспей капитан-исправник, мне бы, может быть, не далось бы более и на свет божий взглянуть! Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!»* [3, с. 85] Здесь стилистически сниженное, разговорное сравнение «пропал бы, как волдырь на воде» соседствует со словами «потомки», «состояние», «честное имя», таким образом, акцентируя внимание читателя на некоем несоответствии, а в следующем предложении: *«Герой наш очень заботился о своих потомках»* [3, с. 85] автор и вовсе обнаруживает свое присутствие.

Немало ярких сравнений использует Н.В. Гоголь и для создания своей «галереи помещиков». Образы Манилова, Коробочки, Ноздрева, Собакевича и Плюшкина прорисованы очень полно и многогранно. Отметим, что авторское присутствие может обнаруживать себя в описании деревни, господского дома, обстановки, а также портрета, речи или манер помещика.

Например, в портрете Манилова нарочито подчеркивается его «слащавость», автор сравнивает глаза с сахаром: *«...Манилов, ещё вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар...»* [3, с. 16], а выражение лица — с «приторной микстурой»: *«И знаете, Павел Иванович! — сказал Манилов, явя в лице своем выражение не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента»* [3, с. 28]. А излишнюю сентимен-

тальность автор высмеивает, вводя в текст поэмы следующий компаратив: *«...Манилов, обворуженной фразою, от удовольствия только потряхивал одобрительно головою, погружаясь в такое положение, в каком находится любитель музыки, когда певица перецеголяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, какая невмочь и птичьему горлу»* [3, с. 140].

В описания Ноздрева Н.В. Гоголь часто вводит устойчивое сравнение «как честный человек». Например, Ноздрев проигрался в карты, но убеждает Чичикова: *«А ведь будь только двадцать рублей в кармане <...> я отыграл бы все <...> вот как честный человек, тридцать тысяч сейчас положил бы в бумажник»* [3, с. 62], или явно преувеличивает количество выпитого шампанского: *«Веришь ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского! <...> Как честный человек говорю, что выпил...»* [3, с. 63]. Здесь авторская позиция очевидна: с помощью данного компаратива Н.В. Гоголь усиливает неправдоподобность заявлений Ноздрева, и сравнение «как честный человек» воспринимается читателем как ирония.

Еще одним, на наш взгляд, интересным примером авторской иронии может послужить описание псарни Ноздрева: *«Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густопсовых, и чистопсовых, всех возможных цветов и мастей <...>. Тут были все клочки, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай, <...> Ноздрев был среди их совершенно как отец среди семейства...»* [3, с. 69–70]. Своим хозяйством Ноздрев не занимался, все шло на самотек, и единственным местом, которое содержалось у него в идеальном порядке, была псарня. Использование такого сравнения неслучайно, автор показывает, что для своих собак помещик — «отец семейства», а у читателя провоцирует вопрос: «А кто же он для своих крестьян?»

Не менее любопытны и сравнения, характеризующие Плюшкина. Например, Н.В. Гоголь детально описывает помещика в тот момент, когда он получает деньги: *«Тут же заставил он [Чичиков] Плюшкина написать расписку и выдал ему деньги, которые тот принял в обе руки и понес их к бюро с такою же осторожностью, как будто бы нес какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее»* [3, с. 123]. Для Плюшкина деньги — наивысшая ценность, это то, что еще может пробудить в нем какие-то чувства. И здесь, конечно же, важны детали: он «принял» деньги «в обе руки», «понес их с такой же осторожностью, как будто жидкость». По нашему мнению, лексема «жидкость» неслучайно выбрана в качестве объекта сравнения: у читателя невольно возникает ассоциация с «живительной влагой», каждая капля которой бесценна, поэтому Плюшкин и боится «расхлестать» ее.

Компаративные единицы, отражающие авторскую иронию, Н.В. Гоголь использует и для создания других персонажей, в частности, чиновников города NN. На-

пример, для характеристики полицмейстера Н.В. Гоголь использует сразу несколько компаративных единиц: *«Полицмейстер был некоторым образом отец и благотворитель в городе. Он был среди граждан совершенно как в родной семье...»* [3, с. 142]. Здесь сравнения полицмейстера с «отцом» и «благотворителем», а горожан — с «родной семьей» создают комический эффект, который усиливается с добавлением еще одного сравнения: *«...а в лавки и в гостиный двор наведывался, как в собственную кладовую»* [3, с. 142].

Приведем еще один пример, в котором компаратив является специфической формой авторского присутствия: *«Вот я сейчас отдам приказ, — сказал он [председатель] и отворил дверь в канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивым пчелам, рассыпавшимся по сотам, если только соты можно уподобить канцелярским делам...»* [3, с. 138]. Сравнение чиновников с «трудолюбивыми пчелами, рассыпавшимися по сотам», безусловно, отражает иронию автора. Труды пчел и труды чиновников неравнозначны: первые добросовестно выполняют свою работу, вторые же только делают вид, что работают, поэтому, по мнению автора, и нельзя соты уподобить канцелярским делам.

Рассмотрим другой пример, где автор высмеивает отношения между начальством и подчиненными: *«Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, — да просто от страха и слова не выговоришь! Гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? Просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет»* [3, с. 47–48]. Здесь Н.В. Гоголь вводит антитезу «орел — куропатка», чтобы более точно отобразить взаимоотношения одного и того же человека со своими подчиненными и с

вышестоящим чиновником, таким образом высмеивая чиновопочитание.

Еще одним ярким примером выражения авторской позиции посредством компаратива может послужить следующий: *«Есть людишки, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины. Иной, например, даже человек в чинах, с благородною наружностью, со звездой на груди, будет жать вам руку, разговорится с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышления, а потом, смотришь, тут же, пред вашими глазами, и нагадит вам. И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как человек со звездой на груди, разговаривающий о предметах, вызывающих на размышление, так что стоишь только и дивишься, пожимая плечами, да и ничего более»* [3, с. 68–69].

Все приведенные примеры объединяет одно — позиция автора находит свое выражение в типизации образов, ведь и полицмейстер, и чиновник, и «человек в чинах, с благородной наружностью» — это не единичное явление в конкретном городе NN, это типы, встречающиеся в губернских городах по всей России.

На наш взгляд, компаратив — это всегда яркая, но «не всегда осознаваемая самим автором, форма его присутствия в художественном тексте...» [4, с. 59]. Поэтому для более глубокого понимания мирозерцания автора, его ценностей, приоритетов, симпатий и антипатий значим анализ образов сравнений.

В заключение вспомним слова Е.Г. Хомчак о том, что «каждая форма выражения авторской позиции воспроизводит лишь известную грань авторского отношения к действительности, воплощающегося в литературном произведении, художественной форме и содержании, нерасчленимый анализ которых и может обеспечить истинность итоговых суждений об этом произведении. Итоговое представление об авторе складывается из представления о совокупности способов выражения авторской позиции, их выборе, сочетании и взаимодействии» [5, с. 2].

Литература:

1. Боднар, И.Е. Сравнение в языковой картине мира Н.В. Гоголя // Язык произведений Н.В. Гоголя. Гоголевские чтения в Полтаве. — 2009. — 120 с., С. 44–49
2. Виноградов, В.В. Проблема авторства и теория стилей. М. — 1981. — 249 с.
3. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. V. Мертвые души. Поэма. Примеч. С.И. Машинского. — М.: «Худож. лит.», 1978. — 541 с.
4. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А. Баранов, А. Морозова / М.: Издательство «ЛКИ», 2008. — 256 с.
5. Хомчак, Е.Г. Формы выражения авторской позиции в эпическом произведении. // Актуальні проблеми слов'янської філології: Міжвуз. зб. наук. ст. Вип. 4: Лінгвістика і літературознавство. — К.: Знання України, 2003.

Художественное своеобразие произведений С. Кинга

Тлеупова Алмагуль Мустафаевна, бакалавр

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (г. Алматы, Казахстан)

Даже если вы не любите жанр «хоррор», то наверняка знаете Стивена Кинга, которого зовут королем ужаса. И хотя вот уже четверть века его романы служат прекрасным тренажером для развития критической язвительности, самый богатый писатель планеты даже не пытается сбежать от своего назойливого имиджа, который на самом деле давно устарел. В этом смысле Кинг напоминает знаменитого доктора Джекила, который время от времени становится мистером Хайдом.

Стивен Эдвинг Кинг родился 21 сентября 1947 года в городе Портленд штата Мэн. Когда ему было два года, отец внезапно покинул семью, и это событие сильно сказалось на будущем писателе и его творчестве. Во многих своих произведениях автор рисует героев, которых покинул отец. Мать, со строгими религиозными взглядами, одна воспитывала Стивена и его приемного брата Девида, часто испытывая сильную финансовую нужду. Штат Мен, где рос будущий писатель, был консервативен, население которого в большинстве поддерживало Республиканскую партию. Все это наложило сильный отпечаток на Кинге. Это помогает понять многое в творчестве писателя, в произведениях которого добро и зло четко разграничены. Возможно, истоки того, что основной функцией своих произведений Стивен Кинг считает их нравоучительность, лежат в его биографии, в частности, в атмосфере детства и юности, прошедших в провинциальной глубинке.

Кинг очень рано увлекся литературой, в особенности жанром «ужаса» и уже с девяти лет стал писать короткие рассказы. Критики отмечают, что С. Кинг учился литературному ремеслу у многих американских писателей — Уильяма Фолкнера, Карлоса Уильямса, Ширлея Джексона, черпал вдохновение из творчества Эдгара По, Лавкрафта и Рея Бредбери. Такие американские писатели как Ричард Матесон и Джон Макдональд оказали на него наиболее сильное влияние.

Тяжелое детство и юношество побудили С. Кинга-писателя начать исследовать в своем творчестве американское общество. В своих ранних произведениях он писал больше о социальных проблемах окружающего его общества, облачив в форму фантастики борьбу добра и зла. Пытаясь разобраться в причинах популярности Стивена Кинга, критик Бернет Лин Боски пишет, что «его произведения отражают нас самих и наш мир, в который мы хотим верить» [1, с. 235].

В его произведениях много уделяется внимание унижению и страданиям человека, происходят ли они в школе («Керри») или в правительственной лаборатории («Воспламеняющая взглядом»). Основу сюжета многих его произведений составляют сверхъестественные возможности человека. Писатель Кинг оставляет героям воз-

можность сделать свой нравственный выбор — воспользоваться ли этими способностями на сотворения блага или зла. И отсюда пристальное внимание писателя к психологии своих персонажей.

Стивен Кинг создал целостный мир с присущими ему проблемами, которые перекликаются с современной действительностью, и пытается найти пути разрешения этих проблем. Он обращается не к реальным, а фантастическим элементам, чтобы проанализировать мотивации людей и общества.

В настоящее время у Стивена Кинга великое множество приверженцев, для привлечения и удержания внимания которых он порой делает уступки низкопробным эффектам и шаблонам, присущим современной литературе США. Это заставляет критику утверждать: «Он слишком заботится о занимательности интриги, он страстен к изображению всякого рода патологии, жестокости, описывая всё так выразительно, что невольно можно задуматься действительно ли писатель хотел обличить и осудить или потакал нездоровому обывательскому интересу к темным сторонам действительности». [2, с. 71]

У Стивена Кинга смешаны элементы самых разных жанров: научной фантастики, ужаса, детектива, мистики. Порой в его произведении можно увидеть простую картину повседневной американской действительности, нарисованную в форме гротеска. Таким приемом пользовались американские фантасты, как, например Айзек Азимов и Рей Бредбери, еще до Стивена Кинга. Но в отличие от своих всемирно-известных фантастов действие в произведениях Кинга происходит не на иных планетах, а на земле и они сконструированы так, что, несмотря на условность, нас не покидает ощущение реальности происходящего.

В каждом своем произведении — большом и малом — он выводит события, происшествия или явления, которые находятся на грани реального и ирреального, возможного или фантастического. Ситуации, выводимые им, чаще всего экстраординарные. Но, тем не менее, писатель не отрывается от современной американской действительности.

Стивен Кинг — писатель, который очень обеспокоен положением человека в современном мире. В его произведениях на первый план выдвинуты убийцы, чудовища, маньяки, люди с экстраординарными способностями. Возможно, многих читателей, особенно молодых американцев, они привлекают своей занимательностью, однако, взглядевшись глубже, можно понять насколько они перекликаются с проблемами современного общества и увидеть в нем писателя, который думает и беспокоится обо всем человечестве.

Стивен Кинг достиг очень высокой массовой популярности и в настоящее время является самым читаемым пи-

сателем в Америке. Обычно, среди факторов, обеспечивающих ему популярность, выделяют следующие: он унаследовал традиции готики, хорошо осознал возможности фантастики; он не пытается навязать читателям сложные сюжеты и язык; у него самое богатое воображение среди сегодняшних писателей; он рисует события, в которых читатель находит себя; он изображает своих персонажей так, чтобы читатель сочувствовал им; он прекрасно воссоздает облик своих персонажей, будь то простой рабочий или богатый бизнесмен.

Ряд исследователей утверждают, что Стивен Кинг является продолжателем традиций Марк Твена, Фолкнера и других. Конечно же, это не означает, что его можно сразу же поставить в один ряд с классиками, но вместе с тем и нельзя игнорировать. И здесь уместно было бы процитировать критика Бернарда Галлахера: «Я не имею в виду, что С.Кинг может занять место Шекспира, но, тем не менее, я, на самом деле, считаю, что такой культурный феномен заслуживает исследования» [3, с. 35].

Одним из значительных критиков произведений Кинга является Тони Магистрал. Им написаны четыре фундаментальных работ, охватывающих почти все творчество писателя: «Landscape of Fear: Stephen King's American Gothic», «Stephen King the Second Decade, Danse Macabre to The Dark Half», «The Dark Descent: Essays Defining Stephen King's Horrorscope», «The Moral Voyages of Stephen King». В работе «Landscape of Fear: Stephen King's American Gothic» критик акцентирует внимание на кинговской социальной критике современной Америки, её ценностей и самобытности. По предположению автора, ужас у Стивена Кинга имеет политический и социальный подтекст и отражает беспокойство населения в отношении уязвимости западных институтов, бюрократии, общественных организаций и семейных отношений. В другой работе «The Moral Voyages of Stephen King» Тони Магистрал уделяет внимание стилю и технике письма Кинга, проводит анализ наиболее часто повторяющихся элементов в произведениях и особенно подробно останавливается на моральных проблемах произведений и понятий добра и зла.

Тони Магистрал выступает против литературоведов-«снобов», которые отказываются рассматривать Кинга как серьезного писателя. Критик считает, что даже если Кинг эксплуатирует популярные темы, делает он это с мастерством. Часто, по мнению Магистрала, критики Кинга концентрируются на сверхъестественных явлениях в его произведениях, оставляя в стороне все остальные проблемы, выраженные писателем.

Многие авторы рассматривают Кинга как писателя «жанра ужасов». С этой точки зрения достойны внимания ряд работ. Брайан Дохерти в работе «American Horror Fiction: From Brockden Brown to Stephen King» проводит анализ традиций жанра «ужаса» в американской литературе, и рассматривает место С.Кинга в этом жанре. Джеймс Эган в работе «A Single Powerful Spectacle: Stephen King's Gothic Melodrama» рассматривает Кинга

как последователя готических традиций, исходящую от таких писателей как Мари Шелли и Брем Стокер — авторы Франкенштейна и Дракулы соответственно.

С ростом популярности произведений Кинга растет и интерес читателей к жизни писателя. В целом ряде изданий можно найти много биографической информации о Кинге. Работа Георга Беама «Stephen King: America's Best Loved Boogeman» содержит много интересной информации о личной жизни писателя, о его детстве, становлении и творческом пути.

Для того, чтобы оценить степень и причины влияния Стивена С.Кинга на современную литературу и культуру, необходимо обратить внимание на те особенности, которые отличают его от других писателей жанра фантастики.

Библейские мотивы занимают особое место в творчестве большинства писателей, но произведения С. Кинга в этом плане изобилуют аллюзиями и метафорами. Особенно четко библейские мотивы выражены в одном из самых мрачных романов С. Кинга — «Зелёная миля», действие которого происходит в тюрьме. На первую же аллюзию можно натолкнуться, вспомнив некоторые подробности тюремной жизни. Мы знаем, что многие узники, особенно те, кто осуждён на пожизненное заключение, обращаются к Богу и становятся самыми вдохновенными праведниками, но в данной книге к Богу обращается не заключённый, а, напротив, начальник тюремного блока «Е», в котором проводятся казни смертников. Это может показаться кощунством, но приходится признать — С. Кинг описывает в «Зеленой миле» второе пришествие Христа. В роли Спасителя при этом выступает Джон Коффи — негр, несправедливо осужденный за убийство двух белых девочек, к тому же обладающий даром целительства, а в роли Понтия Пилата, римского прокуратора — начальник тюремного блока осужденных на смертную казнь Пол Эджкомб. Последние главы «Мили» во многом соответствуют библейским. Коффи доказывает свою невиновность Эджкомбу, но тот не может освободить его, потому что это не в его власти. Высшие чины никогда не согласятся освободить негра-убийцу: слишком удобна эта фигура для судебного процесса. И Эджкомбу придется проводить Коффи в последний путь. Перед смертью целитель сознаётся, что он к ней готов: «Я уже устал от боли, которую вижу и чувствую». На свете оказывается очень много греха, и Коффи не может больше справиться с ним. Перед смертью он отдаёт Эджкомбу часть своей «силы» [4]. Теперь Эджкомб будет жить дольше остальных людей, но он обречён нести крест чужой боли, в наказание за то, что поднял руку на «Создание Божье».

Стивен Кинг достиг очень высокой массовой популярности и в настоящее время является самым читаемым писателем в Америке. В каждой очередной книге С.Кинга появляются новые идеи, связывая его творчество с литературными традициями Америки. При этом писатель использует язык сегодняшнего дня. Таким образом, он прокладывает дорогу от массовой литературы к классической.

Литература:

1. Bosky B.L. The Mind's A Monkey: Character and Psychology in Stephen King's Recent Fiction. In: Kingdom Of Fear: The World Of Stephen King. Ed. by T. Underwood and Ch. Miller, New York, New American Library, 1986, p. 211–237.
2. Зверев А. Второе Зрение. Иностранная Литература, 1984, № 1, с. 69–71.
3. Gallagher B.G. Reading Between the Lines: Stephen King and Allegory. In: The Gothic World Of Stephen King: Landscape of Nightmares. Ed. by G. Hoppenstand and R.B. Browne, Bowling Green, Ohio, Bowling Green State University Popular Press, 1987, p. 35–48.
4. Миронов, Р. Категория ужасного в произведениях Стивена Кинга [Текст] / Р. Миронов. — <http://ivanovo.ac.ru/cyberpar/stephenking.htm>.

Интертекстуальность и графическая маркированность в современной русской прозе

Чжоу Чжунчэн, аспирант

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г.Чернышевского

Языковое пространство современной русской прозы характеризуется разнообразными процессами, среди которых важное место занимают интертекстуальность и графическая маркированность. Актуальность данного исследования обусловлена активным вниманием к этим проблемам. Стилистика текста занимается изучением организации художественного произведения, в том числе — изучением названных процессов.

Например, для прозы Т. Толстой характерна интертекстуальность (явная и скрытая цитация, реминисценциями, пародирование сюжетов). Даже сами названия прозаических сборников являются интертекстуальными («На золотом крыльце сидели», «Любишь — не любишь»). Подобные явления мы наблюдали в прозе Д. Драгунского. Несмотря на значительное количество работ по теории интертекстуальности, проблема до сих пор находится в стадии становления. Отсутствует единый подход к данному понятию, а в текстах обнаруживается множество форм интертекстуальных включений. Можно сказать, что условно современные концепции интертекстуальности подразделяются на два направления — узкое и широкое понимание, что основано на широком или узком представлении о тексте.

Узкое понимание интертекстуальности предполагает такие качества, как воспроизводимость, возможность восстановления источника и трансформированность. Выделяются при этом разновидности интертекстуальных связей: цитаты; пародирование; синтаксические реминисценции.

Ю.Л. Высочина в своем диссертационном исследовании пишет, что интертекстуальность романа «Кысь» проявляется в четырех основных направлениях: цитаты и контекстуальная трансформация, проявляющаяся в трансформированных цитатах и фразеологических единицах; цитирование и пародирование фольклорных выражений,

сюжетов, пословиц, легенд и т.п.; семантическая трансформация, связанная с появлением нового, неожиданного значения у слова и с топонимическими наименованиями; синтаксические реминисценции [2].

Очевидно, можно отнести к интертекстуальности распространённое явление римейка. Например, роман Кирилла Туровского «Никто никому ничего никогда» [4] считают римейком романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Даже сам псевдоним писателя Кирилла Волкодаева — это тоже интертекстуальность.

Интересной проблемой интертекстуальности является употребление в тексте устойчивых сочетаний. Например, Кирилл Туровский в названном романе пишет: «Иван снова почувствовал себя не в своем курятнике». Языковая игра композиционно перекликается с нормативным (интертекстуальным) употреблением устойчивого выражения: «Чувствовалось, что, будучи не в своей тарелке, Иван почему-то разозлился».

Не вызывает сомнения утверждение, что художественный текст является сложным объектом научного исследования. Это приводит к тому, что каждый новый аспект изучения текста вносит свой вклад в понимание специфики художественного текста с точки зрения языковой композиции. В этом отношении интерес представляет обращение к графическим средствам как приемам организации текста.

При изучении явлений графической маркированности текста особое значение приобретает проблема языковой композиции художественного текста, поскольку с ее изучением затрагиваются вопросы текста, вопросы языка как феномена культуры, а также проблема языка эпохи, связи с различными направлениями мировой культуры, науки, искусства. В то же время в теоретическом плане явление графической маркированности необходимо рассматривать в соотношении с явлениями креолизации

и визуализации. И то, и другое активно используется не только в художественной прозе, но также и в других стилях.

Анализ использования приемов композиционно-графической маркированности на примере романа В. Маканина «Испуг» сделала Л.Р. Рабданова: «Например, употребление скобок подчеркивает смысловое наполнение изображения. Мы считаем, что таким образом писатель вносит в текст ту информацию, которую он считает необходимой для наиболее адекватного понимания созданной картины: «Одежда его вечерами проста и всегдашняя — темно-серый пиджак, темные брюки... В целом же — все для ночи, невидный, неброский. (Но в этом нет умысла. Так получилось. Другой одежки просто нет.) В лунную ночь старикан Алабин, как правило, бродит по дачному поселку. (А лучше б спал!)» [3, с. 84]. Кроме этого, автор отмечает курсивное выделение, которое, как полагает автор, участвует в создании интонационного рисунка высказывания, служит средством увеличения эмоциональной нагрузки речи. Л.Р. Рабданова приводит пример: «Ничуть

он меня не достал — он мне понравился, этот их Баша-лаев. Гений с пронзительным взглядом, так они его меж собой называли. Ярлычок, как водится, льстив.

Но что-то настоящее, похоже, там есть. И показалось (поверилось), что этот с взглядом не станет лгать или вредить старику (мне) за просто так». Использует В. Маканин и другие средства графической маркированности (например, многоточие, крупный шрифт), являющиеся компонентами языковой композиции и отражающие разнообразие языкового пространства современной русской прозы. Е.Е. Анисимова отмечает, что «шрифт является необходимым композиционным элементом креолизованного текста, строительным материалом для оформления его вербальной части и вместе с тем самостоятельной художественной формой» [1, с. 16].

Обращение к интертекстуальности и графической маркированности показывает, насколько разнообразно современное языковое пространство, насколько оно нуждается в тщательном анализе, в разностороннем филологическом исследовании.

Литература:

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003. 128 с.
2. Высочина Ю.Л. Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой: на материале романа «Кысь» // Дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 164 с.
3. Рабданова Л.Р. Графическая маркированность художественного текста. (на материале современной прозы) // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы III Междунар. науч. конф. (Чита, ЗабГГПУ, 10–11 декабря 2010 г.) / сост. Г.Д. Ахметова, Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2010. С. 83–85.
4. Туровский Кирилл. Никто никому ничего никогда. М.: Гелеос, 2008. 512 с.

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Выступление перед аудиторией как способ улучшения речевой профессиональной компетентности студентов

Богомолова Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, ст.преподаватель
Государственный университет управления (г. Москва)

Опыт преподавания дисциплины «Культура речи и деловое общение» у студентов нефилологических направлений показывает, что будущие специалисты остро нуждаются в качественной корректировке навыка связного выражения собственных мыслей и тем более в приобретении опыта публичного выступления перед аудиторией. В связи с переходом в школе к форме ЕГЭ в качестве отчетности по предмету «Русский язык» у будущих абитуриентов исчезла мотивировка для обучения написанию сочинений. А ведь именно сочинение являлось одной из основных форм, в которой ученик имел возможность показать степень владения родным языком, уровень коммуникативного мастерства, умение соотносить собственные мысли с языковыми способами их выражения. Теперь формирование этих навыков возможно на спецкурсах или факультативах по ораторскому искусству, а они встречаются лишь в некоторых школах. Поэтому эта задача перешла к преподавателям университетов, ведь хорошая речь — показатель не только в целом образованного человека, но и компетентного специалиста в своей области. Профессиональный успех юристов, управленцев, экономистов, маркетологов и представителей других, не менее востребованных сейчас специальностей, напрямую связан с уровнем владения речью. Умение выступать перед аудиторией с докладом, отчетом, презентацией, умение убеждать деловых партнеров в своей правоте и т.д. помогает достичь успеха в своей профессии. «Любая профессиональная идея реализуется в качестве речевой, каждая управленческая ситуация есть прежде всего диалог, субъекты которого действуют в соответствии с социально-речевыми позициями Автор, Слушатель, Эксперт... Умение выстраивать диалогические отношения, занимать активную позицию Автора, не менее ответственную позицию Слушателя, готовность и способность оценивать свою и чужую речь с позиции Эксперта, выступая в определенном речевом жанре, заданном ситуацией общения, — вот составляющие профессионально значимых для работников «лингвоинтенсивных» профессий речевых навыков» [1, с. 5]. Эту мысль важно донести до студентов на занятиях по культуре речи и деловому общению, потому как очень часто они не мотивированы на продолжение изучения русского языка, который, по мнению сту-

дентов, им был нужен, лишь чтобы сдать вступительный экзамен в вуз.

Программа дисциплины «Культура речи и деловое общение» предполагает, с одной стороны, рассмотрение трудных случаев лексических, морфологических, синтаксических языковых норм, то есть обоснование необходимости нормированности грамотной речи в сознании студентов, а с другой стороны, ознакомление с основами делового диалогового общения, выступления перед аудиторией, ведения деловых переговоров с точки зрения лингвистики и психологии. Для формирования навыков устного делового общения можно предложить такие виды упражнений, как выступление перед аудиторией, дебаты на заданную тему, составление диалогов в указанных речевых ситуациях, формулировка «закрытых» и «открытых» типов вопросов, продолжение мысли другого человека в рамках обозначенной темы и т.д. Рассмотрим подробнее такой вид тренинга, как публичное выступление.

Какие же темы можно предложить студентам для тренинга по формированию навыка выступления перед аудиторией? Во-первых, это могут быть темы информационных сообщений, в которых задачей выступающего будет успешно установить контакт со слушателями и донести до них определенную информацию. Например:

1. Событие в нашей стране.
2. Событие за рубежом.
3. Новости культурной жизни.
4. Речевой этикет.
5. Как правильно делать комплименты.
6. Как прекратить разговор, не обижая собеседника.
7. Значение различных типов рукопожатий.
8. Невербальное общение.
9. Подготовка к деловым переговорам.

Во-вторых, это могут быть сообщения, в которых Автор имеет возможность поделиться собственными размышлениями на заданную тему и призвать аудиторию включиться в них, высказать свое мнение, возможно, даже поспорить. Например:

10. Что дает реклама потребителю, и насколько она должна быть честной?
11. Есть ли место для мата в речи воспитанного человека?

12. Как стать интересным собеседником.
13. Как создать хорошее впечатление о себе.
14. Моя будущая специальность.
15. Зачем нужно изучать культуру речи и основы делового общения?

Важно, чтобы темы выступлений соотносились с будущей профессиональной деятельностью студентов, потому как это создаст дополнительную мотивировку и их заинтересованность в подготовке выступления. Опыт свидетельствует, что студенты очень охотно включаются в подобный вид работы. Однако важно объяснить серьезность данного упражнения, отметить, что выступать они должны с минимальной привязкой к тексту (т.е., не читая, а рассказывая). Выступление можно ограничить 8–10 минутами — этого времени будет вполне достаточно для выступающего, чтобы в лаконичной форме донести до слушателей суть речи, продемонстрировать свой уровень владения вниманием аудитории, грамматическими нормами русского языка. Для наиболее эффективной подготовки студентов рекомендуем обозначить для них задачи каждого этапа выступления. Итак, задачи вступительной части:

- 1) установить контакт со слушателями и вызвать заинтересованность;
- 2) сформулировать тему речи, аргументировать ее важность, актуальность;
- 3) назвать основной тезис.

Выбор темы — ответственный момент. Лучше порекомендовать студентам остановиться на том, что знакомо самому выступающему (это придаст ему уверенности) и будет интересно слушателям, ведь их реакция — половина залога успешного выступления.

Задачи основной части выступления:

- 1) раскрыть содержание основного тезиса;
- 2) озвучить положения, доказывающие или подтверждающие идею основного тезиса;
- 3) наполнить содержание каждого отдельного положения конкретикой — примерами, цифрами, датами и т.д.
- 4) если выступление имеет цепную (то есть каждая последующая мысль вытекает из предыдущей, продолжает ее), а не параллельную форму построения текста (при которой несколько равнозначных положений подтверждают один главный тезис), то необходимо тщательно продумать логические переходы от одной мысли к другой.

Развернуть систему тезисов в рамках своей темы, развить содержание речи, наполнить ее примерами студентам поможет знание основных топов, или смысловых моделей «развертывания» идеи [1, с. 25]. Обозначим студентам следующие топоры: 1) определение (что есть что); 2) родовая и родовая соотнесенность предмета речи с родственными ему; 3) свойства, качества, характеристика предмета; 4) сравнение предмета с другими, указание его разновидностей; 5) предмет, противоположный тому, который мы рассматриваем; 6) причинно-следственные связи явления с другими (почему явление необходимо? что оно с собой несет? на что влияет?); 7) обстоятельственные

факторы (когда явление возникло? где? каким образом?); 8) свидетельства явления (цитаты-воспоминания о предмете речи, афоризмы, мнения известных деятелей).

Задачи заключительной части:

- 1) напомнить основные положения;
- 2) подвести итог своей речи, сделать вывод из всего сказанного, который, возможно, еще не был озвучен в процессе выступления;
- 3) активизировать внимание аудитории. Как известно, по «закону возрастающего нетерпения слушателей» [1, с. 162], чем дольше говорит оратор, тем большее невнимание и нетерпение проявляют слушатели. Именно поэтому заключение должно быть ярким, запоминающимся, содержать какой-либо интересный пример, новый факт, не обозначенный до этого.

Кроме этого, для подготовки успешного выступления студентов необходимо познакомить со способами привлечения и удержания внимания слушателей. Перечислим некоторые из них. «Эффект первых фраз» [2, с. 27] подразумевает интересную, оригинальную информацию, заключенную в первых же фразах выступления, которая обращает внимание слушателей на выступающего. «Эффект порционного выброса информации» [2, с. 27] основан на равномерном распределении по всему тексту выступления новых мыслей и аргументов, за счет чего слушатели остаются мотивированы на дальнейшее прослушивание, а их внимание активизируется. Метод «авансирования» [1, с. 173] заключается в том, что, упомянув о каком-либо занимательном факте, примере, выступающий поясняет, что вернется к этой мысли позже, благодаря чему аудитория будет находиться в постоянном ожидании разъяснения интересной информации. Суть приема «доверительность» состоит в связывании предмета речи с личным опытом, примерами из собственной жизни, таким образом, выступающий сближает себя с аудиторией, доверяя ей рассказы о своей жизни, не отступая при этом от темы своего выступления. Весьма эффективным в плане удержания концентрации будет переключение внимания аудитории — ровное, спокойное повествование заметно оживит демонстрация слайдов или иллюстраций, вопрос, обращенный к самой аудитории, предъявление двух и более точек зрения, мнений на рассматриваемую проблему с дальнейшим предложением их обсудить, сопоставить или высказать собственное суждение, то есть смена пассивного слушания на активное. Если выступающий хочет произвести «эффект релаксации» [2, с. 27], ему следует быть крайне осторожным и тщательно его продумать. Прием предполагает обращение к юмору, вплетение в выступление шуток, забавных примеров. Однако нужно помнить, что слушатели обладают разным чувством юмора, потому то, что вам кажется смешным, может не развеселить аудиторию. Кроме того, юмор должен лишь разбавлять вашу речь, но не становиться самоцелью публичного выступления. Наконец, нужно помнить о том, что речь должна быть аргументирована, логична, убедительна, грамотна, художественно выразительна.

Выступление должно быть обязательно прокомментировано сначала другим студентом, а затем преподавателем. Это заставляет слушателей критично относиться к речи выступающего, учит активному слушанию, анализу услышанного. Более того, сама роль Эксперта побуждает студента произнести речь перед аудиторией, то есть анализ чужой речи является в то же самое время разновидностью тренинга. Можно предложить студентам следующую схему оценки выступления:

1. Тема и цель. Интересны ли? Актуальны?
2. Вступление. Были использованы приемы привлечения внимания? Не было ли вступление слишком длинным, затянутым?
3. Главная часть. Продуман ли план? Весь ли материал относится к теме? Достаточно ли примеров? Конкретно ли содержание? Достигнута ли цель?
4. Заключение. Ясно ли? Есть ли обобщение сказанного?
5. Произношение. Уверен ли говорящий в себе? Правильна ли поза? Удачен ли темп речи? Не монотонно ли? Есть ли контакт с аудиторией? Есть ли речевые ошибки?

Литература:

1. Балыхина Т.М., Черкашина Т.Т. Ваш путь к коммуникативному лидерству. Учебное пособие по культуре речи, риторике и деловому общению. — М.: Изд-во ГУУ, 2011. — 250 с.
2. Кузин Ф.А. Культура делового общения: Практическое пособие. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Ось-89, 2000. — 320 с.

Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков)

Веренич Татьяна Михайловна, преподаватель
Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Истомин В.С.
Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

Представления человека об окружающем его мире складываются в процессе его взаимодействия с этим миром, при этом язык обуславливает характер мышления, способ познания мира, влияет на сознание и поведение человека. Результатом взаимодействия человека с окружающим миром является формирование картины мира в сознании человека. Понятие языковой картины мира разрабатывалось такими лингвистами как Гумбольдт, Потебня, Апресян Ю.Д., Васильев С.А., Вежицкая А., Фрумкина Р.М., Маслова В.А. и др. Картина мира является результатом переработки информации о человеке и окружающем его мире. Следует отметить, что картина мира представляет собой не простой набор отражений предметов, процессов, свойств и т.д., но включает в себя также и субъективное мнение человека по отношению к воспринимаемым и отражаемым им предметам. Следовательно, картина мира всегда детерминирована исто-

6. Советы выступающему.

Опыт проведения подобных тренировочных выступлений студентов показывает, что именно заключение вызывает наибольшие трудности. Студенты, как правило, не уделяют его составлению должного внимания, ограничиваясь фразами «это все, что я хотел сказать», «в заключение хочу еще раз подчеркнуть важность темы» и им подобными. Важно объяснить учащимся, что именно заключение, итог демонстрирует способность выступающего к аналитическому мышлению, его навыки обобщения идей, что является немаловажными показателями профессионального уровня в целом.

В заключение отметим положительный эффект в формировании навыка публичного выступления перед аудиторией в рамках практических занятий по культуре речи и деловому общению. Однако подобные тренинги должны носить регулярный характер, не становиться единичным явлением, поскольку именно через собственное выступление и аналитическое наблюдение за выступлениями однокурсников у студентов исчезает психологический барьер, связанный с боязнью аудитории.

рическим периодом, социальным статусом отражающего субъекта и даже его характером. Но в то же время языковая картина миопределенного языкового коллектива.

Картина мира, фиксируемая фразеологическими средствами языка и рассматриваемая как языковой феномен национально-культурного наследия, является **фразеологической картиной мира**. Фразеологические единицы служат средством освоения мира человеком, в них фиксируются, хранятся и воссоздаются его чувства, эмоции, ощущения, оценки, настроения. Во фразеологической картине мира наиболее ярко отражено национальное своеобразие языка, так как именно фразеологические единицы чаще всего содержат компоненты значения, содержащие информацию о национально-специфических особенностях восприятия действительности. Фразеологизмы представляют собой особые единицы языка, в которых запечатлены народная мудрость, ценностная

картина мира этноса, а также знания как о внешнем действительности, так и о внутреннем мире человека. Фразеологизмы в своей семантике отражают длительный процесс развития культуры того или иного этноса.

Актуальность темы настоящего исследования определяется обострением интереса к феномену культуры и проблемам языковой личности, недостаточной изученностью проблем национально-культурного своеобразия языковых единиц, а также потребностью изучения способов отражения в языке национального характера данного этноса.

Целью данной работы является выявление специфических черт национального характера, воплощённых во фразеологических единицах. В свою очередь, цель исследования определила следующие задачи: проанализировать национальную специфику языковой картины мира; определить понятие «картина мира» и «национальный характер»; показать особенности средств выражения национальных черт во фразеологизмах. Объектом изучения в настоящем исследовании являются фразеологические единицы французского и русского языков, содержащие характеристику данных этносов. Предметом исследования выступают лингвокультурологические особенности фразеологического состава французского и русского языков как источника информации о национально-специфических чертах данного народа.

Согласно Масловой В.А. понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире, а сама картина мира является результатом переработки информации о среде и человеке [4, с. 64–67; 1, с. 50–53]. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и др.) о *внутренней форме языка*, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой *гипотезе лингвистической относительности* Сепира — Уорфа, — с другой. В. Гумбольдт считал, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значение языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры [2, с. 148–173]. Гипотеза Сепира указывает на идиоэтническую специфику того или иного языка в области вербализации. Он утверждал, что любой язык направляет мышление его носителей по тому руслу, которое предопределяется мировидением, заключенным в их языке. Вторую формулировку гипотезы лингвистической относительности дал Бенджамен Ли Уорф: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» [5, с. 135–198].

В данной работе под определением языковая картина мира мы понимаем исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Специфической особенностью восприятия мира

человеком является отражение не только самих объектов действительности, но и позиции отражающего субъекта, его отношения к этим объектам.

Проблема национального характера и картины мира неразрывно связаны. Под национальным характером мы понимаем совокупность черт, в большей или меньшей степени свойственных той или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях ее развития. Если концепция «национального характера» относится прежде всего к взгляду на культуру со стороны внешнего наблюдателя, то «картина мира», напротив, изучает взгляд представителя данной культуры на внешний мир.

Фразеологизмы наиболее ярко и точно передают и показывают специфику национального характера французского и русского народов, так как именно фразеологизмы, создававшиеся народом и отшлифованные им в течение многих веков, сохраняют в себе весь колорит и особенности развития языка и истории данного народа. В целом система образов, зафиксированных во фразеологическом составе французского и русского языков, обусловлена особенностями материальной, социальной и духовной культуры и свидетельствует о ее национально-культурном опыте и традициях. С помощью данных образов и создается фразеологическая картина мира.

Фразеологическая картина мира является универсальной, свойственной всем языкам образной системой особых устойчивых вербальных единиц, передающих особенности национального мировидения. В основе фразеологической картины мира лежит образное видение мира, формирующееся в процессе коллективного многовекового постижения и преобразования человеком окружающей его среды.

Фразеологические единицы являются одним из способов передачи национальных стереотипов. Среди стереотипов можно выделить этностереотипы, под которыми понимается относительно устойчивые исторически сложившиеся представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей.

Правильная интерпретация фразеологических единиц и, соответственно, фразеологической картины мира предполагает наличие у носителей языка определенного набора общих фоновых знаний, связывающих культурно маркированные единицы языка с элементами культуры.

Анализ фразеологических единиц показал, что черты характера могут соотноситься с объектами экстралингвистической действительности любой природы.

Национальное языковое сознание позволяет трансформировать элементы действительности в языковые пресуппозиции, которые, подвергаясь речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, «обрастая» национально-культурными смыслами, перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики, отражающие соответствующие фрагменты национально-языковой картины мира [3, с. 78].

Универсальными образами фразеологизмов являются соматизмы, но национальная специфика фразеологических знаков, содержащих эти компоненты, проявляется на их комбинаторном уровне. Ярким примером можно назвать сердце (*coeur*), как главный орган человека. И во французской и в русской фразеологии данная лексема входит в состав фразеологических единиц и с положительной, и с отрицательной коннотацией. Напр.: *porter un coeur d'homme* означают 'добрый человек'; *coeur de marbre / pierre* — сделано из мрамора / камня, имеющее такие характеристики, как «твердый» и «холодный»; *avoir le coeur mal placé* значит 'быть трусом'; *золотое сердце у кого-нибудь* (об очень добром человеке), *у него нет сердца* (о злом, чёрством человеке).

Одним из распространенных образов для фразеологизмов являются названия животных. Это легко объясняется тем, что стремясь охарактеризовать свое поведение, внешность человек прибегал к сравнению с тем, что ему было ближе всего и похоже на него самого — животным миром. Данные фразеологические единицы отражают многовековые наблюдения человека над внешним видом и повадками животных. Так, многозначная лексема *mouton* 'баран', означающая во французской языковой картине мира глупое, безвольное животное, в то же время слабое, кроткое и беззащитное, соотносится во фразеологической картине мира с фразеолексой, передающей семы «бездумный», «слабовольный», «смирный», «доверчивый»: *un mouton de Panurge* «бездумный, слепой подражатель», *suivre qn comme un mouton* «идти слепо за кем-л.», *c'est un vrai mouton* «он тряпка, слабовольный человек», *doux et crédule comme un mouton* «смирный и доверчивый как овца». В то время как в русской языковой картине мира он обозначает упрямого и глупого человека, а также употребляется самостоятельно как порицающее или бранное слово: *словно бараны, все в кучу сбились; куда один баран, туда и все стадо*.

Во французском национальном менталитете твердо установилась связь уроженцев некоторых провинций

Франции с особенностями черт характера. Например, нормандец считается человеком осторожным, сдержанным, скрытным и хитрым, который предпочитает отвечать на вопросы двусмысленно, уклончиво: *c'est un fin Normand* «он большой хитрец», *répondre en Normand* «дать уклончивый, двусмысленный ответ»; гасконец славится красноречием и хвастовством: *garde (-toi) d'un Gascon ou Normand, l'un hâble trop et l'autre ment* «берегись гасконца и нормандца, один хвастун, а другой враль»; *agir en Gascon* «хвастаться, бахвалиться», *faire la lessive de / du Gascon* «пускать пыль в глаза».

Черты характера у людей любой национальности одинаковы, но распределяются и проявляются они по-разному в зависимости от народных традиций, культуры, национальных темперамента и менталитета. Во фразеологии запечатлеваются либо наиболее характерные для данного этноса черты, либо наиболее яркие и потому отчетливо запоминающиеся. Как и везде, во Франции ценят умных — *un homme d'entendement* «толковый человек», *avoir la sagesse de Solomon* «быть семи пядей во лбу»; искренних — *franc comme l'osier* «прямодушный, искренний», *jouer franc jeu; jouer / mettre cartes sur table* «поступать честно, искренне, говорить напрямик». С неодобрением французы относятся к глупцам — *dégourdi comme un manche* «неловкий, глупый»; лжецам — *manquer de parole* «не сдержать слова».

В русской фразеологии высмеивается глупость: «голова и два уха», «бревно неотесанное», «хлопать глазами»; хитрость: «чужими руками жар загребать», «голь на выдумку хитра», «въехать на чужой спине в рай». Русские ценят такие качества как трудолюбие: «дело мастера боится», «бог труда любит»; смелость: «не на жизнь, а на смерть», «стоять горой».

Таким образом, отражение стереотипов во фразеологии выражено очень ярко, так как только сообщая, соотнося образы с понятиями, смыслом, мы можем выявить культурно-национальную значимость выражения.

Литература:

1. Головановская, М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка / М.К. Головановская. — М., 1997. — 361 с.
2. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избр. Труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 148—173.
3. Золотых, Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики / Л.Г. Золотых. — Астрахань, 2007. — 265 с.
4. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. — Минск: ТетраСистемс, 2005. — 383 с.
5. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Наука и языкознание. — М., 1960. — С. 135—198.

Фирмонимы туризма на рынке Псковской области

Виноградова Людмила Валерьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель;

Прохорова Дарья Максимовна, студент

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики (Псковский филиал)

Туризм представляет собой неотъемлемую часть жизни общества, являясь в современную эпоху феноменом мирового масштаба. В настоящее время в год совершается до 900 млн туристских поездок. На экономическом уровне он представляет собой мощную мировую индустрию, занимающую до 10 % мирового валового продукта [15, с. 11]. Не случайно XXI столетие провозглашено ООН веком туризма, поскольку он стал важным фактором развития личности, взаимопонимания между людьми и целыми народами.

Однако на определенном этапе возникла необходимость рассмотрения туризма не только в рамках экономического знания, но и гуманитарного, в частности с позиций культурологического и лингвистического подходов, позволяющих дать своевременную и всестороннюю оценку процесса расширения туристской деятельности. Это связано с тем, что в современном мире туризм из преимущественно экономического явления превращается в феномен социального и культурного порядка.

Влияние туризма на различные сферы социума вызывает потребность в осмыслении лингвистических феноменов этой сферы деятельности. Туризм, достигающий больших масштабов и вовлекающий глобальные людские ресурсы в коммуникационный процесс, не может не иметь своего языкового и речевого выражения. Языковая концептуализация туризма ставит перед научным сообществом потребность выявления соответствующего текстового пространства и лингвистического обоснования его функционирования, в связи с чем в последние годы стали появляться работы, посвященные изучению туристской лексики с разных позиций [10; 2; 5].

Исследование лингвистической сущности туризма и ее влияния на социальную действительность не может обойтись без обращения к ономастике, под которой понимается совокупность имен собственных и наука, их изучающая [12, с. 96], и ономастическому пространству или ландшафту. В ономастическом ландшафте города сосуществует множество разнообразных и в том числе разноязыковых фрагментов, и каждый что-то вносит в ландшафт и зависит от него одновременно [19; 20].

Материалом данного исследования является фирмонимия на туристском рынке Псковской области, всего более 100 наименований. При этом под фирмонимом мы понимаем собственное имя коммерческого предприятия, обладающего правами юридического лица [3, с. 144].

Проведенный анализ фирмонимов Псковской области показал, что современное развитие туристской фирмонимии идет в соответствии с двумя противоречивыми тенденциями всего мирового сообщества, которые

характеризуют состояние нашего многополярного и поликультурного мира: стремлением к глобализации, стиранию границ и различий между странами с одной стороны, и острой, возрастающей потребностью сохранить культурное многообразие мира, неповторимость и уникальность национальных культур и их наследия — этнизацией.

Стремление к глобализации выражается в использовании заимствованных элементов в названии предприятия. По нашим данным, количество подобных единиц составляет 14,7 %, 2 % из которых представляют собой оригинальные заимствования, т.е. слова, перенесенные из какого-либо языка в том виде, в котором они существуют в момент заимствования [9]: гостиница *Old Estate*, гостевой дом *Parking*. Следует добавить, что характерной чертой туристской фирмонимии является двойное название компании на вывеске (на латинице и кириллице), что обусловлено интернациональным характером самой отрасли: турфирмы «Паломы Турс» — «*Paloma Tours*», «Глобал Трэвел» — «*GLOBAL TRAVEL*», «Вексимо Тур» — «*Veximo Tour*». По справедливому замечанию Сперанской А.Н., это говорит о том, что выбран путь мирного сосуществования двух графических систем, каждая из которых выполняет свою функцию: латиница подчеркивает заимствованность, «иностранность» предлагаемой услуги, а кириллица адаптирует для восприятия и понимания потребителя, использующего свой язык при освоении мира [16, с. 171].

Однако наиболее типичной тенденцией можно признать использование в названии предприятия англоязычных элементов, переданных средствами русской графики. Так, например, в нашей выборке это явление составляет 12,6 % и представляет собой однословные и многословные фирмонимы: гостиница «Балтхаус», турфирмы «Глобал Трэвел», «Меджик Трэвел», «ABC Интур», «Аэротрэвел клуб», «Турботрэвел».

При образовании многословных фирмонимов прослеживается предпочтение определенных англоязычных элементов, которые относятся непосредственно к международному туризму, путешествию. Такими элементами являются: тревел — 3,15 % (турфирмы «Дельта Трэвел», «Глобал Трэвел», «Аэротрэвел клуб», «Меджик Трэвел»), тур — 8,4 % (турфирмы «Вексимо Тур», «Фортуна-Тур», «Виза-тур», «Великие Луки-тур»).

Наши материалы также показывают, что разные номинаторы используют разные способы передачи звуко-буквенной формы англоязычного элемента на русский язык. Так, например, элемент «путешествие» имеет два графических варианта: *трэвел*, *трэвл*, например: турфирмы

«Дельта Трэвел», «Меджик Трэвел», «ГлобалТрэвел», «Аэротрэвелклуб».

Интересно проследить и возможные случаи сочетаемости англоязычных элементов. Меньшая часть фирм-именов в своем составе имеет немотивированный второй элемент, понятный только самому номинатору: «Палома Турс», «Вексимо Тур», «Фортуна-Тур», «Дельта Трэвел». Однако следует подчеркнуть, что в таких номинациях присутствует англоязычный элемент, который дает представление о сфере деятельности компании.

Англоязычные элементы иногда сочетаются с русскоязычными (3,15 %), как связанными, так и не связанными с туризмом: турфирмы «Славянский тур», «Рус-Тур», «Галактика-Тур».

Некоторые номинаторы используют в названии фирмы антропонимы (2,1 %): турфирма «София», гостиница «Ольгинская», гостевой дом «Ольгин хутор».

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проблема иностранных заимствований характерна и для современного ономастикона. Однако ее отличительная особенность заключается в неоднозначности, двойственности. С одной стороны, можно говорить о таком свойстве языка как его стремление к интернациональности, что способствует диалогу культур и изучению различных языковых картин мира. Более того, применительно к сфере туризма речь должна идти не столько о чисто языковой стороне номинации, сколько о содержательной, т.е. о глобализации национальных когнитивных пространств [13, с. 298] или импорте концептов [4, с. 210–214]. С другой стороны, в активном процессе заимствования в ономастике нельзя не увидеть признаки варваризации или языковой ксенофилии [7], причем следует говорить не столько о названиях с очевидной ориентацией на экзотику, сколько об отражении в новых наименованиях самого языкового сознания их авторов. Такой характер номинации отражает стремление имядателя выделиться на рынке, опереться на собственные представления, собственное языковое чутье.

В целом отметим, что разделяем сбалансированное мнение В.Б. Касевича об осторожном отношении к заимствованиям и непревращении родного языка в транслитерацию [6, с. 64], а также о том, что не переходящие определенных границ процессы заимствования естественны и служат обогащению языка [6, с. 65].

Потребность сохранить культурное наследие выражается и в фирм-именов, используемых в туристской сфере. Так, культурное наследие выполняет одну из важнейших социальных функций в обществе: оно позволяет воспринимать опыт предшествующих поколений, познавать обычаи и традиции, историю своих предков и передавать эти знания последующим поколениям. В работе «Экология культуры» Д.С. Лихачёв пишет, что «для жизни человека не менее важна среда, создаваемая культурой его предков и им самим... Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы... культурная среда столь же необходима

для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», нравственной самодисциплины и социальности» [цит. по: 1, с. 5]. Таким образом, познавая культурное наследие, человек становится связующим звеном между прошлым и будущим поколениями. Важно не прерывать эту цепочку трансляции культурных ценностей. Иначе «разрушение культурных основ человеческой жизни влечет за собой деградацию духовную, а соответственно и гибель человека как социально-культурного феномена» [цит. по: 1, с. 5].

Культурное наследие также выступает в роли элемента туристской индустрии. Псковская область имеет богатейший природный и историко-культурный потенциал, который делает её привлекательной как для российских, так и иностранных туристов. Использование в названиях предприятий туристской сферы фирм-именов, имеющих отношение к истории и культуре области, говорит о том, что происходит процесс возрождения культурного наследия Псковщины, и, как следствие, становления туристской индустрии.

Наши данные свидетельствуют о том, что среди недавно открывшихся предприятий туризма около 20 % имеют в названии элемент, относящийся к культуре Псковской области: гостиницы и отели «Плесков», «Кром», «Двор Подзноева», «Чудское подворье», «У Покровки», «Арина Р» и др. Такие фирм-именов содержат уникальные, характерные только для Псковской области названия, а также имена и фамилии известных псковичей. Но подобная самобытность не всегда бывает понятной и обоснованной для туриста или гостя региона. Приведем несколько примеров, в которых объясняется, какое значение имеет тот или иной фирм-именов для Псковской области.

В некоторых номинациях используются древнерусские названия, на данный момент вышедшие из повсеместного употребления. Например, существует много версий о происхождении названия «Псков». Они исходят из чисто славянского происхождения топонима и, помня одну из его форм «Плесков», связывают его со словами: плескаться, песок, плес. Согласно первой версии (от слова «плескаться») река Пскова сначала называлась «Плескава», передав затем городу свое имя. Вторая версия (от слова «песок») дает объяснение названия реки Псковы как «реки с песчаными берегами». Третья версия исходит из того, что «плес» – «прямой, спокойный участок реки от одного поворота до другого», что вполне соответствует характеру Псковы в ее нижнем течении. А значит, Пскова – «река со множеством плесов» [14]. Согласно Толковому словарю В. Даля, «Кром» имеет несколько значений. Первое – «кремль; но в Пскове был и *кром*, а внутри его *кремль*, за *кромом* же было *застенье*, *слобода*; второе – внешнее городское укрепление, в противоположность *детинцу* или *кремлю*» [18].

Фирм-именов гостиница «Ольгинская» указывает на то, что Псковская земля связана с именем великой правительницы Руси, первой принявшей христианство, кня-

гини Ольги. По одной из версий, село Выбуты Псковского района является родиной княгини. Ранее данное гостиничное предприятие называлось «*Интурист*». Случай переименования свидетельствует о возрождении культурных традиций на Псковщине (в непосредственной близости от нее была построена часовня в честь святой княгини Ольги).

Название гостиницы «*Арина Р*» указывает на няню знаменитого русского поэта и писателя А.С. Пушкина Арину Родионовну. Данное предприятие расположено на территории Псковского государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Владельцы гостиницы поясняют свой выбор названия так: «Гостиница названа «Арина Р.» в честь Арины Родионовны не случайно, ведь это особая, литературная гостиница, ее теплая атмосфера и забота, которые обязательно почувствуют гости, напомнят им няню Арину, преданно служившую Александру Сергеевичу Пушкину» [8].

Однако некоторые фирмонимы (12,6 %) можно отнести не к возрождающемуся культурно-историческому наследию, а к советскому. Как отмечает Т.В. Шмелёва, главной особенностью советского ономастического сознания можно считать тот факт, что топоним увековечивает кого-то достойного или представляет нечто достойное в рамках советской идеологии; он должен быть благозвучным и привлекательным [21]. Так, в Псковской области еще сохранились «традиционные» названия гостиничных и туристских предприятий: гостиницы «*Безжаницкого МПЖКХ*», «*Октябрьская*», «*Дружба*», «*Юбилейная*», «*Планета*», «*Спорт*», турфирма «*Соц-турпроф*» и др.

В ходе изучения туристских фирмонимов Псковской области мы также обнаружили достаточно большое количество названий, мотивированных местной топонимикой (около 20 %). Следует отметить, что чаще всего к топонимам прибегают владельцы баз отдыха, расположенных в сельских населенных пунктах: гостиницы «*Себеж*» (город Себеж), «*Шелонь*» (река Шелонь), «*Изборск-парк*» (г. Изборск), базы отдыха «*Балсово*» (деревня Балсово), «*Калацкое*» (озеро Калацкое), «*Вашиногорская*» (деревня Вашина Гора).

В последнее время возрождается интерес к топонимам и города Пскова. В 2005 году в центре Пскова был открыт гостевой дом «*У Покровки*». Название мотивировано расположенным в нескольких шагах от гостевого дома Покровским комплексом, на территории которого находятся две «зеркальные» церкви (Рождества и Покрова от Пролома, соединенные между собой звонницей), окруженные мощнейшими крепостными стенами.

В основу многих фирмонимов Псковской области (16,8 %) положены базовые термины и понятия туризма:

1) транзит: гостиница «*Псковский транзит*», турагентство «*Транзит*»;

2) мир — планета — континент: турагентства «*Открытый мир*», «*Вокруг света*», «*Планета*», «*Континент*», «*Глобус*»;

3) путешествие: турагентства «*Волшебное путешествие*», «*Псковское бюро путешествий*», «*Мир путешествий*», «*Саквож странствий*», «*Клуб путешественников*».

Однако самую многочисленную группу составляют фирмонимы с несущественными символическими мотивировочными признаками и немотивированные фирмонимы (26,25 %), т.е. названия, которые невозможно мотивировать какими-либо ассоциативными связями с объектом наименования. В качестве примеров подобных наименований можно привести следующие:

1) туристские фирмы: «*Апрель*», «*Звонница*», «*Перона*», «*Традиция*», «*Домино*»;

2) гостиницы: «*Волна*», «*Дружба*», «*Колос*», «*Спорт*», «*Фаворит*», «*Эдем*», «*Каркушино гнездо*»;

3) базы отдыха: «*Березка*», «*Юность*», «*Теремок*», «*Динамо*», «*Светлячок*».

Подводя предварительный итог, отметим, что проведенный анализ указал на одну важную особенность — немотивированность выбора того или иного фирмонима. Подобная тенденция фирмонимов предприятий туристской сферы говорит о том, что номинаторы не учитывают основных потребностей клиентов при выборе средства размещения или турфирмы. Номинация происходит стихийно, что в свою очередь, может оказать негативное влияние на дальнейшее позиционирование на рынке туристских услуг.

Для более полного анализа туристского ономастического пространства, на наш взгляд, необходимо выявление информативности изучаемых фирмонимов и вызываемых ими ассоциаций у горожан. Одним из инструментов подобного исследования является ассоциативный эксперимент. Традиционно эксперимент проходит с использованием двух методик: свободных и направленных ассоциаций [17]. В данном исследовании были использованы оба метода. Метод свободных ассоциаций состоит в том, что испытуемому предлагается слово-стимул (фирмоним), на которое он должен отреагировать первым пришедшим на ум словом или словосочетанием. Эксперимент по методу направленных ассоциаций заключается в том, что наряду с предъявлением слова-стимула перед реципиентом ставится некоторое условие. В данном исследовании горожанам предлагалось предположить, какую деятельность может осуществлять предприятие, скрывающееся за названием.

В общей сложности было опрошено около 200 человек в возрасте от 19 до 53 лет, в выборке были представлены три образовательные (среднее специальное, незаконченное высшее, высшее) и обе половые группы.

В ходе эксперимента было зафиксировано примерно 3672 рефлексивных текста-реакций на 100 фирмонимов Псковской области (из них 20 не относятся к предприятиям сферы туризма).

В результате исследования были сделаны следующие выводы.

Использование метода направленных ассоциаций позволило обнаружить неинформативные фирмонимы, ко-

торыми зачастую являются слова, не имеющие прямого отношения к сфере туризма, например: гостиницы «Прибалтийский», «Угоринка-3», «Спорт», «Дружба», «Фаворит», «Уют», «Эдем», «Русь», «Бежаницкого МПЖКХ», «Каркушино гнездо», «Арина Р», турфирмы «София», «Апрель», «Традиция», «Перона», «Псков-регионинвест», базы отдыха «Светлячок», «Юность», «Скиф». Например, в качестве возможных специализаций гостиницы «Угоринка-3» респондентами были предложены следующие: строительство, продуктовый магазин, добыча полезных ископаемых, отдел милиции, музей, завод, космодром, автозаправочная станция, агрокомплекс, спорт; турфирмы «Апрель» — детский сад, продуктовый магазин, цветочный магазин, магазин одежды, парикмахерская, обувной магазин, салон красоты, вентиляционное оборудование. Кроме того, к неинформативным относятся наименования, построенные по:

1) антропонимической модели: так, на фирмонеим «София» (турфирма) были зафиксированы следующие реакции: парикмахерская, салон красоты, магазин, книжный магазин, магазин косметики, кафе;

2) топонимической модели: например, фирмонеим «Арина Р» (гостиница) был осознан респондентами как название магазина одежды, косметики, салона красоты, парикмахерской;

3) иноязычной модели: например, фирмонеим «Parking» (гостиница) — автостоянка, ночной клуб, развлекательный центр, транспортная компания, автозаправочная станция, ремонт автомашин;

4) модели, содержащей в себе концепт туризма: например, турфирма «Открытый мир» вызвала у респондентов следующие ассоциации — название журнала, компания, занимающаяся монтажом окон, зоомагазин, книжный магазин, компьютерный магазин, оптика;

5) модели, представляющей собой сложносочиненные слова: например, турфирма «Псковрегионинвест» — благотворительный фонд, инвестиционная компания, телефонная связь, строительство, центр поддержки малого бизнеса, банк, газовая компания, транспортное предприятие, хозяйственное товарищество.

Кроме того, респонденты часто ассоциировали различные предприятия с туристской сферой, хотя те не имеют к ней никакого отношения. Например, частное предприятие по ремонту бытовой техники «Эврика» 11 % респондентов отнесли к туризму, агентство недвижимости «Авентин» — 12 %, а агентство «Экзотика плюс», занимающееся ландшафтным дизайном, посчитали предприятием туристской сферы 47 % опрошенных. При этом чаще всего указывали, что это турфирма, основным направлением деятельности которой является организация туров в «жаркие страны».

Таким образом, проведенный эксперимент показал, что самыми неинформативными являются названия турфирм «София», «Апрель», «Открытый мир», «Псковрегионинвест», «Традиция», «Перона»; гостиничных комплексов «Прибалтийский», «Бежаницкого МПЖКХ»,

«Угоринка-3», «Parking», «Каркушино гнездо», «Псковский транзит», «Спорт», «Дружба», «Фаворит», «Эдем», «Русь»; базы отдыха «Светлячок», «Юность», «Скиф».

Свободный ассоциативный эксперимент позволил нам выявить ассоциативный потенциал изучаемых фирмонеимов. Результаты эксперимента показали многоплановость семантики фирмонеимов. О закреплённости в языковом сознании говорит тот факт, что число отказов было невелико — около 4 %. У всех фирмонеимов, задействованных в эксперименте, выделяются два ассоциативных ряда, объединённые общей темой.

Первый ряд составляют денотативные (собственно ономастические) ассоциации, ориентированные на объект ассоциирования. Здесь можно отметить многократное прямое указание на сферу деятельности предприятия: турфирма «Фортуна-тур» — турфирма (13 %), турагентство (6 %); турфирма «Соцтурпроф» — турфирма (20 %), туризм (7 %), туристская компания (3 %); турфирма «Дельта Трэвел» — турагентство (7 %), турфирма (7 %), туризм (4 %), серьёзное турагентство (2 %). Во многих случаях респонденты указывали не конкретную сферу деятельности, а ассоциации, связанные с ней: турфирма «Славянский тур» — путешествия (10 %), тур по России (8 %), путешествия по России (3 %), туры по древним русским городам, экскурсия; турфирма «Виза-тур» — поездка за границу (12 %), отпуск (9 %), загранпаспорт (8 %), поездка (8 %), возможность путешествовать везде. При этом данные свободного ассоциативного эксперимента уточняют данные направленного: наиболее информативными являются наименования, содержащие в себе прямое указание на сферу деятельности предприятия. К таковым указаниям относятся слова: *путешествие, вояж, тур, трэвел*. Здесь необходимо отметить, что иноязычия «тур» и «трэвел» стали достаточно прозрачными для восприятия большинства респондентов.

В ходе эксперимента нами был выделен второй ассоциативный ряд, который включает в себя наличие оценочных ассоциаций. Так, положительно респондентами воспринимаются фирмонеимы, содержащие указания на:

1) отдых на природе: база отдыха «Лесная гавань» — причал, берег озера в лесу, друзья, пейзаж, красивое место, лазурь, лагуна, тишина; база отдыха «Можжевельная роща» — здоровье, воздух, аромат можжевельника, баня, роща, деревья; база отдыха «Зимний борок» — зима, лыжня, снеговик, каток, ватрушки;

2) сказку: база отдыха «Тридевятое царство» — волшебство, сказка, принцесса, сказки из детства; база отдыха «Теремок» — тепло, сказка, домик, избушка, блины;

3) культурное и историческое наследие России и Пскова: база отдыха «Русское подворье» — пирог, национальное, икра, Псков, Новгород, Киев, старая Русь; гостиница «Кром» — ансамбль, Псков, Довмонтов город, башня, Кремль; гостиница «Русь» — сила, что-то дорогое, глобальное, матушка, Великая, старинная, Киев,

история, гордость; база отдыха «Плесков» — Псков, городок, город;

4) путешествие и его атрибуты: турфирма «Волшебное путешествие» — сказка, волшебство, отсутствие проблем, красота, в сказку, медовый месяц, радость, эмоции; турфирма «Саквояж» — ценность, что-то интересное, шикарно, старинное.

Отдельно можно выделить группу фирмонимов, построенных на лексических единицах, изначально имеющих положительную коннотацию, например: гостиница «Фаворит» — преимущество, первый, любимец, удачный человек, лидер, главный, поощрение, идеал; турфирма «Традиция» — семья, Новый год, качество, свадьба, память.

Методом свободных ассоциаций были выявлены предпочтения горожан и на уровне отрицательного отношения к названиям. Так, аббревиатуры воспринимаются отрицательно в силу их непонятности и неблагозвучия: например, реакциями на фирмоним гостиница «Бежаницкого МПЖКХ» были следующие: глушь, колхоз, неизвестность, белиберда, аббревиатура, завхоз. Здесь следует также отметить, что фирмонимов, вызвавших ярко выраженные пейоративные оценки, не так много, гораздо больше количество единиц, которые можно признать неудачными. К ним можно отнести фирмонимы, построенные по топонимической модели, поскольку респонденты не владеют необходимой информацией, в результате чего возникает недопонимание. Так, фирмоним «Угоринка-3», гостиница, названная по одноименному району, вызвала неоднозначные ассоциации: проезд, угорь, милиция, трасса, горка, дом, Украина. Примерами подобной неоднозначности могут служить следующие ассоциации: база отдыха «Калацкое» (озеро Калацкое) — пиво, кафе, конфеты, село, мясо, пекарня, молоко, поместье; база отдыха «Алоль» (озеро Алоль и деревня Алоль) — музыка, растение, бред, алкоголь, марка, алоэ.

К неудачным наименованиям следует отнести и фирмонимы, в названии которых содержится единица, используемая в названии других предприятий или являющаяся топонимической единицей. Так, наименование гостиницы «Октябрьская» перекликается с одноименным названием площади в г. Пскове и центральным проспектом, в связи с чем и возникли разные ассоциации у горожан: площадь (29 %), гостиница (25 %), улица (15 %); наименование гостиницы «Ольгинская» идентично другим наименованиям, что также отразилось на ассоциациях: набережная (41 %), мост (11 %), часовня (10 %), улица (10 %), вода. Фирмоним «Шелонь» (гостиница) вызвал ассоциации с рекой Шелонь (38 %), с сельхозпредпри-

ятием «Шелонь» (ассоциация с колбасой — 21 %); база отдыха «Пушкиногорская» — сметана (12 %), колбаса (8 %), молоко (5 %), сосиски.

Неоднозначно воспринимаются горожанами и фирмонимы, строящиеся по антропонимической модели: турфирма «София» — пафосность, дешевая парикмахерская, девушка, салон красоты, Болгария. Даже название гостиницы «Арина Р» не всегда вызывает у псковичей ассоциацию с няней А.С. Пушкина: няня (10 %), имя (9 %), адвокатское бюро, девчонка, девушка, кафе, парикмахерская, салон красоты, звезда.

Крайне неудачными являются номинации, которые не только не указывают на сферу деятельности предприятия, но и отсылают сознание горожанина к совершенно другому виду экономической деятельности. Так, фирмоним «Псковский транзит» (гостиница) ассоциируется с перевозками, транспортировкой, фурами, автобусами и даже автоспортом. Другим примером может служить название турфирмы «Псковрегионинвест» — деньги, банк, инвестиции, инвесторы, инвестиционная фирма, бизнес.

Не являются удачными также номинации с непрозрачной внутренней формой. Респонденты в большинстве случаев либо отказываются приводить ассоциации, либо ориентируются на фонетическое значение слова, приводя ассоциации по звуковому сходству, например: гостиница «Амарис» — омары, кальмары, море; база отдыха «Скиф» — сфинкс, животное, похожее на сфинкса.

Таким образом, в группу удачных номинаций вошли фирмонимы, построенные на ассоциативном соответствии деятельности компании; создающие приятные ассоциации, но не несущие конкретной информации о фирме; отражающие сущность туризма; апеллирующие к патристическим чувствам горожан. Неудачные названия объединяет недостаточная информативность и отсутствие явной ассоциативной соотнесенности с профилем деятельности организации.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что в рассмотренных фирмонимах сферы туризма заключен значительный ассоциативный потенциал, т.е. способность вызывать в сознании носителей языка разнообразные представления, те или иные образы. При этом ономастическая компетенция многих имядателей находится далеко не на высоком уровне, поскольку они ориентируются только на свой собственный опыт и не учитывают лингвистические и психологические особенности процесса коммерческой номинации, что делает необходимым формирование языковой политики в данной сфере.

Литература:

1. Ахатова Л.И. Культурное наследие как один из элементов туристского интереса // Вестник СамГУ. — № 5—1. — 2007. — с. 3—8.
2. Белан Э.Т. Формально-структурный анализ терминов международного туризма в английском языке // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». № 2. — М., 2007. с. 92—100.

3. Вовк Н.А. Системные свойства фирмонимов в англоязычных текстах финансово-экономической тематики в словообразовательном и функциональном аспектах // Вісник СевНТУ. — № 102. — 2010. — с. 144–148.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2004. — 390 с.
5. Каребина О.П. Основные категории текстов туристической сферы на русском и немецком языках // Современная лингвистика: теория и практика. Краснодар, 2006. — с. 95–102.
6. Касевич В.Б. Язык экологии и экология языка // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. — М.: Яз. славян. культуры, 2004. — с. 57–68.
7. Лешкова О.О. «Свой среди чужих»: к вопросу об адаптации заимствований (на материале современного польского языка) // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. — 2009. — Вып. 38. — с. 135–145.
8. Литературная гостиница «Арина Р». URL: <http://www.arinahotel.ru/> (Дата обращения: 01.02.2012).
9. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. — М.: Наука, 1982. — 150 с.
10. Мошняга Е.В. Концептосфера международного туризма в контексте межкультурной коммуникации // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 4. — с. 146–151.
11. Новичихина М.Е. Функционирование коммерческих названий: мифы и реальность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. — 2009. — № 3. — с. 17–20.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
13. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). — М.: ИТДГК «Гнозис», 2005. — 472 с.
14. Псковский край. Прошлое и настоящее города Пскова и Псковской области. URL: <http://krai-pskovsky.ru/geka-velikaya-i-krivichi/> (Дата обращения: 30.01.2012).
15. Сенин В.С. Организация международного туризма. — М.: Финансы и статистика, 2003. — 400 с.
16. Сперанская А.Н. Латиница в ономастическом ландшафте современного российского города (Красноярск) // Кириллица — латиница — гражаница: Коллективная монография. — Великий Новгород, 2009. — с. 170–175.
17. Стамбровская А.А. Возможности ассоциативного эксперимента в изучении ономастического сознания (на материале эргонимических номинаций Красноярск) // Лингвистический ежегодник Сибири. — Красноярск, 2004. — Вып. 6. — с. 193–196.
18. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля (онлайн-версия). URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=14203> (Дата обращения: 30.01.2012).
19. Шмелёва Т.В. Красноярск как текст: французская страничка // Российский лингвистический ежегодник 2008. Вып. 3. — Красноярск, 2008. — с. 194–201.
20. Шмелёва Т.В. Многоязычие (нов)городских улиц // Язык в контексте гуманитарных знаний. — Великий Новгород, 2008. — с. 158–171.
21. Шмелёва Т.В. Ономастическая ностальгия [Электронный ресурс] // Ностальгия по советскому: сетевой журнал «Ностальгия по советскому в социокультурном контексте современной России». 2009. URL: <http://mion-journal.tomsk.ru/?cat=21>

О концепте CRICKET как социокультурном явлении в англоязычном сознании

Винокурова Елена Андреевна, магистрант

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

На протяжении всей истории человек изобретал игры, прежде всего, как средство социального взаимодействия, в ходе которого он демонстрировал свое физическое превосходство над другими, а также как средство развлечения. Спортивные игры, в частности крикет, являются древнейшими видами человеческой деятельности. Вопрос о времени возникновения этой игры до сих пор остается спорным. Одни историки говорят, что игра зародилась в XIII веке, другие — в XV, третьи — в XVIII. Крикет — исконно английская игра, настоящая «английская страсть», в каждом городе или поселке обязательно есть своя площадка для игры

в крикет. Целью данной статьи стало рассмотрение игры в крикет как социокультурного явления в англоязычном сознании. Крикет для англичан — не просто игра. Это символ. Все считают эту игру национальной формой летнего досуга. Крикет — благородная игра, наполненная сводом традиционных правил. Для англичан данная игра считается праматерью не только спорта, но и морали [4]. По отношению к крикету они ощущают себя страшными собственниками. Они долгое время не раскрывали даже тайну правил этой игры. Именно от крикета ведут свою родословную те принципы спортивной этики, которые стали для англичан

основами подобающего поведения, мерилom порядочности. Существует устойчивое английское выражение — «it is not cricket», что значит «не честно, не по правилам» [4]. Верхom неприличия в крикете считается нарушить правило и скрыть это, даже если судья не заметил нарушение. Почести, воздаваемые в Великобритании ведущим спортсменам (мало кто знает, что для спортсменов существует отдельный тип визы, позволяющий жить в Англии), практически не имеют аналогов в мире. Профессиональные футболисты, боксеры, игроки в крикет пользуются популярностью, немыслимой для ученого или художника. Однако культ спорта не на столько овладел англичанами, как может показаться при чтении популярных газет.

Проблема игры, являющейся одной из форм культурной и социальной жизни общества, относится к числу актуальных проблем в современной лингвистике. Концепт является единицей концептосферы народа. Термин «концептосфера» был введен в отечественную науку академиком Д.С. Лихачевым. Концептосфера, по определению Д.С. Лихачева, это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [3, с. 282]. Изучение концептов на современном этапе развития лингвистики является весьма существенным для понимания процессов категоризации и представления знаний. Существует достаточно много определений понятия «концепт». Концепт определяют как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество одного и того же рода» [1, с. 269]. Концепт приравнивается к смыслу, к информации, составляющей «когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [5, с. 241], к психическому феномену, ментальной сущности, идеальным объектам, существующим в нашей психике [10], к глобальной ментальной (мыслительной) единице в ее национальном (возможно и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии [Попова 2001: 93]. Концепт отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном коллективе заполняются знанием о сущности [6, с. 96]. И еще важным признаком концепта является то, что он включает разнотипные единицы и привязан к различным по форме языковым выражениям — словам, словосочетаниям.

Основным средством актуализации концепта является слово. Вне словесного означивания концепта как такового не существует. Слово — знак, функционирующий в языке как когнитивная структура: за словом, обозначающим явление, стоят знания о данном явлении, охваченные концептом. Своим значением слово передает основные концептуальные признаки, релевантные для каждой конкретной ситуации общения. Спортивные концепты уже были предметом исследования [2, 7].

Подобно исследованным концептам «футбол» и «гольф», концепт «крикет» является не менее сложным культурным и социальным явлением, которое актуализи-

руется в спортивном дискурсе. Особенностью спортивного дискурса является динамизм изложения. Особенности спортивного дискурса определяются следующими качествами спорта как рода человеческой деятельности: 1) дух соревнования, конкуренции; 2) творчество (поиски резервов, новых методов достижения высоких результатов; 3) драматизм борьбы, преодоление трудностей (физических, психологических); 4) массовость, популярность, привлекательность; 5) эстетичность, зрелищность, красота, эмоциональность [8, с. 146]. На основе анализа определений, данных несколькими толковыми словарями, были выделены следующие признаки концепта CRICKET, входящие в его ядро: игроки, мяч, инструмент, движения, пространство игры, цель и правила игры. Согласно проведенному дефиниционному анализу, ядро концепта составляет та информация, которая содержит необходимые сведения об игре, тот минимум, который обеспечивает способность ориентироваться в мире спортивных игр.

Рассмотрим некоторые из выявленных лексем компонента «игроки»: наименование игроков по выполнению определенного действия: *bowler, batsman, scorer, opener, wicketkeeper, winner, runner-up, semi-finalist*. Многие из данных наименований являются результативными именами, они называют лицо по действию, совершенному в определенный момент. Результативные имена чаще являются отглагольными.

Оценочные номинации, характеризующие определенные качества игроков: положительные: *unflappable, imperturbable, reliable, successor, fantastic, wonderfuleader, goodspokesman, greatcalminginfluence, the quickest, reallyfinefast, ofthehighestclass*; по характеру подачи: *left-armswing, medium-pacewing; omрица-тельные: stolid*; по стилю игры игрока: *hot-headed, inconsistent*; наименования игроков по их отношению друг к другу: соперники — *opponent*; члены одной команды — *openingpartner, partner* и другие.

Крикет — подвижный вид спорта, поэтому мы выявили несколько видов лексем «движения» путем сплошной выборки из газетных изданий.

Номинации по характеру движения игрока: *to whipped across, to drive, outscored, bowled, to open one's shoulders, to start wheeling away*; по силе, прилагаемой к объекту: *hard, struck with the crisp*; по направлению движения объекта: *dropped an outside edge, dropped one at short leg, swung the ball away from the right-hander* и другие.

Иностранный журналист, работающий в Лондоне, должен знать термины и эпитеты, принятые при описании крикетных матчей, так же хорошо, как популярные библейские выражения или латинские пословицы: без этого нельзя понять ни полемики в парламенте, ни газетных передовиц. Когда оксфордский проректор говорит, что его цель — научить юношей играть прямой битой, смысл этой фразы выходит далеко за пределы спорта. [4, с. 28].

Крикет явился первым видом спорта, где деление на любителей и профессионалов было официально зафиксировано в правилах. Причем предпочтение первой из этих

категорий выражено в них совершенно недвусмысленно. Капитанами ведущих команд, например, до недавних пор могли быть только любители. И хотя в наши дни соблюсти этот принцип уже не удастся, прежняя градация продолжает сохранять силу в мелочах. Раздевалки для любителей по традиции оборудуются отдельно от раздевалок профессионалов и отличаются от них так же, как каюты первого класса отличаются от кают второго. Достаточно взять программу любого крикетного матча, чтобы увидеть, кто из игроков любители, а кто профессионалы: если у первых значатся фамилии и инициалы, то вторых принято перечислять лишь по фамилиям.

Помимо любителей и профессионалов, в крикете существуют еще и параллельные термины: джентльмены и

игроки. Это второе противопоставление помогает понять, почему любительское отношение к делу стало отождествляться с принадлежностью к избранному классу. Статус джентльмена, как и владение землей, был вершиной человеческих амбиций. Считалось, что хозяин загородного поместья если и пробовал свои силы на каком-то поприще, то не ради корысти, а из чувства долга перед обществом или для собственного удовольствия. [4, с. 67].

Таким образом, можно сделать вывод, что крикет, это не только игра, но и неотъемлемая часть культуры с давней историей. Крикет — это сложный концепт, отражающий особенности национального характера и поведения. Приобщаясь к крикету игрок приобщается к английской культуре.

Литература:

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / В.Н. Нерознак. М.: Academia, 1997. — С. 267–279.
2. Гаранина Н.В. Репрезентация концепта «гольф» в современном английском языке. [Текст]: дисс. магистр. филол. наук: Абакан, 2004. 111 с.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Изв. РАН, Серия литературы и языка, 1993, № 1. С. 280–287.
4. Овчинников В. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах [Текст] / В. Овчинников // — М.: Мысль, 1980. — 300 с.
5. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павиленис. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.
6. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2001—191 с.
7. Свистунова, Н.И. Спортивные игры в семиосфере культуры и языка: концепт «футбол» в английском языковом сознании [Текст]: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 Абакан, 2004. 188 с.
8. Солганик, Г.Я. О языке спортивной журналистики [Текст] / Г.Я. Солганик // Спорт в зеркале журналистики: (о мастерстве спортивного журналиста) / — М.: Мысль, 1989. — С. 143–157.
9. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
10. Фрумкина, Р.М. Язык и когнитивная деятельность [Текст] / Р.М. Фрумкина. — М.: АН СССР, 1989. — 142 с.

Особенности структуры дискуссионной речи в русском парламентском дискурсе начала XX века

Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент
Вологодский государственный педагогический университет

Речевые практики российского парламента представляют большой интерес с точки зрения выявления и описания особенностей организации / самоорганизации отечественной институциональной дискуссии, ее эффективности, констант речевого поведения, как исторически сложившихся в начале XX века, так и продолжающих развиваться на современном этапе развития парламента.

Особое внимание на себя обращают приемы и способы конструирования думской речи в прениях, так как депутаты в своих дискуссионных выступлениях располагали материалом, основываясь на принципе максимального речевого воздействия на аудиторию. Перед депутатами стояла задача не только доходчиво донести до коллег свою точку зрения, но и опровергнуть подход оппонентов, убедить

в собственной правоте, а иногда и эмоционально «задавить» противоположную сторону. Данная статья посвящена проблеме структуры выступления депутата в российском парламенте начала XX века.

В российских дореволюционных парламентах речь депутатов в прениях чаще всего организовывалась по принципу антитетического единства. Под термином «антитетическое единство» в ряде исследований по синтаксису русской судебной речи понимается стилистически маркированная синтаксическая конструкция, в основе которой лежит антитеза [13; 15]. Однако применительно к парламентскому выступлению в прениях антитетическое единство необходимо рассматривать не только как стилистическую фигуру, но и как структурную основу речи на базе стилистического контраста [17, с. 320–322]. Например:

Герценштейн (прения по «Проекту сорока двух»): (1а) *Вы говорите, что начала, на которых мы предполагаем отдавать земли, недостаточно обеспечивают крестьянина. (1б) Но сравните это с тем, что сейчас делается: крестьяне ведь платят теперь нередко 35–40 р. за десятину при погодной аренде. Или вы считаете нормальным, чтобы каждый год цены менялись?... (2а) Собственные свои опыты вы подтверждаете примерами из сочинений бывшего министра Ермолова, которые будто бы показывают, как разорились крестьяне, когда получили землю. И что же вы привели в пример? Имя Воронцова-Дашкова. (2б) Да зачем же его было покупать за 3 ½ миллиона, когда, может быть, его можно было купить много дешевле? (Аплодисменты, браво)... (3а) Вы говорите, что земля у нас распределена крайне неравномерно. Есть уезды, где буквально ничего не может быть прибавлено, и тогда необходимо переселение. (3б) Должен вам сказать, мы никогда не имели в виду создать принудительно переселение, насильственно переселять из одной губернии в другую... (4а) Вы говорите, что, когда крестьяне перейдут на новые места, создастся целый ряд невероятных затруднений: население не любит пришлового элемента, оно будет крайне отрицательно к нему относиться. (4б) А что же вы делали до сих пор при содействии Крестьянского банка? Разве вы не принимали целый ряд мер к переселению крестьян и не переводили их из губернии в губернию?... (5б) Мы считаемся с исторически сложившимися формами владения, (5а) а вы говорите нам: или частная собственность, или земля дар Божий. (5б) Разве у нас нет десятков форм владения и без той, которую мы теперь предлагаем? (6а) Вы даже иронизируете: Россия пример покажет, пример всему миру. (6б) У нас уже показали такой пример, нас втянули в позорную войну, какой никогда народ не вел (аплодисменты)* [5, с. 158–162].

С точки зрения структуры данные антитетические единства представляют собой бинарные тема-рематические модели. Под бинарной тема-рематической моделью понимается устойчивая неоднократно повторяющаяся в

данном думском выступлении с трибуны структура (оппозиция), состоящая из двух элементов: тематического, который отсылает аудиторию к предыдущим выступлениям депутатов и министров, и противопоставленного ему рематического элемента, который содержит возражение оратора на тематическую часть.

Бинарную модель, по которой построена данная речь, можно условно обозначить «вы утверждаете — мы возражаем». Вся речь депутата Герценштейна содержит 28 таких оппозиций. В приведенном выше фрагменте четко выделяются шесть оппозиций, построенных по этому принципу. В каждой из этих оппозиций часть «вы утверждаете», отсылающая аудиторию к предыдущим выступлениям, обозначена буквой «а», рематическая часть «мы возражаем» буквой «б». Первая (тематическая) часть этой модели представляет собой переформулирование и интерпретацию высказываний политических оппонентов, выступавших ранее. Это мысль, которая представляется оратором как «чужая». В тематическом компоненте оратор переформулирует, резюмирует, переосмысливает и интерпретирует высказывание противника. Тематический компонент служит основой для развития и представления оратором перед аудиторией собственно «своей» мысли. Вторая часть модели «мы утверждаем» является ремой в масштабах текста речи и представляет собой «свое» высказывание, то есть собственное мнение выступающего, его возражения, которые являются стимулом для дальнейшего развития полемики и намечают линию перспективы, желательную для оратора. От этих сведений отталкиваются последующие выступления в рамках дискуссии.

Важно заметить, что бинарные тема-рематические модели являются конструктивными основами тех речей, в которых они используются. Иными словами, бинарные модели представляют собой основной диспозиционный принцип этих речей, который в условиях высокой спонтанности и эмоциональности дискуссии заменил депутатам классическую диспозицию. Нами было проанализировано 85 думских речей, построенных на основе бинарных моделей. Примечательно, что все эти речи характеризуются негативной оценкой объекта отсылки, выраженного в тематической части, и высоким уровнем речевой агрессии по отношению к автору прототекста. В подавляющем большинстве случаев бинарными моделями пользовались именно депутаты, а не члены правительства, причем негативной оценке подвергались высказывания министров (76 речей из 85, что составляет 89 %). При этом речи, построенные на основе бинарных моделей, чаще всего встречаются в наиболее динамичных сложных полемических целых, причем на пике эмоционального накала дискуссии.

Бинарная модель в думском выступлении характеризуется несколькими признаками.

1. Многократность повторения в одной речи. В среднем в каждом думском выступлении ораторы использовали бинарную модель 5–15 раз.

2. Бинарная модель всегда четко разделена на две части.

3. Бинарная модель обладает большой экспрессией и направлена в первую очередь на выражение резко негативного отношения оратора к прототексту.

4. Наличие четко выраженного тематического компонента, который содержит не только отсылку, но и довольно подробное изложение «чужих» взглядов, свидетельствует о том, что бинарная модель имеет большой манипулятивный потенциал.

5. Рематическая часть модели, то есть «своя» мысль, предполагает не только отрицательную оценку «чужого» высказывания, но и приведение аргументов против положений, содержащихся в прототексте.

Тематический компонент в бинарной модели мог быть выражен не только формулой «вы утверждаете». Наиболее частотными маркерами «чужого» высказывания в бинарной модели являлись не прямые обращения к оппонентам, а их обозначения при помощи местоимений третьего лица он и они (при первом употреблении модели называлась фамилия оппонента или его должность) и различных глаголов со значением речемыслительного действия в соответствующей форме. Во многих случаях тематический компонент выражался при помощи неопределенно-личных и безличных синтаксических конструкций.

- вы нам говорите, что...;
- он говорил (утверждает, указывает на то), что...;
- нам объявили (сказали, говорят, обещают), что...;
- нам заявлено (сказано), что... и т.п.

Иногда оппонент в бинарных моделях вообще никак не был обозначен, а тематический компонент выражен при помощи формулы *мы услышали, что...* Важно отметить, что маркер тематического компонента в рамках одной речи мог варьироваться, однако в большинстве случаев выступление строилось на многократном повторении одного и того же маркера.

Маркеры «своего» высказывания, то есть рематической части, также могли быть выражены по-разному, причем четких схем построения этих маркеров не существовало. Рематический компонент представлял собой изложение собственной точки зрения и приведение аргументов в ее пользу или против мнения оппонента. Этим обусловлено обилие в рематической части вопросов, обращений, побудительных высказываний. Однако в большинстве случаев для маркирования высказывания в качестве «своего» оратор вводил местоимения первого лица. Герценштейн: *Вы говорите, что выгоды крестьяне не получают никакой... А я вас спрашиваю: что же вы делали 45 лет со времени освобождения крестьян?... Вы поднимаете вопрос об интенсивности, а я вас прошу ответить, создали ли вы мужицкую агрономию?* [5, с. 159]. Родичев: *Вы нам говорите, что вы будете насаждать его прежними средствами. Мы пришли сюда для того, чтобы положить*

начало умиротворения страны [5, с. 78].

Высокий манипулятивный потенциал бинарных моделей доказывается тем, что именно после речей, построенных на их основе, думская дискуссия на некоторое время выходила за рамки парламентской институциональности и приобретала в качестве доминирующей черты митинговость. Продуктивность дискуссии во многом зависела от степени искажения говорящим информации в интерпретирующем компоненте «вы утверждаете». В случае нарушения оратором допустимого предела искажения информации (автор прототекста, обозначенный местоимением «вы» не узнает своих слов, не принимает высказывание как свое, считает, что его плохо поняли или аудиторию умышленно вводят в заблуждение) полемика могла далее развиваться по нескольким сценариям. Во-первых, министр (реже депутат) мог попросить слова для того, чтобы разъяснить спорные моменты своих же высказываний и сразу же отреагировать на содержание компонента «мы утверждаем» в речи предыдущего оратора. Вот как описывал эту ситуацию товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко, представленный вместе с другими представителями правительства в выступлении Герценштейна местоимением «вы»: «Засим вышел мне возражать кто-то из кадетской партии, если память мне не изменяет, Герценштейн, и хотя возражения его были в высшей степени слабы, но так как основаны они были на умышленном извращении сказанного мною, то я тотчас же записался отвечать» [10, с. 560].

Во-вторых, нарушение допустимого предела искажения информации могло привести к ответной речевой агрессии и к нарастанию деструктивного начала в полемике, когда смысл высказываний начинали определять речевые стратегии обвинения и угрозы, а агрессивные речевые действия приводили к агрессии в поведении в целом. Так, например, тот же помощник министра внутренних дел В.И. Гурко во время одного из заседаний Думы после выступления депутата Родичева вызвал его на дуэль.

Выбор того или иного сценария ответных речевых действий зависел не только от искажения прототекста, но и от степени агрессии выступления в целом. Иногда речь, основанная на бинарной модели, была жесткой, но не выходила за этические рамки. В этом случае дискуссия продолжалась, хотя и становилась эмоционально более напряженной. В тех случаях, когда в речи появлялись элементы дискредитации личности автора прототекста, дискуссия как таковая заходила в тупик. С точки зрения диалогичности полемики первый сценарий является в какой-то мере допустимым, так как стимулирует дальнейшее развитие полемики (пусть и с некоторым возращением речевой агрессии), а не ее разрушение. Развитие событий по второму сценарию свидетельствует о том, что оба коммуниканта не имеют более установки на совместное равноправное создание парламентского текста.

Литература:

1. Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 296 с.
2. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991. — 42 с.
3. Грановская Л.М. Риторика. — М.: Азбуковник, 2004. — 218 с.
4. Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. — М.: Элпис, 2005. — 448 с.
5. Государственная Дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. 1. / под ред. В.Д. Карповича. — М.: Фонд «Правовая культура», 1995. — 336 с. .
6. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г.Т. I. Заседания 1—18. — СПб., 1906. — 1896 с.
7. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г.Т. II. Заседания 19—38. — СПб., 1906. — 2013 с. .
8. Громыко С.А. «Дума народного гнева». О речевой агрессии в Первой Государственной Думе // Русская речь. — 2006. — № 6. — С. 88—93.
9. Громыко С.А. Особенности речи священнослужителей в первом российском парламенте 1906 года // Труды кафедры стилистики русского языка МГУ им. М.В. Ломоносова. — М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. — 258 с.
10. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. — М.: Новое литературное обозрение, 2000.
11. Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. — Пермь, 2009. — 533 с.
12. Культура парламентской речи / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев, Е.М. Лазуткина. — М.: Наука, 1994.
13. Лаврухина, С.Н. Синтаксис русской судебной речи конца XIX — начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Орел, 2001. — 24 с.
14. Михальская А.К. Основы риторики. — М., 1996. — 496 с.
15. Соловьева, Т.А. Лексико-грамматические и стилистические особенности судебной речи второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Орел, 2000. — 24 с.
16. Чистякова И.Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ратора. Автореф. дисс. ...д-ра филол. наук. — М., 2006. — 48 с.
17. Щербаков А.В. Стилистический контраст // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 480 с.

Атрибутивные и предикативные средства выражения принадлежности в английском и русском языках

Заллединова Жанна Калиаскаркызы, магистр

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (г. Алматы, Казахстан)

Данная статья посвящена рассмотрению на материале русского и английского языков средств выражения принадлежности как одной из сторон универсального отношения посессивности.

Типовое значение «принадлежность» является составной частью (микрополем) семантико-функционального поля посессивности [2; 4, с. 101]. Поэтому, прежде чем приступить к анализу структурно-семантического устройства средств выражения принадлежности, следует обратить внимание на проблему содержания и объема понятия «посессивность» как более общего по отношению к понятию принадлежности.

Термин **посессивность** (от лат. *possessives* — обозначающий принадлежность, притяжательный), или **притяжательность** (более распространенный в отечественной лингвистической литературе), используется в значении 'собственно владение, обладание чем-либо'. Однако этот

термин не следует понимать буквально; речь идет лишь об условном названии для некоторого отношения достаточно общего характера между **обладателем** и **объектом обладания**.

Посессивность принадлежит к числу таких лингвистических понятий, исследование которых позволяет полнее представить языковую картину мира носителей языка, так как типы посессивных синтаксических конструкций отражают особенности связей, существующих как во внеязыковой действительности, так и в отражающем её мышлении.

Посессивность — одна из семантических разновидностей субъектно-объектных отношений, в основе, которой лежат отношения владения, обладания чем-либо. **Функционально-семантическое поле (ФСП) посессивности** охватывает систему взаимодействующих средств данного языка, служащих для выражения посессивного отношения и его различных подтипов.

В ФСП посессивности выделяются **два центра**, что обусловлено различными способами отражения действительности — предикацией и атрибуцией, связанными с соответствующими типами средств выражения посессивности — предикативными и атрибутивными.

В отражённой сознанием посессивной ситуации выделяются образы двух субстанций: обладателя и обладаемого. Если мыслительный процесс соединения психологических образов этих субстанций с признаковым образом носит атрибутирующий характер, то посессивная ситуация кодируется атрибутивными языковыми средствами — словосочетаниями.

Основными лексико-грамматическими показателями посессивности в атрибутивных словосочетаниях русского языка являются притяжательные и возвратные местоимения, притяжательные и относительные прилагательные, существительные в форме родительного падежа.

Многие авторы полагают, что в глубинной структуре атрибутивных посессивных словосочетаний лежат конструкции с предикатами локализации или обладания / принадлежности [5; 1;].

Однако атрибутивные словосочетания, в отличие от предикативных посессивных конструкций, потенциально могут выражать более широкий спектр значений, т.е. не только собственно обладание и принадлежность. Так, например, словосочетание *моя книга* может быть интерпретирована различно: 1) принадлежащая мне книга; 2) книга, которой я пользуюсь; 3) книга, написанная мной и т.д. Эта многозначность противопоставляется однозначности предикативных конструкций: *Эта книга принадлежит мне; Я автор этой книги* и т.д.

Атрибутивные посессивные словосочетания обычно нейтральны по отношению к таким признакам, как отторжимость / неотторжимость объекта обладания (*мамина комната / мамин голос*), одушевлённость / неодушевлённость (*нога человека / ножка стола*). Другими словами, рассматриваемые языковые средства только указывают на наличие связи между двумя сущностями без её спецификации. Тем самым расширяется диапазон атрибутивных значений.

Упомянутые регулярные средства выражения посессивных отношений не исчерпывают всего многообразия форм атрибутивной зоны ФСП посессивности. Так, в русском языке лексико-грамматическими периферийными атрибутивными средствами выражения посессивности могут являться словосочетания с качественными прилагательными (*богатый человек, умный мальчик*).

В ФСП посессивности входят и особые, так называемые вторичные, атрибутивные средства выражения, которые также, помимо собственно посессивных, выражают и другие, дополнительные, смысловые нюансы. К ним в русском языке относятся, в частности, именные посессивные конструкции с формами косвенных падежей с предлогами: «*от* + родительный падеж посессора» (*письмо от матери*)', «*без* + родительный падеж объ-

екта посессивности» (*человек без руки*)', «*из* (с) + родительный падеж посессора» (*рабочие с нашей фабрики, цитата из книги*) и др.

Предикативную сферу посессивности составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены все три элемента посессивной ситуации: посессор (обладатель), объект обладания, а также предикат со значением посессивности.

К основным предикативным средствам выражения принадлежности в русском и английском языках относятся синтаксические конструкции двух семантико-структурных типов: двуактантные вербальные активные предложения, имеющие типовое значение «отношение между двумя предметами», и одноактантные предложения с субъектно-признаковым значением.

Посессивное отношение является отношением **направленным**: посессор может рассматриваться как ориентирующий элемент, а объект обладания — как ориентируемый, и наоборот.

В первом случае в основе предложения находится субъект-посессор, а само сообщение касается его имущественного положения, того, чем он владеет (актом предикации объект включается в сферу посессора). Во втором случае само сообщение касается характеристики объекта принадлежности через отношение к посессору (предицируется принадлежность объекта посессору).

Предложения, в которых посессивное отношение представлено в разных ракурсах, реализуют два основных категориальных значения посессивности и представляют два взаимосвязанных микрополя, которые имеют одну и ту же семантическую структуру:

1) обладание: а) *У Вали был старый рюкзак*, б) *Я имею дом* (формула «посессор — обладание объект»);

2) принадлежность: а) *Квартира моя*; б) *Чемодан принадлежал Павлику* (формула «объект — принадлежность посессор»)[2, с. 2–3; 3, с. 68;];

В качестве вторичных предикативных средств выражения принадлежности в рассматриваемых языках были отмечены следующие конструкции:

1) Одноактантные номинативные конструкции русского языка, в которых позицию признака занимают имена в родительном падеже с предлогом *из*; такие предложения передают партитивные отношения членства:

Бабка моя **из поповских**, и фамилия соответствует: Благонравова.

2) Русские одноактантные номинативные конструкции, в которых позицию признака занимают имена в родительном падеже с предлогом *от*:

Павел Алексеевич понял: письмо **было от женщины-маляра** с Нижнего плато.

В английском языке им регулярно соответствуют одноактантные конструкции, в которых в позиции признака находится имя с предлогом *from*:

There is a letter for you. I think perhaps it is **from her**.

3) Одноактантные номинативные предложения с такими лексемами, как *собственность, принадлежность*

/ *property, possessioni* т.п., характеризующими объект посессивности:

Я тиран, а ты — моя личная **собственность** и должна терпеть все мои выкрутасы.

Ср. с английским языком:

Her life is her own and it is her best possession.

4) Дваактантные партиципальные предложения, в которых позицию признакового компонента занимают краткие причастия, имеющие посессивную сему:

Материнский инстинкт **дан** только женщинам.

Типы посессивных значений, выражаемых такими кон-

струкциями, зависят от семантики актантов.

Итак, анализ функционально-семантического поля посессивности в русском и английском языках позволил установить, что типы значений принадлежности, выражаемые атрибутивными словосочетаниями и предикативными конструкциями, зависят, прежде всего, от лексического наполнения их структурных схем. При этом средства выражения принадлежности в данных языках в содержательном плане проявляют намного больше сходств, чем различий, что подтверждает универсальность рассматриваемого типового значения.

Литература:

1. Вольф Е.М. Некоторые особенности местоименных посессивных конструкций (иберо-романские языки) / Е.М. Вольф // Категории бытия и обладания в языке. — М.: Наука, 1977. — С. 144—193.
2. Копров В.Ю. Выражение отношений обладания и принадлежности в современном русском языке. Методическая разработка для занятий по грамматике с иностранными учащимися / В.Ю. Копров. — Воронеж: ВГУ, 1983. — 24 с.
3. Копров В.Ю. Изучение русских посессивных конструкций в англоязычной аудитории (Методический практикум) / В.Ю. Копров // Мир русского слова. — 2001. — № 4 — С. 67—72.
4. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, В.Г. Гак и др.; Под ред. А.В. Бондарко. — СПб.: Наука, 1996. — 230 с.
5. Lanacker R.W. Observation on French possessives / R.W. Lanacker // Language. — 1968.-Vol. 44. — № 1. — p. 16—31.

Сложноподчиненные предложения с придаточными объектными в аспекте лингвопрагматики на материале английской беллетристики

Захарова Виктория Анатольевна, ассистент

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

В рамках лингвистической прагматики поддерживается точка зрения о том, что системное значение языковых единиц может не соответствовать передаваемым этими единицами коммуникативным смыслам. Проблема взаимодействия языковых единиц в речи рассматривалась во многих написанных в прагматическом ключе работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов, (Арутюнова 1985, 1990; Кобозева 1986; Кубрякова 2001; Почепцов 1986; Цурикова 2001, 2002; Austin 1962, 1970; Searle 1969, 1975, 2006; Bach 1979, 2003; Blum-Kulka 1981, 1989; Brown, Levinson 1987; Culpeper 1996; Levinson 1983, 2000; Robinson 2006 и мн. др.). В данной работе мы рассмотрим сложноподчиненные предложения как комплексный речевой акт в аспекте лингвопрагматики.

Языковая прагматика представляет относительно новое направление в лингвистике, исследующее функциональную сторону языка. Данное направление сформировалось со времени появления теории речевых актов Дж. Остина/ Дж. Серля. Исследования в области лингвистической прагматики отличаются многоаспектностью (Х.П.

Грайс, Т.А. ван Дейк, Дж. Лич, Г.Г. Почепцов, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева и др.) Человеческий фактор признается в качестве ведущего понятия прагмалингвистики (Степанов 1981, Арутюнова 1985, Гак 1982), по мнению Колшанского, прагматика изучает все те условия, при которых человек использует языковые знаки [4:139], т.е. употребление языковых единиц с целью достижения конечной цели коммуникации — это воздействие на партнера. В этой связи прагмалингвистика выделяется как область лингвистических исследований, объектом которой является отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом аспекте, в котором взаимодействуют говорящий и реципиент, и учитываются цели и ожидания коммуникантов.

По мнению отечественного ученого Ю.С. Степанова: «прагматику можно определить как дисциплину, предметом которой является связанный и достаточно длинный текст в его динамике — дискурс, соотношенный с главным субъектом, с «эго» всего текста, с творящим текст «человеком» [8:332]. Целью лингвопрагматики является по-

пытка объяснить функционирование языковых структур в качестве языковых действий. «Человеческий фактор, оказавшись в фокусе внимания современной лингвистики, способствует актуализации программы «прагматика-семантика-синтаксис» [6:5]. По мнению Костровой О.А., прагматика движется не только «на встречу семантики, но и навстречу грамматике. Намечается параллельный ряд грамматических и прагматических понятий» [5:4].

В прагматике существуют два направления: 1) ориентированное на систематическое исследование прагматического потенциала языковых единиц (текстов, слов, а также явлений фонетико-фонологической сферы); 2) направленное на изучение взаимодействия коммуникантов в процессе языкового общения и строящееся по преимуществу коммуникатороцентрических (автороцентрических) коммуникативных моделей. Нас интересует второе направление лингвистической прагматики, т.к. оно совпадает с теорией речевых актов. Пристальное внимание уделяется правилам и условиям языкового общения, организующим чередование речевых ходов коммуникантов, структурирование дискурса в формальном аспекте, отбор языковых средств и построение высказываний с учетом всех коммуникативных правил.

М.Н. Николаева разделяет концепции прагматики на три сферы: [8]

1. концентрация на контекстной обусловленности речевого акта (Т.А. ван Дейк, Дж. Лайонз, С. Левинсон);
2. подходы, связанные с интерпретацией прагматики в теории речевых актов (Остин, Серль, Грайс);
3. ориентированность на исследование конечного эффекта языковой коммуникации (Г.В. Колшанский).

Существенным с точки зрения прагматики является теория речевых актов. С точки зрения грамматики, мы рассматриваем сложноподчиненные предложения с придаточными объектными, а с точки зрения прагматики — комплексное высказывание, результат речевого акта. Поэтому далее будет целесообразно рассмотреть СППО в аспекте теории речевых актов. Дж. Серль выделяет: локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты.

Локутивный или акт высказывания включает в себя фонетический, фатический и рететический акт речи. Фонетический акт представляется как «произнесение звуков в процессе говорения, фатический акт — это произнесение определенных вокабул. Или слов, то есть определенных звуко сочетаний, принадлежащих определенному словарю, соответствующих определенной грамматике и выступающих именно в этом качестве; рететическом актом называется осуществление акта использования этих вокабул с некоторым более или менее определенным смыслом и референцией» [9:52]. Особенностью актов высказывания, воспроизводимых с помощью СППО, является то, что одни воспроизводят произнесенную речь, а другие мыслимую, т.е. косвенно отображают определенную ситуацию. Основной особенностью косвенной презентации, Глинц считает приспособление к речемыслительной ситуации доминирующей части, т.е. главного предложения.

Тем самым Г. Глинц обращается к прагматической интерпретации, помогающей понять формальное единство произнесенного и помысленного. Исходя из этого, прагматической функцией СППО является интерпретативное (переданном устами другого лица или только помысленном) изображение определенной ситуации [12: 32].

Акт речи, рассматриваемый с точки зрения его внеязыковой цели или силы, Остин назвал иллокутивным. Стоит отметить, что понятие иллокутивного акта является базовым понятием для теории речевых актов. Иллокутивный акт является важным и для нашего исследования, т.к. представляет собой реализацию коммуникативной интенции говорящего. В процессе говорения человек совершает определенное действие: он спрашивает, информирует, советует, утверждает, т.е. преследует определенную языковую цель.

Перлокутивный акт вызывает целенаправленный эффект и выражает воздействие на поведение другого человека. Цель такого акта состоит в том, чтобы вызвать искомые последствия. Данный акт рассматривается в аспекте реальных последствий. Перлокутивный акт не является собственно речевым. По мнению Е.В. Падучевой, критерием различия иллокутивного и перлокутивного речевых актов является то, что содержание речевого акта может быть вербально эксплицировано с помощью соответствующего перформативного глагола (можно сказать «Я обещаю тебе, что...», и с этим совершить акт обещания); тогда как для перлокутивного аспекта намерения говорящего подобный перформативный глагол подобрать не возможно («Я угрожаю тебе...» или «Я оскорбляю тебя...» не являются актами угрозы или оскорбления) [9:23–24].

Во всяком высказывании различаются три аспекта или три разных акта, осуществляемых говорящим:

- а) акт собственно произнесения предложения,
- б) пропозициональный акт (включающий акт референции, т.е. привлечение в зону рассмотрения определенных объектов и акт предикации, т.е. приписывание свойств этим объектам),
- в) иллокутивный акт, выражение утверждения, обещания, просьбы — другими словами, реализация коммуникативного намерения говорящего.

Пропозициональный речевой акт следует понимать так, что целью речевого действия является концептуализация некоторой ситуации в качестве пропозиции. Т.е. под пропозицией понимается часть смысловой структуры предложения, которая отражает отношение к реальной действительности [1:24]. СППО в своей форме содержат уже указание на возможную функцию аргумента с помощью вводящего главное предложение предиката. Вслед за Черемисиной М.И. и Колосовой Т.А. мы придерживаемся точки зрения, что главное предложение в СППО выражает «вербализованную субъективную интерпретацию диктумного события, которая может даваться в аспекте модальности (то есть возможности, вероятности события и степени достоверности сообщения о нем) или в аспекте

характера психической обработки представления (информации) о диктумном событии» [10:131].

СППО — это грамматическое обращение прямой или внутренней речи, мыслей, чувств, волеизъявлений и т.д., персонажа. Адресация высказывания в форме непосредственной цитации с помощью СППО происходит в форме косвенной цитации в широком смысле слова: в придаточном предложении констатируется факт, вводимый через призму говорящего. Одновременно этот факт оценивается косвенно за счет семантики предиката главного предложения. Косвенность высказывания заключается в релятивации относительно субъекта главного предложения.

Данный тип гипотаксиса рассматривается нами как грамматическое выражение косвенности, т.к. семантика глагола главного предложения указывает на то, что далее, в придаточном предложении последует информация другого уровня, следовательно, СППО является формой, которая служит для разграничения пропозиционально разноразностной информации.

В нашем исследовании мы рассматриваем СППО с точки зрения прагматики на материале англоязычной беллетристики. Лингвопрагматическое исследование предполагает проникновение в область отношений, складывающихся между автором, персонажами и читателем.

Целью же прагматики является раскрытие специфических коммуникативных намерений, присутствующих в речевом акте. И так как иллокутивный акт предполагает учет намерения говорящего, то в этом и заключается вся сложность речевого акта. Простое предложение считается простым речевым актом, а сложное предложение является комплексным речевым актом. И.М. Кобозев и Ким Гон Сук рассматривают СППО как элементарный речевой акт с одной иллокутивной функцией, заключенной в главном предложении [3:96], но анализ высказываний показывает напротив включенность информации придаточного предложения в информацию главного предложения. Главное предложения представляет ведущую иллокуцию, говорящий избирает стратегию передачи чужой речи [3:133]. При помощи придаточного предложения вводится дополнительная информация, и цель, которую при этом преследует говорящий, можно определить как комплексную иллокуцию.

Таким образом, можно сделать вывод, что сложноподчиненное предложение с придаточным объектным следует считать комплексным речевым актом, т.к. СППО является высказыванием, а любое высказывание несет в себе нагрузку, в данном случае выражение чужих мыслей через призму персонажей, тем самым СППО является косвенным речевым актом.

Литература:

1. Баранов, А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А.Г. Баранов. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1993. 180 с.
2. Гундарева, Е.С., Кострова, О.А. Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточными объектными) / Е.С. Гундарева, О.А. Кострова. — Тольятти: ТГУ, 2005. — 130 с.
3. Кобозева, И.М., Ким Гон Сук Сложные предложения как форма сложных речевых актов. / И.М. Кобозева, Ким Гон Сук // Сложное предложение, традиционные вопросы истории и описания, и новые аспекты его изучения. — М.: Русский учебный центр, 2000. — 143 с.
4. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. / Г.В. Колшанский. — Изд-во ЛКИ, 2007. — 176 с.
5. Кострова, О.А. Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации. / О.А. Кострова. — Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1992. — 143 с.
6. Ляпон, М.В. Слова-предложения / М.В. Ляпон. — Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
7. Николаева, Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). / Т.М. Николаева. — М., 1985.
8. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики: (Проблема субъекта) // Ю.С. Степанов, Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1981. — Т. 40
9. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 288 с.
10. Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Очерки по теории сложного предложения. / М.И. Черемисина, Т.А. Колосова. — Новосибирск, Наука, сибирское отделение, 1987. — 197 с.
11. Шмелев, А.А. Русский язык и внеязыковая действительность. / А.А. Шмелев. — Москва: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
12. Glinz, H. GrammatikenimVergleich: Deutsch — Franzoesisch — Englisch — Latein; Formen — Bedeutungen — Verstiken. / H. Glinz. — Tuebingen, 1994. — 962s.

Типологические классификации англоязычного резюме как основного документа при устройстве на работу

Косолапова Татьяна Валерьевна, аспирант
Самарская государственная академия культуры и искусств

Одним из наиболее типичных частных деловых документов при устройстве на работу является резюме (англ. *resume / résumé* или *curriculum vitae*). **Резюме — это краткое описание всего, что соискатель может предложить будущему работодателю в своем лице.** Резюме отображает самые важные данные (место учёбы, работы, возраст, место проживания, контактный телефон, умения, человеческие качества и т.п. Это своеобразная визитная карточка соискателя и от того, как оно составлено, зависит решение работодателя о приглашении соискателя на собеседование. Для каждого отдельного случая составляется новое **резюме подходящего типа**, с небольшими корректировками, максимально соответствующее квалификационным требованиям определенной вакансии.

Огромное число зарубежных и отечественных работ посвящено разработке практических указаний и руководств по оформлению резюме. Так, Сьюзан Уитком в своей книге «Resume magic» обозначает эти документы как «менеджерские» документы (management documents), нацеленные на предоставление личной информации в наиболее выгодном ракурсе. Автор считает, что резюме является особым «рабочим инструментом», используемым для работы, которая дает положительные результаты и удовлетворение [9, с. 57]. В различных зарубежных трудах резюме представляется как особое сочетание бизнес-стратегии, артистичности и уникальных коммуникативных навыков менеджера, продающего один товар — себя. Резюме часто описывается как 1) реклама соискателя, ориентирующаяся на удовлетворение специфических нужд работодателя (увеличение прибыли, сохранение денег, решение проблем); 2) формальный деловой документ, отражающий уровень владения вокабуляром, грамматикой и пунктуацией; 3) набор ключевых слов и выражений, представляющий знания, навыки и опыт работы соискателя; 4) уникальная художественная форма, состоящая из грамотно подобранных шрифтов, четко организованного плана, разработанного дизайна, создающих в комплексе определенный визуальный эффект.

Становление типологических классификаций резюме как основного документа по приему на работу происходило в несколько этапов. Первый этап, протекающий с начала 1990-х по начало 2000-х гг. озаглавлен распространением резюме, предназначенных для сканирования. Второй этап озаглавлен преобладающим использованием резюме в электронной форме (с начала 2000-х по 2008–2009 гг.). Сегодня резюме находится на третьем этапе своего развития, для которого характерен возврат к элегантному печатному резюме.

Постепенное развитие и становление резюме определило его типологическое разнообразие. На сегодняшний день существует множество типов резюме. Среди *основных типов* однозначно признаваемых как зарубежными, так и отечественными исследователями выделяются **хронологическое резюме** ((Reverse) Chronological résumé), **функциональное резюме** (Functional résumé) и **комбинированное резюме** (Combination (hybrid) résumé) [1, 2, 3, 5 и др.].

Рассмотрим подробнее основные характеристики каждого из выделенных типов. Самым предпочтительным типом, как для соискателей, так и для работодателей является *хронологический тип резюме*. Этот тип резюме часто называют «некрологическим» (англ. Obituary résumé), т.к. здесь указывается весь прошлый опыт работы, учебы и прочей деятельности.

В основном хронологические резюме подходят для людей с небольшим опытом работы или имеющих квалификации GCSE (General Certificate of Secondary Education) и Standard Grade Qualification. В хронологическом резюме опыт кандидата описывается в обратном хронологическом порядке, охватывая, как правило, последние 10–15 лет. Главная часть документа становится блоком, описывающим кратко профессиональный опыт кандидата без акцентирования достижений, навыков и умений соискателя.

Хронологическое резюме обладает определенными преимуществами и недостатками. Среди преимуществ можно выделить следующие: традиционная хронология дат и событий знакома работодателям и не приводит в замешательство при чтении. Этот тип резюме прост и удобен в плане написания. Среди недостатков можно отметить то, что в данном типе резюме отчетливо различается небольшой опыт работы, а также очевидны периоды времени, когда соискатель не работал. Формат резюме может акцентировать не связанные с работой навыки и опыт, способности и таланты не акцентируются как преимущества. Хронологический тип резюме малоэффективен при продвижении по служебной лестнице.

Функциональное резюме по своей структуре отличается от хронологического типа. Внимание акцентируется на квалификации, навыках и талантах, приобретенных соискателем в определенных профессиональных сферах, но часто игнорируются даты, положение и способности соискателя. Все части функционального резюме тесно связаны между собой единой целью: выделить самые примечательные качества. Данный тип подходит для тех, кто не обладает большим трудовым стажем, желает сменить профиль работы, продвинуться по служебной лестнице,

или если для работы важны определенные специфические профессиональные навыки и умения. В этом типе резюме допускается указание всех способностей и навыков, даже если часть из них не использовалась в трудовой деятельности. В резюме можно указать разнообразные благотворительные работы, в которых принималось участие. Среди отрицательных качеств функционального резюме можно отметить сложность организации текста, возможная непоследовательность изложения материала или пренебрежение основными значимыми фактами опыта работы в пользу описания разнообразных малосвязанных с работой «мелочей».

Комбинированное резюме совмещает в себе лучшие элементы хронологического и функционального типов. В нем присутствует подробное описание опыта и навыков (как в функциональном резюме), а также небольшой очерк о трудовом стаже (как в хронологическом резюме). Здесь акцентируются навыки и способности соискателя, при этом не игнорируются названия специальностей и периоды работы. Данный тип резюме является практически идеальным для большинства соискателей, которые желают указать все аспекты профессионального опыта, меняют специализацию, имеют внушительный трудовой стаж или имели пробелы в трудовой истории. Однако в комбинированных резюме есть два существенных недостатка: они довольно трудны в написании, а также иногда функциональные и хронологические части могут накладываться друг на друга, создавая избыточность информации.

Я.М. Вовшин выделяет как дополнительные **альтернативный тип** резюме и **резюме-письмо**. *Альтернативный тип* основывается на базе комбинированном типе, однако имеет существенные расхождения в способе подачи материала. Этот формат резюме используется по большей части людьми творческих специальностей, например «публичные отношения» или «модный дизайн», однако не подходит для таких специальностей, как, например, главный менеджер, администратор, а также для тех, кто ищет работу через биржу труда. Такое резюме не будет иметь успеха, если соискатель не сможет обосновать в резюме свои идеи по поводу работы. По мнению автора *тип резюме-письма* может быть использован в тех случаях, когда ситуация не позволяет предоставить собственно резюме и сопроводительное письмо к нему. Это письмо суммирует трудовой опыт и навыки специалиста. Как и любое деловое письмо, резюме-письмо требует конкретного адресата. Данный тип совмещает в себе правила написания резюме и частной деловой документации [1, с. 67]. Однако проведенное исследование показало, что данный тип документа в рамках типологической классификации резюме у западных исследователей отсутствует.

Д.Л. Кеннеди в книге «Как составить резюме для «чайников» среди дополнительных форматов резюме выделяет **формат достижений** (Accomplishment format), **целевой формат** (Targeted format), **международное резюме CV** (International CV) и **портфолио** (Portfolio). Под *целевым*

форматом и *форматом достижений* автор понимает разновидности комбинированного типа, выделяющие в первом случае только те аспекты, которые наиболее интересны работодателю, а во втором случае отмечающие как квалификацию, так и достижения соискателя. *Международное резюме CV* представляется автором как очень детализированное резюме, которое занимает от четырех до восьми страниц. Этот формат используется для поиска работы за границей, в международных компаниях, а также его модифицированная форма применяется преподавателями и научными сотрудниками. Последний выделенный автором формат — *портфолио* представляет собой скорее комплекс документов, в который помимо резюме входят описание целей карьеры, образцы работ, копии основных личных документов и рекомендательные письма [2, с. 114].

С. Уитком в книге «Resume magic» также выделяет **формат достижений** (Accomplishment format), **целевой формат** (Targeted format), **международное резюме** (International résumé). Помимо них автором в качестве дополнительных форматов выделяются **комбинированный формат** (Combination format), **альтернативный формат** (Creative format), **академический формат** (CV), **линейный формат** (Linear format), **формат информационного бюллетеня** (Newsletter format) и два формата, относящиеся к хронологическому типу — **формат без дат** (Dateless chronological format) и **перестановочный формат** (Reordered chronological format). Под *линейным форматом* Уитком понимает «ступенчатое» изложение информации, выстроенное в единую смысловую линию. *Формат информационного бюллетеня* является неким «рекламным проспектом» о соискателе, представляющий не достигнутые результаты, а потенциально реализуемые возможности. Форматы хронологического типа представляют особую реорганизацию внутренней структуры резюме [9, с. 83].

Рядом зарубежных ученых в качестве дополнительных выделяются такие типы, как **интернет-резюме** (E-résumé или Online résumé) [3, 4, 5, 7], **видео-резюме** (Video résumé) [2, 6] и **федеральное резюме** (Federal résumé) [8]. Рассмотрим их более детально.

Полная компьютеризация делопроизводства и повсеместное внедрение сети Интернет привнесла много нового в стандартное классическое резюме. «Электронный бум» изменил многое в том, как резюме пишутся, воспринимаются и используются при устройстве на работу. В связи с тем, что поиск работы становится все более и более электронным, резюме необходимо соответствовать новым тенденциям на рынке труда. Сегодня работодателей в основном интересуют электронные варианты резюме, так называемые *Интернет-резюме*, которые могут быть представлены в формате основных типов резюме. При составлении Интернет-резюме соискатели выбирают формат файла документа, в котором они намерены составить свое резюме. Многие работодатели, а в особенности рекрутинговые агентства, настаивают на офор-

лении резюме чаще всего в формате программ Microsoft Word или Open Office. Некоторым предпочтительнее работать с документами в форматах HTML, PDF или ASCII. Интернет-резюме обычно размещаются в электронных поисковых системах для нахождения и выбора свободной вакансии, на сайтах электронных бирж труда или высылаются на адрес компании в ответ на объявление о вакансии.

На сегодняшний день размещение резюме на сайтах электронных бирж труда становится все более и более популярным. До появления резюме в электронном формате работодатели были вынуждены сортировать груды бумаги, чтобы найти подходящего сотрудника, не имея возможности сразу отказывать неподходящим. Поиск работы через Интернет значительно экономит время, у соискателя есть возможность разослать резюме в максимальное количество компаний, а быстрое получение работодателями электронных резюме упрощает поиск нужных сотрудников. Интернет позволяет развивать новые технологии в составлении резюме, примером может послужить возникновение видео-резюме, которое стало особенно популярно для мультимедийных специальностей.

Видео-резюме — это современный способ показать способности и умения соискателя в реальности, а не описывать их на бумаге. Видео-резюме позволяет перспективным работодателям увидеть, услышать и понять, как соискатель представляет себя. Видео-резюме, или видео CV (в Великобритании) впервые появилось в 1980-х гг. и записывалось на кассетные носители VHS. Современные технологии позволяют присылать видео-резюме по сети Интернет, что делает его на сегодняшний день все более и более популярным. Видео-резюме по широкому спектру специальностей активно принимаются компаниями по всему миру, и вопрос объективности таких резюме становится одним из главных на сегодняшний день [9, с. 243]. В связи с возрастающей популярностью видео-резюме все чаще возникают споры относительно их полезности. Во многих рекрутерских агентствах считается, что само по себе видео-резюме не дает работодателю полной информации о кандидате, возникают трудности с ранжированием значимой и менее значимой информации. Более того, видео-резюме может провоцировать дискриминацию расовую, этническую, классовую, по возрасту и т.д.

Последний, представленный западными исследователями тип резюме — федеральное резюме представляет собой особый тип резюме, составляемый специально для получения должности в государственном административном учреждении. Так же, как и резюме для частного сектора, федеральное резюме содержит информацию об опыте работы и учебы. Это один из трех документов, принятых федеральным правительством США как необходимый при официальном устройстве на работу. Другие два документа — это OF-612 (Optional Application for Federal Employment Form OF-612) и традиционный документ SF-171 (Standard Form 171). Обычное резюме не подходит для приема на государственные должности. Федеральные резюме составляются в традиционном хронологическом

формате. Этот тип резюме включает в себя определенную специфическую информацию, часть которой является не-обязательной для резюме частного сектора. Эта информация включает в себя: сведения о работе (номер рекламного объявления о свободной вакансии, название должности); личную информацию (полное имя, почтовый адрес и индекс, номера домашнего и сотового телефонов с кодом города, номер социального страхования, гражданство, ветеранство, восстановление на прежнем рабочем месте и на прежних условиях по решению суда о неправомерном увольнении, если такое имело место, право на избрание, наличие степени «Highest Federal Civilian»); образовании (информацию о профессиональном образовании, название учебного учреждения, город, штат, дату получения диплома или аттестата об общем (среднем) образовании — GED (General Equivalency Diploma)); опыте работы (название должности, обязанности на рабочем месте, информацию о работодателе, сроках работы, количестве рабочих часов в неделю, заработной плате, согласии / несогласии на связь с членами городского правления для получения рекомендаций); сведения о прочих квалификациях (курсах повышения квалификации, навыках и умениях, сертификатах и лицензиях, наградах и премиях, публикациях, членств в профессиональных организациях, деятельности как руководителя, участия и выступлениях на пресс-конференциях). Федеральное резюме должно охватывать последние 10 лет истории работы и учебы и за некоторым исключением не превышать объема трех страниц.

Современным европейским аналогом резюме является «Европасс» (англ. Europass), представляющий собой портфолио соискателя, состоящее из документов, описывающих все учебные достижения, квалификации, результаты работы, навыки и компетенции, полученные во время работы и учебы. Портфолио «Европасс» было принято Европейским Парламентом и Европейским Советом 15 декабря 2004 г. Целью «Европасса» является унификация профессиональных квалификаций и улучшение условий рабочей миграции среди жителей Европы. «Европасс» состоит из пяти документов: резюме, языкового паспорта, «Европасс мобильность», сертификата и диплома. Все вышеперечисленные документы едины по всему Евросоюзу. Этот особый вариант резюме ограниченно используется соискателями, поскольку предназначен для устройства, в основном, на государственные должности в зоне Евросоюза, в остальных случаях используются традиционные хронологический, функциональный и комбинированный типы. Европейское резюме «Европасс» имеет несколько отличную от стандартной структуру, представленную ниже.

Таким образом, признается существование основных типов резюме (хронологического, функционального и комбинированного) и сформировавшихся на их базе дополнительных форматов (альтернативный, академический, линейный, целевой форматы, формат достижений, формат информационного бюллетеня, формат междуна-

родного CV, форматы хронологического типа — формат без дат и перестановочный форматы, Интернет-резюме, Видео-резюме, федеральное резюме, портфолио и его европейский вариант «Европасс»). Структурная наполняе-

мость всех выделенных типов и их форматов существует в виде относительно шаблонной формы, внутри которой реализуются коммуникативные особенности авторской позиции видения своего профессионального опыта.

Литература:

1. Вовшин, Я.М. Ведение документации и корреспонденции на английском языке — The Way of Writing English Letters and Documents [Текст] / Я.М. Вовшин, Н.П. Звонак, Р.С. Трохина. — Минск: ТетраСистемс, 2003. — 208 с.
2. Кеннеди, Д.Л. Как составить резюме для «чайников» [Текст] / Д.Л. Кеннеди // 4-е изд. — Киев: AZBUKA, 2008. — 242 с.
3. Bennett, S. The elements of resume style [Text]: Essential rules and eye-opening advice for writing resumes and cover letters that work / S. Bennet. — AMACOM, 2005. — 128 p.
4. Betrus, M. 101 best resumes [Text]: Endorsed by the professional association of resume writers / M. Betrus, J.A. Block. — McGraw-Hill, 1997. — 197 p.
5. Callahan, D.W. Resumes are worthless [Text]: How to find the work you love and succeed / D.W. Callahan. — ADC Publishing, 2011. — 186 p.
6. Curtis, R. The Resume. Com Guide to Writing Unbeatable Resumes [Text] / R. Curtis, W. Simons. — McGraw-Hill, 2004. — 256 p.
7. Ireland, S. The complete idiot's guide to the perfect resume / S. Ireland // 5-th ed. — Alpha, 2010. — 304 p.
8. Troutman, K.K. Federal resume guidebook [Text]: Strategies for writing a winning federal resume / K.K. Troutman // 5-th ed. — JIST Works, 2011. — 448 p.
9. Whitcomb, P. Resume Magic [Text]: Trade Secrets of a Professional Resume Writer / P. Whitcomb, S. Britton. — 3-rd ed. — New York: JIST Publishing, 2008. — 126 p.

Контекстуальная специфика выражения гендерной оценки в американских глянцевах журналах

Мелоян Алина Ашотовна, магистрант

Костанайский государственный университет им. Ахмета Байтурсынова (Казахстан)

Утверждение о том, что мужчины и женщины выражают свои мысли по-разному, нашло подтверждение у многих ученых-лингвистов (Д. Таннен, Д. Хальперн, Э. Игли и др.). Однако вопрос о том, действительно ли существует дихотомия в речи мужчин и женщин, по-прежнему остается открытым. Психологи Маккоби и Джеклин, проанализировавшие практически все имевшиеся на тот момент экспериментальные труды по различиям в речи женщин и мужчин, еще в 1970-х годах указали на то, что данные о гендерных различиях речевого поведения весьма противоречивы [2, с.182]. На сегодняшний день актуальным является рассмотрение гендерных особенностей в сочетании с социальным статусом, уровнем образованности, ситуативным контекстом и др., а также с учетом меняющейся ситуации в обществе.

Человек, играя различные социальные роли, в различных обстоятельствах приспосабливает свою речь. Более того, учитывая тот факт, что политкорректность набирает все большие обороты, появляется все большее количество методик написания статей для различной аудитории, которые загоняют автора в определенные рамки,

журналистам, казалось бы, негде развернуться, пытаясь адаптировать мельчайшие детали своего стиля изложения так, чтобы не оскорбить чьего-то достоинства или не показаться некомпетентным. Особенно это касается выражения оценки.

Как бы нам не хотелось быть объективными, наша речь изобилует оценочными выражениями и конструкциями, которые выражают исключительно наше собственное представление об объекте оценивания. Оценка антропоцентрична, т.к. задана физической и психической природой человека, определяет его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности. Она является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего нас мира.

Оценка, как в устной, так и письменной речи может быть представлена на нескольких уровнях: морфологическом, лексическом, синтаксическом, графическом, пунктуационном и контекстуальном. В текущей статье мы попытаемся определить контекстуальную дихотомию в письменной речи американских журналистов с учетом гендерной специфики.

Чаще всего оценка выражается словом или словосочетанием, но также мы сталкиваемся с более сложными структурами, которые на первый взгляд не несут в себе оценки, и, только осознав общий смысл всего высказывания, мы понимаем, что автор, на самом деле, дает оценку тому или иному объекту, что означает, что сама оценка была представлена в контексте.

Контекстом (от лат. *contextus* — «соединение», «связь») является относительно законченный отрывок письменной или устной речи, в пределах которого наиболее точно выявляется значение отдельных входящих в него слов, выражений и т.п. [1]. Контекст, как часть текста, ни в коем случае не должен противоречить общему его смыслу. Для того, чтобы понять, как оценка воплощается в контексте, необходимо рассмотреть несколько примеров.

Instead, many **steel-stomached** small-business people are using this crisis as an opportunity to expand [5, с.85].

Сочетание *steel-stomached* не имеет прямого аналога при переводе на русский язык. Если разобрать это прилагательное по частям, то мы получаем комбинацию двух существительных «steel» + «stomach», что в переводе означает *сталь* и *желудок*. Как видно из перевода ни одна часть этого сложносоставного слова не обладает оценочным зарядом. Мы только можем заметить, что сталь считается достаточно прочным металлом. В контексте же нам становится ясно, что бизнесмены, обладающие таким качеством, пользуются кризисом как возможностью для расширения бизнеса. Соответственно, мы можем полагать, что само прилагательное означает *крепкий, напористый, имеющий терпение и выдержку*. Из этого мы можем сделать вывод, что слово *steel-stomached* обладает положительным оценочным зарядом.

Whiskey labels tend to feature a host of **tricksy** little terms such as 'fine', 'old', 'smooth', 'family reserve', and 'hand-crafted' [9, с.84].

Этот пример иллюстрирует двойственность одного слова в отношении оценки. Слово *tricksy* вне контекста может переводиться как *игривый, озорной, веселый, шутливый*, что явно может натолкнуть читателя на мысль о положительных качествах объекта оценивания. С другой стороны, *tricksy* — это *ненадёжный, коварный и обманчивый*. В данном случае, ни о каких пози-

тивных чертах объекта речь не идет, но обратив внимание на объект оценивания (этикетки на бутылках виски) и на разнообразие его содержания (надписей на этикетках), можно полагать, что второй вариант интерпретации данного слова имеет место быть в данном контексте.

Следующий пример является ярким образцом того, как слово, обладающее абсолютно отрицательным зарядом, приобретает положительный благодаря контекстному окружению.

The truth is, Hope **hated** her **nose job** (rhinoplasty) and even wished she had her **honker back** [4, с.260].

Новый нос, полученный в результате хирургического вмешательства, не нравится его обладательнице, которая желала бы получить то, что было дано природой. *Honker* (шнобель, носище) — жаргонный аналог нейтрального слова *nose* (нос). *Honker* приобретает положительный заряд благодаря наречию *back*, что говорит о том, что прежний нос был лучше, чем тот, который она получила после ринопластики.

Tannen found that **jealousy** is **the best motivator** [7, с.168].

Конструкция «noun 1» + «to be» + «noun 2» в определенной степени уравнивает два существительных разделенных между собой глаголом «to be». *Jealousy* (ревность) — чувство презираемое и избегаемое в обществе; *motivator* — оценочно нейтрален, но питается положительным зарядом от прилагательного, которое его описывает (*the best*). В довершение, само предложение построено по принципу «от — к +», что дает нам основание полагать, что в контексте *jealousy* обретает положительное качество.

Вышеописанная конструкция очень широко распространена в женском массмедийном печатном дискурсе. Например:

If you have ever watched the omnipresent nude scenes in French films, you may have noticed a difference in the way the **bodies** are portrayed, compared with American films. They are **less sanitized — not as toned, not as perfect, more real** [3, с.287].

Whereas my old body used to be trim and pert, my new **body** is a little **more tawdry and fecund-looking**. **I like it. I'm grateful to it. I feel lucky** to inhabit it. **I love** my body [3, с.287].

Body (объект)		
less sanitized, not as toned, not as perfect (-)	→	more real (+)
more tawdry, fecund-looking (-)	→	I like it; I'm grateful to it; I feel lucky; I love (+)

Отчасти это может объясняться тем, что женщина стремится выявить положительное на фоне отрицательного, повернуть, казалось бы, невыгодную ситуацию в свою пользу. Мужчины же не ищут, они критикуют, насмехаются.

But now that has blossomed into a full on, addictive **genre** of shows all about **dangerous** men doing **dangerous**

things while **dangerous** background music plays **dangerously** loud [8, с.74].

Взяв за основу компоненты объекта *genre* и описав их одним прилагательным, обладающим отрицательным зарядом, автор показывает несостоятельность этого качества применительно ко всему объекту, чем и лишает его всякой оценки.

You use it (exfoliating cleanser) for the way it feels, the way it wakes you up in the morning, via thousands of **molecular scratches**. It's cleanser for men, an exfoliant **for mas-**

ochists, an antidote to an otherwise humdrum bathing experience. Also it **smells nice** [6, с.111].

<i>exfoliating cleanser</i> (объект)			
-	-	+	+
molecular scratches	for masochists	an <i>antidote</i> to an otherwise <i>humdrum bathing experience</i>	smells nice

Сложное развитие контекста с одинаковым количеством как положительных, так и отрицательных оценок в итоге нас приводит к тому, что объект оценивания зарабатывает негативный отклик от автора, субъекта оценивания, т.к. положительные аргументы по силе усту-

пают отрицательным.

Вышеизложенное доказывает, что контекст, несомненно, влияет на развитие оценочной ситуации в тексте, и структура развития этой ситуации, несомненно, подвержена гендерному воздействию.

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь. — URL: <http://www.vedu.ru/BigEncDic/29820>
2. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. — М., 2004.

Журналы:

3. Combe, Rachel. «Sexy back.» *Elle* (USA) Oct. 2009:284–287
4. Hayt, Elizabeth. «Second chances.» *Elle* (USA) Oct. 2009:260–264
5. Kurson, Ken. «Blood in the water.» *Esquire* (USA) Oct. 2010: 85–86.
6. McCammon, Ross. «Hall of fame: St. Ives scrub with walnuts» *Esquire* (USA) Oct. 2010:111
7. Ruderman, Zoe. «How to deal with sister jealousy.» *Cosmopolitan* (USA) Oct. 2009:168
8. Stein, Joel. «Watch and Yearn» *Men's Health* (USA) Apr. 2011:74
9. Wondrich, David. «The blends: a primer.» *Esquire* (USA) Oct. 2010: 84

Драгоценные камни и металлы в современном русском языке

Метелкина Ольга Андреевна, студент

Научный руководитель к.ф.н., доцент Родионова С.Е.

Башкирский государственный университет (г.Уфа)

Драгоценности притягивают и манят человека издревле. Люди всегда верили в их магическую силу исцеления, ворожбы, возможности предсказать будущее и заглянуть в прошлое. Но не менее нас завораживают и сами их имена — и всем известные *изумруд, рубин, бриллиант* и загадочно-непонятные *аквамарин, авантюрин, обсидиан*. И, пожалуй, наиболее интересно не только то, что значат камни в жизни человека, но и то, какую роль играют их названия в истории языка и в современном русском языке. Именно с этой точки зрения данная тема может привлечь внимание лингвиста.

Цель нашего исследования, которое является первым этапом дальнейшей большой работы, — рассмотреть лексико-семантическое поле «Драгоценные камни и металлы» в современном русском языке, выявить составляющие этого поля и описать его содержание и структуру. Актуальность работы будет заключаться в использовании

элементов когнитивного подхода, т.е. мы попытаемся выяснить, какое место драгоценные камни и металлы занимают в сознании современного человека.

В последнее время лингвисты все чаще обращаются к полемому принципу описания языковых явлений, т.к. он помогает выявить системную организацию языка. Выделяются различные виды полей, и их единой классификации до сих пор нет. Наиболее распространенными типами являются: семантическое поле, парадигматическое поле, тематическая группа, синтагматическое поле, комплексные поля, ассоциативные поля и т.д.

В России изучение лексико-семантического поля связано с понятием лексико-семантической группы. Большой вклад в развитие этого понятия внесла А.А. Уфимцева. Она первая выделила основные отличия поля от группы. Лексико-семантической группой называется самая обширная по объему своих членов организация слов, которая объ-

единена базовым семантическим компонентом. Семантический компонент обобщает несколько различных гиперсем (родовых сем), обозначая класс предметов, признаков, процессов, отношений [1, 30–63].

Лексико-семантическое поле — это термин, используемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим (интегральным) лексико-семантическим признаком. В основе любого лексико-семантического поля всегда лежит некая родовая сема, или гиперсема, которая обозначает класс объектов. Например, гиперсема в лексико-семантическом поле «драгоценные камни» — минералы. Выделяются ядро поля и его периферия, она бывает ближняя и дальняя.

Лексико-семантическое поле «Драгоценные камни и металлы» объединяет в себе названия с общим признаком — редкости, дороговизны, красоты. Все элементы данного поля выполняют в языке номинативную функцию.

В составе поля выделяются ядерные и периферийные конститuenty. Ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты. В классическом «Частотном словаре русского языка» [2] под редакцией Лидии Николаевны Засориной самым употребительным является слово *золото* (119 раз), сравним это сразу с данными Национального корпуса русского языка — здесь мы находим 1920 документов с данным слово, затем по частотности идет *алмаз* 117 раз по Частотному словарю, здесь уже начинается расхождение с НКРЯ, где со словом *алмаз* можно встретить всего 357 документов, а вот *серебро* упоминается в 905 документах, хотя по словарю Засориной оно стоит на третьем месте (24 раза). Рубин упоминается 20 раз, 167 документов, изумруд (18 раз, 103 документа), бриллиант (14 раз, 157 документов), янтарь (9 раз, 122 документа), сапфир (2 раза, 43 документа) и жемчуг упоминается в частотном словаре всего 2 раза, но в НКРЯ он встречается в 260 документах. В ходе опроса студентов БашГУ филологического и географического факультетов были выделены 7 наиболее часто употребляемых драгоценных камней, которые, как нам кажется, и составляют ядро в лексико-семантическом поле драгоценных камней. Это *алмаз*, *изумруд*, *сапфир*, *рубин*, *жемчуг*, *гранат*, *янтарь* (см. Приложение 1). На периферии находятся такие драгоценные камни, как *оникс* (24 документа в НКРЯ), *сердолик* (23 документа), *аквамарин* (13 документов), *лазурит* (11 документов), *александрит* (10 документов), *фианит* (3 документа), которые, как видно, принципиально реже употребляются в языке.

Золото и алмаз — самые популярные драгоценный металл и камень, ядерные слова в лексико-семантическом поле драгоценных камней и металлов. Интересно то, что оба эти слова обладают многозначностью. В большом толковом словаре Ушакова *золото* имеет целых 6 значений [3, с. 1114].

ЗОЛОТО, золота, мн. нет, ср.

1. Один из благородных металлов, желтого цвета, употр. для драгоценных изделий и как мерило ценности.

Браслет из чистого золота. Золото высокой пробы. Червонное золото.

2. собир. **Изделия из золота**. Сундуки полны золота. «Он не то на серебре, на золоте едал» Грибоедов.

3. перен., в знач. **сказуемого**. О ком-нибудь, отличающемся большими достоинствами (*разг.*). **Этот работник — настоящее золото**.

4. собир. **Монеты из золота**. Уплатить золотом.

| Мера ценности денег по курсу золота, золотой валюты. 100 рублей золотом.

5. **Шелковые нити, покрытые тонким слоем золота**. Шить золотом.

6. перен. **Ласкательное обращение**: ненаглядный, дорогой, сокровище.

При этом слово *алмаз* [3, с. 27] по словарю Ушакова не имеет переносного значения:

АЛМАЗ, алмаза, муж. **Драгоценный камень, бесцветный и прозрачный, отличающийся большой твердостью**. Алмаз, ограненный в известную форму, называется бриллиантом.

Тонкий кусок этого камня, вделанный в рукоятку для резки стекла.

Но употребление этого слово в переносном значении мы можем встретить в художественных текстах, пословицах и поговорках, фразеологизмах (глаз — алмаз, небо в алмазах). *Алмаз* стал символом чего-то несокрушимого, твердого. У слов, находящихся на периферии, таких переносных значений нет. Поэтому в основном нас будут интересовать ядерные слова, так как именно переносные значения и создают самобытную и неповторимую национальную языковую картину мира.

Методика исследования концепта включает в себя изучение, прежде всего, его этимологической составляющей, помогающей обнаружить внутреннюю форму концепта. Большинство названий драгоценных камней и металлов пришли к нам из греческого и латинского языков. Например, *агат* (от греч. названия реки, где был найден камень), *изумруд* (греч. блеснуть), *малахит* (греч. мальва), *аквамарин* (от лат. морская вода), *гранат* (лат. зернистый), *рубин* (лат. красный). Также довольно часто встречаются и названия немецкого происхождения (*алабандин*, *кварц*), французского (*авентурин*, *бриллиант*). Реже арабского (*алмаз*, *лазурит*), литовского (*янтарь*), китайского (*жемчуг*). Мы попытались рассмотреть принципы номинации драгоценных камней и металлов. По внутренней форме названия драгоценных камней можно разделить на следующие группы:

1) По цветовым свойствам

Аквамарин — происходит от лат. aquamagine, что означает морская вода, сходство с которой очевидно: камень искрится, подобно морской воде, и его цвет варьируется от бледно-голубого до синего [4, с. 11].

Рубин — от лат. rubinus «красный» [5, с. 94].

2) **В честь места, где добывают драгоценный камень или где его изобрели**

Агат — от греч. Αγαπήξ, название реки Агатес в Си-

цилии, где был найден камень [4, с. 16].

3) По физическим свойствам

Алмаз — от греч. «*adamos*» — неодолимый, несокрушимый [5, с. 88].

Скородит — от греч. скородион — чеснок, т.к. издает чесночный запах при ударах, при нагревании [4, с. 106].

4) По имени того, кто открыл драгоценный камень или в честь кого он открыт

Александрит — назван в 1842 г. в честь Александра 2, ко дню совершеннолетия которого было приурочено открытие этого камня [5, с. 86].

Обсидиан — в честь Обсидия, нашедшего камень в Эфиопии [5, с. 139].

5) Название связано с определенной легендой или мифом

Гиацинт — согласно древнегреческому мифу, юноша по имени Гиацинт был убит диском, который бросил на состязаниях Аполлон. Упавшие на землю капли крови превратились в цветы гиацинты, которые окаменев стали драгоценными камнями [5, с. 110].

6) По лечебным свойствам

Жадеит — в переводе с латиноамериканского означает «камень для поясицы», т.к. его использовали в лечебных целях [5, с. 117].

7) По способу получения

Авантюрин — через фр. *aventurine* от итал. *avventura* «случай», так как считается, что стеклянная имитация была получена случайно венецианскими стеклодувами [5, с. 77].

8) По магическим свойствам камня

Бирюза — от перс. «*пируз*» — одерживающий победу, или от перс. «*фирюза*» — камень счастья [5, с. 98].

Нам захотелось узнать, какой фрагмент наивной языковой картины мира актуален для современного студента и школьника. Для этого мы провели небольшой ассоциативный эксперимент, чтобы выяснить, какие понятия ассоциируются в человеческом сознании с 7 наиболее известными драгоценными камнями (*изумруд, рубин, бриллиант, сапфир, янтарь, жемчуг, гранат*) и 2 металлами (*золото, серебро*). Нами были опрошены 3 группы людей: это школьники до 14 лет (50 чел.), студенты филологического факультета (60 чел.) и студенты геологического факультета (20 чел.), которые непосредственно занимаются изучением данных камней и металлов.

В ходе исследования выяснилось, что большая часть национальной языковой картины мира не активна для опрашиваемых. Ассоциации студентов-геологов, практически не отличаются от ассоциаций остальных студентов. А большинство школьников затруднялось даже определить цвет некоторых драгоценных камней, но это не мешало им назвать множество весьма интересных ассоциаций.

Участникам опроса было предложено придумать словосочетания с названиями драгоценных камней и металлов. Из проведенного опроса ясно видно, какие яв-

ления и относящиеся к ним прецедентные феномены повлияли на ответы студентов:

— телевидение (художественные фильмы — *бриллиантовая рука*, спорт — *рубиновая команда* (футбольный казанский клуб «Рубин»), культура — *янтарная комната* (комната в Екатерининском дворце);

— детская и классическая литература: *изумрудный город, дорога* (А.М. Волков «Волшебник изумрудного города»), *гранатовый браслет* (одноименное произведение А.И. Куприна), *жемчужное ожерелье* (одноименный рассказ Н.С. Лескова). Со словом *серебро* 10 человек составили словосочетания «*серебряный век*», но лишь один человек написал *золотой век*;

— обычаи и обряды (*бриллиантовая свадьба*);

— СМИ и реклама (*золотая чаша* — реклама чая).

В ходе опроса нужно было назвать ассоциации с данными названиями драгоценных камней. По результатам можно сделать следующие выводы:

— *изумруд* ассоциируется с волшебством, сказкой, детством;

— *рубин* — страсть, кровь, шик;

— *бриллиант* — выделяются две основные группы: первая связана с богатством (роскошь, деньги), вторая с замужеством (невеста, свадьба, обручальное кольцо);

— *сапфир* — ассоциируется с чем-то таинственным, неизвестным (ночь, тайна);

— *янтарь* — ассоциируется с русским народом (бусы, русская красавица);

— *жемчуг* — ассоциируется с двумя различными понятиями: с одной стороны — чистота и невинность, с другой стороны возраст, взросление, постоянство;

— *гранат* — оказался самым неизвестным драгоценным камнем. У большинства людей он ассоциируется либо с произведением Куприна, либо просто с фруктом. Лишь 10 % опрошенных назвали желание, верность, странность;

— *золото* — связано в сознании людей с успехом, лидерством. Но также оно у многих ассоциируется и с чем-то назойливым, приевшимся, честолюбием;

— *серебро* носит куда более положительную окраску, чем золото — верность, молодость и в то же время вечность. Но большинство ассоциаций связано с серебряной посудой (ложка оказалась самым популярным ответом).

Мы сравнили результаты нашего опроса с материалами «Ассоциативного словаря» Юрия Николаевича Караулова [5], проследив, какие реакции вызывали у людей слова *золото, серебро* и *бриллиант* — только эти стимулы встречаются в Словаре. Самая частотная реакция на стимул *золото — серебро* (60 ответов), а на серебро, наоборот, золото (20). Также на стимул *золото* были такие реакции, как *платина, бриллиант*. В свою очередь одной из самых распространенных реакций на стимул *бриллиант* является *золото*. Это еще раз доказывает существование единого лексико-семантического поля «Драгоценные камни и металлы». Также у всех 3 слов встречаются общие ассоциации, связанные с богатством (*драгоцен-*

ность, деньги, дорогое). В «Ассоциативном словаре» встречаются, как и в нашем опросе, литературные примеры («Золото Маккены» — роман Уилла Генри, «И золото волос» отрывок из стихотворения М. Цветаевой, «Золотой теленок» роман Ильфа и Петрова), и из кинематографа («Бриллиантовая рука», отсюда ассоциации Миронов, Никулин, кино), фразеологизмы (золотые руки), песни («Серебро господ моего» — песня Б. Гребенщикова) и, конечно, большое количество метафор (*мягкое золото, золотой человек, золотое сердце*).

Можно сделать предварительный вывод о том, что, хотя фрагмент наивной языковой картины мира, свя-

занный с драгоценными камнями и металлами, у современных молодых людей представляется весьма неполным, в то же время нельзя не отметить, что прямые и переносные значения компонентов рассматриваемого лексико-семантического поля достаточно хорошо известны им и играют существенную роль в формировании миропонимания, в частности его аксиологических приоритетов. Это определяет необходимость дальнейшего изучения концептов «Золото», «Серебро», «Алмаз», «Бриллиант» и некоторых других в самых разных аспектах, в том числе с точки зрения динамики, функционирования в художественных и публицистических текстах.

Литература:

1. Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможность их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. — М., 1961. — с. 30—63.
2. Засорина Л.Н. Частотный словарь русского языка. — М., 1993.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т.1. / Под ред. Д.Н.Ушакова. — М., 1935—1940.
4. Вахитов С.В. Словарь наименований драгоценных и поделочных камней. — М., 2000. — 128 с.
5. Лилия Бранд. Чары камней. Лечебные и магические свойства камней и минералов — 2-е изд., — СПб.: Наука и Техника, 2010. — 224 с.
6. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика. — М., 1993.

Сопоставительный анализ некоторых классов плановых языков и оценка их прагматического значения

Мищенко Дарья Дмитриевна, студент;

Личаргин Д.В.

Сибирский Федеральный Университет (г. Красноярск)

Люди всегда задумывались над тем, как облегчить и упростить общение между людьми на планете, как преодолеть различные барьеры (языковые, культурные и т.п.) между народами. На сегодняшний день широко распространены и разрабатываются разнообразные модели языков. Огромное множество конлангеров (создателей искусственных языков) работают и работали сейчас и в прошлом. Каждый конлангер отражает в своем языке особенную философию, взгляды, идеи, проекты. В работе учитываются самые известные и значимые из плановых (искусственных) языков, таких как Эсперанто, Токи Пона, Интерлингва и Ложбан. Процесс создания искусственных языков исследуется различными авторами, в частности Жеффом Бурке, Салли Кавесом, Джоном Е. Клиффордом и А. Вежбицкой.

В их работах рассматривается вопрос о максимально понятном международном общении, подчеркивается важность решения проблемы об универсально простом инструменте межнационального общения с точки зрения теории возможности моделирования на его основе естественных языков. Распространение конлангов является делом отдельных энтузиастов и является интересным объ-

ектом для исследования со стороны науки интерлингвистики. Однако вопрос о классификации и систематизации различных типов конлангов требует дополнительных исследований в рамках теории классификаций, логики, семантики, семиотики, философии и других наук и теорий. Задачи данной работы заключаются в построении классификации искусственных языков, далее на основе этой классификации может осуществляться сопоставительный анализ плановых языков.

Для того чтобы понять многовековую историю развития идеи вспомогательного языка, столетний опыт его функционирования, необходимо дать достаточный философский и лингвосоциологический анализ этого вопроса. Ниже предлагается одна из возможных классификаций, способная продемонстрировать многообразие искусственных языков и помочь осуществить дальнейший анализ того или иного класса планового языка.

1. Искусственные языки

1.1. Языки программирования и компьютерные языки

1.2. Информационные языки: языки программирования, разметки текста, структуры файлов и т.п.

1.3. Формализованные языки науки

- 1.3.1. Научных фактов и теорий
- 1.3.2. Математики
- 1.3.3. Логик
- 1.3.4. Химии
- 1.3.5. Языки дорожных и других знаков
- 1.3.6. И других наук.
- 1.4. Языки музыки и искусства
- 1.4.1. Нотная грамота
- 2. Естественные языки
- 2.1. Полноценные языки
- 2.1.1 английский
- 2.1.2 русский
- 2.1.3 французский
- 2.1.4 немецкий
- 2.1.5 испанский и др.
- 2.2. Вспомогательные языки
- 2.2.1. Пиджины
- 2.2.2. Креольские языки
- 2.3. Международные, вспомогательные, плановые языки — конланги
- 2.3.1. Априорные языки
- 2.3.1.1. Философские и логические языки — языки, имеющие четкую логическую структуру словообразования и синтаксиса:
 - 2.3.1.1.1. 1 ыфкуиль
 - 2.3.1.1.2. 2 илакш
 - 2.3.1.1.3. 3 ыфкуиль-2011
 - 2.3.1.1.4. 4 логлан/ложбан
 - 2.3.1.1.5. 5 токипона
- 2.3.1.2. Язык игры в словесный конструктор
- 2.3.1.2.1 токипона
- 2.3.1.3. Также язык создается для постановки эксперимента, например для проверки гипотезы Сепира-Уорфа (о том, что язык, на котором говорит человек, ограничивает сознание, загоняет его в определённые рамки).
 - 2.3.1.3.1 логлан/ложбан
 - 2.3.1.3.2 токипона
- 2.3.1.4. Язык моделирования других языков
- 2.3.1.4.1 огиро

- 2.3.1.4.2 логлан/ложбан
 - 2.3.1.5. Коммерческие языки литературных миров:
 - 2.3.1.5.1 клингон
 - 2.3.1.5.2 н’ави
 - 2.3.1.5.3 чатлано-пацакский
 - 2.3.1.6. Артистические или эстетические языки — создаются для творческого и эстетического удовольствия:
 - 2.3.1.6.1 квенья
 - 2.3.1.6.2 синдарин
 - 7.3.2. Апостериорные языки — языки, структурно основанные на естественных:
 - 7.3.2.1 эсперанто,
 - 7.3.2.2 волапюк,
 - 7.3.2.3 интерлингва,
 - 7.3.2.4 словио,
 - 7.3.2.5 словянски.
 - 8. Языки рисунков — методы и шаблоны сопоставления рисунков для передачи вербального сообщения
 - 8.1 логос
 - 9. Языки лингво-исторических гипотез — порождение траекторий возможно иного развития естественных языков на основе моделирования естественных языков
- Рассмотрим параметры некоторых наиболее важных плановых языков (cm.en.wikipedia.org/wiki/International_Auxiliary_Language_Association) в таблице 1.
- Процесс глобализации требует универсальных средств общения для различных культур и народов. При этом имеется риск сведения к минимуму культурного разнообразия, на основе дискриминации национальных языков одним универсальным языком человечества, например, английским. Разработка некоторых конлангов, например, эсперанто имеет целью сохранить национальные культуры, и устранить дискриминации со стороны, например, английского языка. Однако, это может привести к обезличиванию локальных культур и созданию космополитических ценностей по образу и подобию не одной страны — а на основе близости и несвязности с историческими и культурными ценностями, совершенно искусственного образования — конланга, основанного либо на усреднении ре-

Таблица 1

Краткая информация по некоторым конлангам

Идо	1907	Группа реформаторов языка Эсперанто	Самый успешный потомок эсперанто
Интерлингва	1951	Международная ассоциация вспомогательного языка (IALA)	Язык на основе привычного романского вокабуляра
Ложбан	1987	Группа логического языка	Логический язык основанный на мандарине, английском, хинди, испанском, русском и арабском языках
Токи Пона	2001	Соня Элен Киса	Очень специализированный язык с ограниченным словарем, философский конструктор значений
Унилингва	1966	Нубар Агапов	Априорный язык с системным словарным составом
Эсперанто	1887	Л.Л. Заменгоф	Бегло говорящих: от 30,000 до 300,000; обычных пользователей: от 100,000 до 2 миллионов; родной язык для: от 200 до 2000 (на 1996 год).

алий других языков, либо на основе сухих и бездушных логических схем и структур. С другой стороны плановые языки исследуют поведение экземпляров множества всех возможных языков с точки зрения универсалий и индивидуальных особенностей языков как реализаций соотношений всех возможных и по каким-то критериям имеющих преимущества грамматик, семантик, фонетических систем, т.е. являются практически полезными.

Важность именно прагматического аспекта конлангов подтверждает история, например, самого популярного конланга эсперанто. Язык, созданный более века назад, заслуживает нарекания со стороны разработчиков логических языков, большинство носителей эсперанто мотивированы возможностью дешевого гостевого туризма. Многие слова эсперанто звучат не благозвучно и не мо-

тивированны на большинстве языках. По сути эсперанто, это — набор случайных слов из различных языков. Современные компьютерные системы способны осуществить куда более качественный выбор интернациональной лексики, чем предлагалось создателем Эсперанто Л.Л. Заменгофом. Многие конланги имеют явные преимущества по сравнению с Эсперанто, например, средний европеец легко прочтет текст на языке интерлингва без словаря.

Поэтому будущее межнационального общения связано с работой эффективных систем машинного перевода с поддержкой голоса, но никак не с внедрением конлангов в качестве основных языков. Тем не менее, изучение и исследование конлангов и их применение в искусстве, в качестве хобби и в качестве средства моделирования и анализа естественных языков — актуально и необходимо.

К вопросу о классификации иноязычных терминов менеджмента в русском языке

Моряхина Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Пензенская государственная технологическая академия

В научной литературе достаточно широко освещен вопрос классификации заимствований с позиций разных подходов [1, 15, 21, 6, с. 124–126].

В данной статье рассмотрены типы иноязычных терминов менеджмента с позиции двух подходов.

Согласно генетическому принципу выделяют собственно заимствованные лексемы и интернационализмы.

Собственно заимствованные лексемы — это слова, которые давно мигрировали в русский язык и вполне ассимилировались. Л.П. Крысин называет такие слова освоенными [6, с. 124]. Их ассимиляция полностью закончилась, поэтому носители русского языка свободно употребляют их в процессе не только бытового, но и профессионального общения. Их иностранное происхождение не ощущается, и они легко образуют производные слова. Например: *мотив* — *мотивировка*, *мотивирующий*, *мотивационный*, *мотивировать*; *адаптировать* — *адаптация* — *адаптационный* (период), *адаптивные* (структуры)) [19].

По формальным признакам собственные заимствования полностью соответствуют своим прототипам в языке-источнике (например: *коллектив* нем. *Kollektiv* от лат. *collectivus*; *конфликт* англ. *conflict*, нем. *Konflikt* <лат. *conflictus*, *авторитет*, *администратор*, *канал*, *план*, *робот*, *директорат* и др.) [7, сс. 369, 394, 36, 41, 330, 596, 679, 260]. Заимствования с низкой частотностью употребления в русском языке легко заменяются русскими эквивалентами и употребляются среди определенной группы людей, поскольку не являются общепотребительными, например: *экаунтинг* — учет.

Интернационализмы — это термины не русского происхождения, которые существуют в других неродственных

ему языках с одним и тем же значением, но обычно оформляются в соответствии с нормами фонетики, орфографии и морфологии этих языков. Под интернационализмами В.В. Акуленко понимает морфемы, лексемы и фраземы сходного вида, которые регулярно отождествляются в синхронно сосуществующих языках [4, с. 113]. Они образуются на основе греко-латинских элементов (например, префикс макро-, микро- в словах *макросреда*, *микроэкономика*), а также отчасти используются слова и аффиксы итальянского, французского, испанского языков. По мнению С.В. Гринева, тенденция опираться при создании новых терминов на древнегреческие и латинские корни остается одной из ведущих в настоящее время [см. там же].

Интернационализмы необходимо отличать от евролатинизмов. Последние представляют собой слова греко-латинского происхождения, существующие в европейских языках, но имеющие не всегда одно и то же значение в разных языках. Они также оформлены по нормам этих языков и в основном входят в терминологию. Интернационализмы и евролатинизмы в подавляющем своем большинстве совпадают.

Однако среди интернационализмов наряду со словами греко-латинского происхождения выделяются слова индийского, персидского, арабского, китайского, русского, индийского и других языков, например: *алгебра*, *каучук*, *бунгало*, *балалайка*, *кенгуру*, *табак* и т.п. А среди евролатинизмов есть немало слов, которые относятся к интернационализмам лишь условно или вовсе не относятся к ним, так как они имеют свое значение, принятое в данном языке, и совсем иное в других языках. Эти слова называют «ложными друзьями переводчиков» [14, с. 191].

Примером может послужить термин латинского происхождения «*Konkurs*». В немецком языке это слово означает «банкротство, несостоятельность» [18, с. 285]. Значение же «соревнование, имеющее целью выделить наилучших участников, наилучшие работы» сохранилось и поныне в польском языке [7, с. 385], а в современном немецком языке это слово устарело и заменено на новые слова: «*Wettbewerb*» и «*Ausschreibung*» [18, сс. 563, 65]. Значением соревнования, состязания обладает французское слово *конкур* (*concours*), однако этот термин употребляется в конных скачках [7, с. 384]. При переводе эти особенности интернационализмов следует учитывать, пользуясь разными словарями.

На основе функционального принципа, вслед за Е.В. Мариновой, можно выделить эквивалентную и безэквивалентную заимствованную лексику (экзотизмы и варваризмы, или иноязычные вкрапления) [12].

Экзотизмами являются иноязычные по происхождению слова, употребление которых обусловлено необходимостью описания предметов и явлений экономической сферы в целом, и сферы менеджмента в частности. В естественных условиях экзотизмы применяются для описания быта, обычаев, обрядов, денежных единиц, одежды, особенностей государственного устройства и т.п.

Л.П. Крысин отмечает, что граница между заимствованными словами и экзотизмами исторически изменчива. Как только предмет или обычай осваивается в быту, то одновременно происходит и освоение его наименования, что, таким образом, превращает его в заимствованное слово. Так было, например, со словами *пальто*, *сюртук*, *футбол*, *хоккей*, *твист*, *фокстрот* и др. [6, с. 125]. Можно предположить, что в начале 90-х гг. XX века экзотизмами для русской жизни выступали слова *менеджмент*, *менеджер*, *маркетинг*, *контроллинг*, *менеджеризм*, *инжиниринг*, *инвестиции*, *ваучер* и др. Среди новых заимствованных слов в русской терминологии менеджмента можно выделить те, которые не имели эквивалентов и которые были заимствованы для наименования новых явлений и предметов, например: *чартер*, *экаунтинг*, *контроллинг*, *реинжиниринг*, *хеджирование*, *эквивиальность* и термины, имеющие эквиваленты в русском языке, например: *имидж* — образ; *ноу-хау* — идея, изобретение, *консалтинг* — консультация, консультирование, *инвестиции* — капиталовложения, *инновация* — новшество, *топ-менеджмент* — высшее руководство, *интеграция* — объединение, соединение, *офис* — контора [10, сс. 76, 36, 61, 77, 29, 35, 30; 52; 7, с. 299; 2, сс. 831, 801].

Однако в результате действия центростремительных тенденций происходит дезэкзотизация иноязычных тер-

минов (в частности англицизмов) и переходе их в разряд стилистически нейтральных слов (*менеджер* — руководитель, управляющий, *бизнес* — дело, *инжиниринг* — инженерно-консультационные услуги и работы).

Иноязычные вкрапления (или варваризмы) — это слова или сочетания слов, которые передаются на письме и в устной русской речи в основном графическими и фонетическими средствами языка-источника. Вопросами типологии иноязычных вкраплений, факторами, воздействующими на принципы их отбора и использования занимались Т.Ю. Листрова-Правда, А.А. Леонтьев и др. [9, с. 119; 8, с. 60–67].

Так, среди заимствованных терминов менеджмента доля иноязычных вкраплений сравнительно невелика (около 0,42 % от общего числа заимствованных однословных терминов). К ним отнесены, например:

— термины-композиции: *паблик-релейшинз* англ. *public relations*; «*ноу-хау*» англ. *know-how*; «*хендзон*» — англ. «*hands on*», букв. «взять в свои руки» [10, сс. 52, 473, 75];

— аббревиатуры: *TQM*, *BQ-система*, *MRP-1*, 2 и др. [20, с. 121; 11, сс. 163, 164; 10, сс. 52, 473, 75].

В специальном тексте иноязычные вкрапления отражаются не только латинскими буквами, но и русскими буквами, что, по сути, не меняет характера вкраплений. Листрова-Правда отмечает, что чаще всего встречаются частичные вкрапления, которые ассимилированы частично в составе русского предложения [9]. Например: «Пятый этап — доработка документа, который называется «*ренгисе*» «...» [5, с. 201]. «Краткосрочный найм на подсобные работы — система «*арбайто*»...» [11, с. 55]. В книге «*Non-Verbal Communication*» (невербальная коммуникация) Мехребиен показывает, что...» [13, с. 179]. «В связи с этим возникает представление о контроле *a posteriori*, т.е. о контроле, осуществляемом после выполнения какого-либо распоряжения...» [11, с. 101]. «...менеджмент — ... «управленческая мысль», сочетающая в себе науку, опыт, «ноу-хау»...» и др. [16, с. 6]. Следует отметить, что в учебной литературе в качестве иноязычных вкраплений встречается достаточное количество наименований фирм, организаций, передающихся на письме латинскими и русскими буквами. Однако в нашем исследовании изучение данных лексических единиц не является предметом интереса.

Таким образом, из анализа иноязычных терминов менеджмента, можно выделить несколько типов иноязычных слов по различным основаниям, среди которых значительная группа заимствованных и освоенных в русской среде терминов, интернационализмов. Реже встречаются экзотизмы и иноязычные вкрапления.

Литература:

1. Баш Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты / Л.М. Баш // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1989. — № 4. — С. 27–31.
2. Большой экономический словарь. / Под ред. А.Н. Азрилияна — 2-е изд. доп. и перераб. — М., 1997, 2002—864 с.

3. Виханский, О.С., Наумов А.И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс: учебник. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 416 с.
4. Гринев С.В. Терминологические заимствования: Краткий обзор современного состояния вопроса // Д.С. Лотте Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. — М., 1982. — с. 108—135.
5. Казначевская Г.Б. Менеджмент. Учебное пособие / Изд-е 2-е, доп. и перераб. — Ростов н/Д: «Феникс», 2002. — 352. (Серия «Учебники XXI века»).
6. Крысин, Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л.П. Крысин. — М.: Издательский центр «Академия» 2007. — 240 с.
7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Изд-во Эксмо, 2007. — 944 с. — (Библиотека словарей).
8. Леонтьев, А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь. // Вопросы культуры речи. — М., 1966. — Вып. 7. — с. 60—67.
9. Листрова-Правда, Ю.Т. Художественные функции немецких вкраплений в произведениях А.С. Пушкина. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1976, с. 78—84.
10. Лозовский Л.Ш., Райзберг Б.А., Ратновский А.А. Универсальный бизнес-словарь. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 640. — (Библиотека словарей ИНФРА-М).
11. Макаренко М.В., Махалина О.М. Производственный менеджмент: Учеб. Пособие для вузов. — М.: «Издательство ПРИОР», 1998. — 384 с.
12. Маринова, Е.В. Переходные явления в сфере иноязычной лексики. // Международный конгресс: Русский язык: исторические судьбы и современность. — Москва, МГУ. 18—21 марта 2004.
13. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. — М.: «Дело», 1992. — 702 с.
14. Михалев Б.А. Евrolатинский аспект метаязыка немецкой грамматики [Текст] / аспирант, научный руководитель — Л.Б.Копчук // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. Аспирантские тетради [Текст]. — СПб., 2008. — N 31 (69). — с. 190—199.
15. Огиенко, И.И. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык / И.И. Огиенко. — Киев, 1915. — 136 с.
16. Переверзев М.П., Шайденко Н.К., Басовский Л.Е. Менеджмент: Учебник / Под общ. ред. проф. М.П. Переверзева. — М.: ИНФРА-М, 2004. — 288 с. — (Высшее образование).
17. Производственный менеджмент: Учебник для вузов / С.Д. Ильенкова, А.В. Бандурин, Г.Я. Горбюцов и др.; Под ред. С.Д. Ильенковой. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. — 583 с.
18. Салищев В.А., Дикс Х. Новый немецко-русский экономический словарь. — М.: РУССО, 2000. — 608 с.
19. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. Пособие для учащихся. — М.: «Просвещение», 1978. — 727 с.
20. Фатхутдинов Р.А. Производственный менеджмент: Краткий курс. — СПб: Питер, 2004. — 283 с.
21. Хауген, Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Языковые контакты. — М., 1972. — Вып. 6. — С. 350—371.

Проблема соотношения категорий эврисемии и полисемии в лингвистике (на примере английского языка)

Плесская Екатерина Игоревна, студент

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград)

Проблема соотношения понятий широкозначности и многозначности активно изучается многими лингвистами. Трудности разграничения широкозначности (эврисемии) и многозначности (полисемии) нередко возникают и из-за частичной общности критериев, на основании которых выделяются рассматриваемые категории.

Общность явлений эврисемии и полисемии связана со свойством полиденотативности, открытым характером семантической структуры широкозначных и многозначных

слов, допускающим в процессе их употребления возникновение новых лексико-семантических вариантов. В свою очередь, в основе различия между данными лексико-семантическими категориями лежит тот факт, что полиденотативность широкозначных и многозначных лексем имеет разную природу.

Прежде чем подробнее рассматривать различие категорий эврисемии и полисемии, нам представляется целесообразным кратко проанализировать общие оп-

ределения данных явлений, которых придерживаются некоторые отечественные лингвисты.

Многозначность слова в языке давно исследуется лингвистами. Литература о полисемии и связанных с ней языковых явлениях весьма обширна. В ней представлены самые разнообразные концепции, вплоть до отрицания полисемии, в русском языкознании восходящего к А.А. Потебне. В данной статье мы придерживаемся классического определения полисемии, которое дает Т.И. Вендина. Исследователь определяет полисемию как наличие у одного слова нескольких связанных между собой значений. Данное определение полисемии в лингвистике и является классическим. Многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда слово вследствие семантических переносов, наряду с обозначением одного предмета или явления объективной действительности, начинает использоваться для обозначения другого, сходного с ним по некоторым признакам или свойствам. Потенциально любое слово языка может приобрести новое значение, когда в этом возникает потребность, поэтому многозначных слов в языке, как правило, больше, чем однозначных [2, с. 136]. Многозначность слова можно рассматривать как нарушение «закона знака», т.е. идеального одно-однозначного соответствия выражения и содержания. Не вызывает сомнения, что многозначность слов естественного языка не случайна. Одно-однозначное соответствие выражения и содержания в естественном языке было бы крайне неэкономичным, т.е. привело бы к резкому увеличению количеству единиц языкового кода, а это затруднило бы для носителей языка пользоваться им [5, с. 4].

Поскольку явление многозначности в лингвистике является в достаточной мере изученным, мы подробнее остановимся на определении другой категории — эврисемии, которую в нашем исследовании мы противопоставляем полисемии. Термин «широкозначность» был введен Н.Н. Амосовой, а термин «эврисемия» предложен позднее В.Я. Плоткиным и Гросулом. В обоих случаях это явление противопоставлялось обычной многозначности (полисемии) — и вычленилось из нее как лексико-семантическое варьирование особого рода [10, с. 111–112].

Анализ ряда работ отечественных семасиологов показывает, что большинство ученых склоняются к той точке зрения, что широкозначное слово обладает единым, инвариантным, предельно обобщенным значением. Например, похожее понимание широкозначности мы встречаем у Е.И. Малютиной, которая утверждает, что значение широкозначного слова настолько обобщено, что оно грамматизируется [6, с. 124], Е.А. Евдокимовой, определяющей широкозначность как обобщение или степень обобщенности той или иной лексической единицы [3, с. 176], О.Е. Федосовой, которая определяет широкозначные слова как слова с сигнификативным обобщенным значением [8, с. 219] и многие другие.

П.С. Федюк так же изучал явление широкозначности. По мнению ученого, у широкозначного слова существует

одно общее значение и множество конкретных вариантов. То есть основу широкозначной лексемы представляет некая неподвижная семантическая база, за которой закрепляются контекстуально-суженные смысловые варианты. Он поясняет это на примере английской лексемы *thing*, представляющей любую данность, служащую предметом мысли или более узко — «вещь, предмет, нечто, кое-что», и которая в быту может называть ложку, кусочек мыла и т.п. Из чего следует, что все последующие обозначаемые входят в сферу обозначения первого, поскольку сведенные до минимума дифференциальные признаки в составе его значения соотносимы с практически неограниченным кругом денотатов, заданных контекстом. Таким образом, в основе значения слова широкой семантики лежит максимально обобщенный и абстрагированный признак, на основании которого данное слово оказывается семантически совместимым со всеми предметами или явлениями, обладающими этим признаком [9, с. 201].

М.В. Никитин под широкозначностью понимает иное, гораздо более свободное качество связи между десигнатором (формой слова) и десигнатом (содержанием, значением слова). Слово в широкозначном употреблении не привносит свое значение в суммарное значение словосочетания, а само наделяется им из словосочетания как часть того, что остается на его долю за вычетом значений других компонентов словосочетания [10, с. 122]. Е.И. Малютина разделяет точку зрения М.В. Никитина, подчеркивая, что значение слова с широким значением утрачивает лексическое значение: широкозначные слова не привносят в контекст своего значения, а сами «питаются» из него [6, с. 123].

Многообразие подходов и подчас противоположных точек зрения на проблему эврисемии обуславливает актуальность исследования вопросов, связанных с данной проблемой. Также следует подчеркнуть, что широкозначность неравномерно представлена у разных частей речи, поскольку неравномерно распределяется в этом плане вся аналитическая лексика. В ней преобладают глагольные лексемы, и потому широкозначных глаголов больше, чем широкозначных существительных. Таким образом, труды ученых по вопросу широкозначных слов в большинстве случаев посвящены рассмотрению широкозначных существительных и глаголов. Широкозначным словам других частей речи, как правило, уделяется незначительное внимание.

Явления многозначности и широкозначности в языке являются похожими, но принципиально различными лексическими явлениями. Обычно широкозначность рассматривается как некая неопределенная многозначность, так как словари дают разные количества значений, подчас семантическая структура столь велика, что непонятно, как она функционирует. Можно сказать, что явлению широкозначности не уделялось должного внимания: исследователи, которые затрагивали эту проблему, останавливались на полпути, и к настоящему времени нет ответа на вопрос, как определить пределы значения широкозначного слова.

Остается также неясным, в чем разница между двумя лексическими явлениями и есть ли она вообще. Эта проблема представляет сугубо лингвистический интерес, поскольку обычный носитель языка никогда не задумывается, какое из значений многозначного слова актуализируется при его использовании в речи [6, с. 123].

Н.Н. Амосова рекомендует не смешивать широкое значение с множественностью значений одного и того же фонетического слова, в связи с тем, что при совокупности разных значений слова в структуре его многозначности происходит процесс конкретизации данного слова при употреблении его в речи. В связи с чем широкое значение слова само содержит в себе возможности многоразличных конкретизаций, обусловленных контекстом или речевой ситуацией. Контекст или ситуация именно конкретизируют, но не изменяют и не элиминируют широкое значение слова, которое остается основой любого своего сузженного варианта, или подзначения [1, с. 114].

Согласно другой точке зрения, широкозначность — особый вид многозначности, когда у слова развивается неограниченное количество значений и слово в широком употреблении утрачивает качество самодостаточной номинативной единицы [6, с. 124]. М.В. Никитин не разделяет данную точку зрения, отмечая, что широкозначность следует понимать не как разновидность многозначности, расположенную на шкале максимальных ее значений, сколько как особое запредельное семантическое состояние некоторых слов. Специфика этого качества означивания состоит в том, что при определенных условиях слово получает возможность запредельно расширить диапазон семантического варьирования и выходить за нормативные пределы моделированной деривации значений, поддерживающие целостность семантической структуры [10, с. 113].

П.С. Федюк также отмечает, что относительно высокая частотность употреблений, свойственная широкозначным словам, напрямую зависит от их полиденотативности как результата речемыслительной реконструкции непосредственного языкового содержания и способности обозначать самые разнообразные предметы и явления окружающей действительности. Тем не менее, факт относительно большей частотности широкозначных лексем по сравнению с многозначными дает основание предполагать наличие у первых более высокой степени полиденотативности, поскольку денотаты многозначного слова могут быть ограничены зафиксированными на данный момент значениями, а денотаты широкозначной лексики определяются множеством теоретически возможных контекстов. Однако границы между этими двумя явлениями настолько размыты, а их денотаты количественно не определены, что трудно отрицать наличие признака полиденотативности у хорошо развитых многозначных лексем [9, с. 202].

Многие ученые (Е.И. Малютина, В.В. Елисеева, Н.Н. Амосова, А.М. Плотникова) сходятся во мнении, что многозначное слово включает в себя множество значений, в то время как широкое слово обладает

единственным обобщенным значением, которое конкретизируется и изменяется в зависимости от ситуации. Так, Е.И. Малютина считает, что широкое значение хранится в памяти человека в виде одного системного значения (и этим оно отличается от традиционного понимания полисемии как явления языка), а реализация многочисленных речевых значений (лексико-семантических вариантов) есть полисемия на уровне речи [6, с. 127].

Похожую идею развивает В.В. Елисеева, которая так же считает, что многозначное слово обладает в языке несколькими значениями. В условиях речевого использования выбору одного из значений способствует контекст. Широкозначное слово, напротив, вне контекста однозначно, но это единственное значение соотносится с несколькими разными объектами мысли. Слово, таким образом, имеет широкую семантическую референцию, его понятийный объем велик, а конкретное содержание уточняется (но не меняется) в условиях речи, т.е. в контексте [4, с. 47].

Данной точки зрения придерживается и А.М. Плотникова, которая заключает, что понятия «широко развитая многозначность» и «широкозначность» не являются синонимичными, поскольку в первом подчеркивается количественный аспект явления (наличие множества значений), а во втором — семантический (обобщенный характер семантики, широкая референция, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями) [7, с. 85].

Проведя анализ контекстов, мы утверждаем, что при употреблении широкозначных слов в различных контекстах происходят такие существенные модификации семантики, при которых связь контекстуальных значений с основным, общим значением становится неочевидной: *letters are getting ever harder to ignore* (письма становятся всё сложнее игнорировать), *they thought they would just get away* (они думали, что просто уедут), *they couldn't get a job* (они не могли найти работу), *she won't get jealous* (она не будет завидовать), *he should get a secretary* (ему нужно найти секретаря), *I wanted to get her a present* (я хотел подарить ей подарок) и т.д. Это согласуется с хорошо известной в семасиологии закономерностью, сформулированной Г.В. Колшанским: «Чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста» [7, с. 35].

Многозначные же слова, наоборот, как правило, не имеют обобщенного сигнификативного значения, а имеют несколько связанных между собой значений, которые актуализируются в конкретных ситуациях. Например, случаи употребления слова *play* ярко демонстрируют данное утверждение: *the children play indoors when it rains* (когда идет дождь, дети играют дома), *he taught young ladies to play billiards* (он научил молодых леди играть в бильярд), *just then the music began to play* (именно тогда начала играть музыка), *Miss Kelly plays Marie* (мисс Келли играет роль Мари), *it's no good playing at business, you have to take it seriously* (в бизнес не играют, это дело серьезное) и т.д.

Из вышесказанного следует, что широкозначные слова имеют одно общее значение, и в определенных ситуациях приобретают узкие значения, и поэтому их значение всецело зависит от контекста. Именно поэтому иногда связь основного и контекстного значения может быть совершенно неочевидной, что зачастую вызывает значительные трудности при переводе. Многозначные же слова имеют множество значений, которые лишь конкретизируются в зависимости от ситуации употребления.

Наиболее убедительной, на наш взгляд, является точка зрения Е.И. Малютиной на проблему соотношения кате-

горий многозначности и широкозначности. Главная идея состоит в том, что многозначное слово включает в себя множество значений, в то время как широкозначное слово обладает единственным предельно обобщенным, сигнификативным значением.

Сосуществование различных точек зрения на проблему соотношения полисемии и эврисемии дает нам возможность утверждать, что данная проблема является дискуссионной и многогранной, а явление эврисемии в лингвистике представляется очень сложной и остается мало изученной. Данная тема представляется интересной и актуальной для изучения.

Литература:

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии: издательство Ленинградского университета 1963. — 208 с.
2. Вендина Т.И. Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов. — М., Высш. шк., 2001. — 288 с.
3. Евдокимова Е.А. Местоимение *it* как широкозначное слово // Ярославский педагогический вестник. № 2 (59). 2009. С. 176–178
4. Елисеева В.В. «Лексикология английского языка». 2005. — 80 с.
5. Литвин, Ф.А. Многозначность слова в языке и речи: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. N 2103 «Иностранный язык»/ Ф.А. Литвин. — 2-е изд., стер.. — М.: КомКнига, 2005. — 118 с.
6. Малютина Е.И. Широкозначность против полисемии на уровне языка и речи (на материале глаголов современного английского языка). Общественные и гуманитарные науки. 2008. С. 123–127
7. Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. — 210 с.
8. Федосова О.В. Глаголы широкого значения в испанском обиходном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 1. 2010. С. 218–221
9. Федюк П.С. Специфика определения критериев широкозначности лексических единиц // Филология. 2009. С. 200–204.
10. Язык. Человек. Общество: междунар. сб. науч. трудов (К 60-летию проф. В.Т. Малыгина)/ М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Владим. гос. пед. ун-т. — СПб.; Владимир, 2005. — 514 с.

Концепт *Meer* в интертекстуальном пространстве художественного мира Новалиса

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Ленинградский социально-педагогический колледж (Краснодарский край)

К настоящему времени в лингвистике сложилось две различные традиции употребления термина «смысл»: 1) смысл как синоним или часть значения; 2) смысл как оппозиция значению. В рамках нашего исследования в целом и данной статьи в частности, вслед за учеными-лингвистами (М.М. Бахтин, А.В. Бондарко (1978), Г.И. Богин (1993), А.А. Потебня (1993) и др.), мы разграничиваем понятия «значение» — «смысл».

Рассмотрим взгляды исследователей на данную дихотомию. Работая над проблемой разведения значения и смысла, А.А. Потебня писал: «Не трудно вывести из разбора слов какого бы то ни было языка, что слово, собственно, выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак (...)» [9, с. 114]. По

нашему мнению, исследователь ведет речь о разграничении значения и смысла по принципу объективности/ субъективности, где объективное относится к значению, субъективное — к смыслу.

М.М. Бахтин в своих исследованиях говорит о смысле высказывания и о смысле слова как аббревиатуры высказывания. Исследователь утверждает, что высказывание как единица речевого общения в отличие от языковых единиц имеет «не значение, а *смысл*» [2, 305].

В.П. Литвинов рассматривает значение как «принадлежащее языку средство для выражения внеязыкового смысла» [8, с. 23]. Под смыслом исследователь понимает «любую информацию, получаемую в процессе отражения объективной действительности в человеческом сознании

(не обязательно мышления!). Смысл принадлежит практике» [8, с. 23]. Значение и смысл, по мнению ученого, находятся в привативном отношении. Значение является средством на службе смысла [8, с. 24].

В свою очередь А.В. Бондарко, говоря о значении, имеет в виду содержание единиц и категорий данного языка, включенное в его систему и отражающее ее особенности, план содержания языковых знаков. В отличие от значения, смысл — это содержание, не связанное лишь с одной формой или системой форм данного языка, — то общее, что объединяет синонимичные высказывания и высказывания, сопоставляемые при переводе с одного языка на другой [4, с. 51–63].

В своей работе «Переход смыслов в значения» Г.И. Богин четко разграничивает значение и смысл, повествуя о том, что смысл всегда ситуационен, обусловлен контекстом, принадлежит речи и первичен по отношению к значению, которое, в свою очередь, внеконтекстно, не-ситуационно, принадлежит языку, производно от смысла, социально институционализировано и формулируется, в отличие от смыслов, создаваемых всеми и каждым, исключительно составителями словарей [3, с. 9].

Обобщая взгляды исследователей на дихотомию значение-смысл, отметим, что противопоставление значения и смысла осуществляется на основе принадлежности разным языковым носителям: значение относится к слову, смысл — к предложению. Другими словами о смысле слова можно говорить только в контексте. В отличие от значения смысл принадлежит не только сознанию, но и подсознанию. Бессознательное есть одна из ипостасей смысла, наиболее необходимая при освоении художественных текстов.

В процессе изучения дихотомии «значение-смысл» вскрывается третье понятие — концепт. Появление термина «концепт» произошло вследствие того, что «возникла необходимость выработки нового термина для обозначения содержательной стороны языкового знака, так как традиционные «значение» и «смысл» функционально ограничены» [5, с. 64]. Кроме того, как отмечает в своих исследованиях Р.М. Фрумкина, введение в рамки лингвистических исследований термина «концепт» явилось результатом сдвига в ориентациях: «от трактовки смысла как абстрактной сущности, формальное представление которой отвлечено и от автора высказывания, и от его адресата» [15, с. 30], к изучению смысла, «существующего в человеке и для человека» [16, с. 89].

Изучая вопрос о природе индивидуальных концептов, мы отмечаем, что они довольно разнообразны. В качестве индивидуальных концептов, как замечает И.П. Черкасова, могут выступать концепты, «репрезентированные в художественных текстах и образующие авторскую концептосферу» [14, с. 6]. Другими словами, речь идет о художественном концепте, который рассматривается как единица индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованная в едином тексте творчества писателя. [11, с. 77–78] Более того, по замечанию И.П. Чер-

касовой, художественный концепт, являясь вариантом индивидуального, обладает рядом особенностей, предопределенных художественным дискурсом, в рамках которого существует [14, с. 6].

Материалом нашего исследования как вариантом художественного произведения послужили литературные сказки Новалиса, которые несут в себе некий смысл или даже совокупность смыслов. Ю.С. Райнеке отмечает: «Автор играет с текстом, играет с читателем. Игровое отношение к слову позволяет находить новые его смыслы, спрятанные в нем» [10, с. 73].

Для постижения смысла (концепта) в литературной сказке необходимо «формирование слова с однозначно очерченным смыслом» [14]. Возникновение смысла слова в тексте, представляющий собой процесс кристаллизации был подробно исследован в работах И.П. Черкасовой [13, 14]. Согласно концепции исследователя ключевое слово в тексте играет роль точки кристаллизации, является «центром», «фокусом», от которого потом «расходятся круги» понимаемого содержания, оно постепенно обрастает смыслом, вбирая в себя все контекстуальные значения. Изучение процесса кристаллизации позволяет не только определить базовые смыслы, но и проследить процесс их взаимодействия, а иногда и вытеснение одних смыслов другими» [14, с. 82].

В рамках данной статьи мы представляем процесс кристаллизации смысла концепта **Meer** (*море*) в сказке Новалиса «В давние времена...».

Meer — море, океан — в тексте Новалиса представляется как море жизни, которое предстоит пересечь человеку, это хаос, материальное существование. Поэту-страннику предстояло пересечь земную жизнь, чтобы попасть в неизведанный, таинственный мир (*ein fremdes Land*): «...dass also dieser Tonkünstler übers Meer in ein fremdes Land reisen wollte...» [12, с. 220].

Темные силы зла стремятся утопить человека в «водах» рутинной жизни, подчиняя его инстинктам и уничтожая в нем все духовное, оставляя лишь материальное: «...dass sie unter einander verabredeten, sich seiner zu bemächtigen, ihn ins Meer zu werfen...» [12, с. 220–221], «Wie sie also mitten im Meere waren...dass er sterben müsse, weil sie beschlossen hätten, ihn ins Meer zu werfen...» [12, с. 221].

Ограниченность земного мира поглощает человека и превращает его в своего раба, который неустанно трудится во благо материальности, забывая о духовном: «...vor ihren Augen freiwillig ins Meer springen...» [12, с. 221]. Но сильный духом человек — властелин своей судьбы — способен выбраться из жизненных сетей (оков, пучины) материальности и отыскать свой «берег», где царит гармония и единство: «Nach einiger Zeit ging er einmal am Ufer des Meers allein...» [12, с. 221]. Земная жизнь скрывает в себе духовные сокровища, суть которых заключается в человеческом стремлении приблизиться к своей истинной природе и ее постижению: «...das die Schätze im Meere aufsuchte...» [12, с. 222].

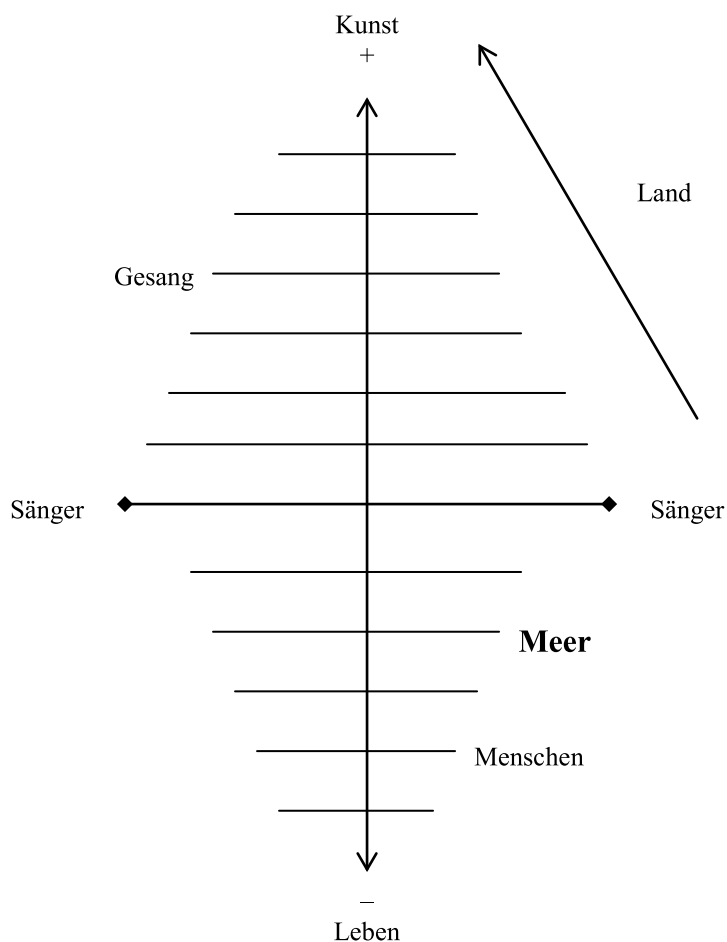

Схема 1. Система базовых концептов Новалиса в сказке «In den alten Zeiten...»

В результате мы обнаруживаем следующие смыслы «*Meer*» (море):

1. Жизнь земная суть хаос, ограниченность, материальность.
2. Материальные блага превращают человека в марионетку, подчиняя его себе.
3. Материальное богатство не сравнимо с духовным сокровищем, которое присуще каждому живущему на земле.
4. Лишь сильный духом, целеустремленный человек способен к духовному совершенствованию и познанию себя и Бога в себе.

Вследствие выше изложенного концепт **Meer** представляется нам как символ обыденности и повседнев-

ности мирской (земной, материальной) жизни, что отражено в схеме 1, где пограничную зону являет собой *Sänger*, разделяющий мир на духовный и материальный. Человек (*Sänger*) растворяется в обыденности и повседневности мирской (земной) жизни (*Meer*), сливаясь с толпой, массой (*Menschen*). Его жизнь ничтожно коротка (*Leben*) и ограничена временем. Но у *Sänger* есть иной путь выбраться из жизненной бездны, пучины. Прислушиваясь к своему внутреннему «Я», он способен возродить в себе новую жизнь, достичь гармонии и единства (*Gesang*) и устремиться (*Land*) к миру совершенному, вечному, истинному (*Kunst*).

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 423 с.
2. Богин Г.И. Переход смыслов в значения // Понимание и рефлексия. Ч.2. Тверь, 1994. С. 8—16.
3. Бондарко А.В. Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. — СПб., 1998. — С. 51—63.
4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. с. 64—72.
5. Литвинов В.П. Типологический метод в лингвистической семантике. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1986. — 168 с.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. — СПб., 1892

7. Райнеке Ю.С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — М.: 2002. — 212 с.
8. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003.
9. Черкасова И.П. Лингвистический анализ элегий Р.М. Рильке (лексика и синтаксис «Дуинских элегий»): Дисс. канд филол. наук. — Пятигорск, 1997. — 242 с.
10. Черкасова И.П. Лингвокультурный концепт «ангел» в пространстве художественного мышления: Монография. Армавир: Ред.-издат. центр АГПУ, 2005. 256 с.
11. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Язык и наука конца XX века. Под ред. Ю.С.Степанова. М., ИЯЗ РАН—РГГУ, 1995.С. 74—117.
12. <http://www.zeno.org/Literatur/M/Novalis/Romane>

Случаи несоответствия в передаче русских глаголов отношения и состояния на таджикский язык

Холикова Зухро Кенджаевна, кандидат филологических наук, ст.преподаватель
Таджикский национальный университет (г. Душанбе)

Глаголы со значением **отношения** и **состояния**, как в русском, так и в таджикском языках, широко употребляются в разговорной и литературной речи. В обоих языках мы разделяли данную лексико-семантическую группу (ЛСГ) глаголов на 6 подгрупп: 1. глаголы со значением «любви и ненависти», 2. глаголы со значением «недовольства», 3. глаголы со значением «увлечения», 4. глаголы со значением «удивления», 5. глаголы со значением «боязни», 5. глаголы со значением «радости и насмешки».

Все глаголы данной ЛСГ распадаются на две тематические группы: глаголы, выражающие **положительные** эмоции (любви, увлечения, радости, удивления), и глаголы, выражающие **отрицательные** эмоции (недовольства, боязни, насмешки). Глаголы, выражающие чувство **удивления** нейтральны (можно удивляться от радости и можно удивляться от горя).

Как видно из наших наблюдений, данные ЛСГ глаголов по семантике пересекаются слабой или сильной семой интенсивности, например; **любить** — говорить о сильных чувствах, **нравиться** — слабая сема любви.

При анализе нашего фактического материала, извлеченные нами из произведений великих русских писателей в переводе на таджикский язык (Л. Толстой «Война и мир», М. Шолохов «Тихий Дон»), были выявлены случаи несоответствия русских глаголов со значением отношения и состояния в таджикском языке.

Согласно теории А.В. Федорова (1) случаи несоответствия мы разделили на:

1. лексическое несоответствие;

в данном примере русский глагол **любить** передан на таджикский язык фразеологизмом **дил бастан (2)**;

... **люблю** сына князевского. (1, с. 38). — ... **дил** ба шоъзода **бастам**... (с. 51).

Жалеть тебя буду... (2, с. 61) — Ба ту **дилсўзи мекунам**... (с. 78)

Или, наблюдаются случаи передачи глагола **жалеть** фразеологизмом **дилсўзи кардан (3)**. Сравним;

А бабушка **жалела** вас...? (с. 34). — Хайр бибиатон ба шумо **дилсўзи мекард**...? (с. 38).

...вот через это и **жалею** я всех молодых юношей, какие в войсках служат, на войне воюют... (с. 33). — ... ана барои ӯамин ӯам ба ӯамаи навъавонӯ, ки дар қӯшун хизмат мекунад, дар майдони ӯанг меӯангиданд, **дилам месӯзад** (с. 36).

В Словаре фразеологизмов современного таджикского языка устойчивое сочетание **ба ӯон расидан (доводить до бескрыности, надоедать)** рассматривается как фразеологизм (4). Сравним:

Замучили меня эти визиты, — сказала она (1, с. 47). — Ин омаду рафтӯ **ба ӯонам расонданд** — гуфт ӯ (с. 66).

Встретилась передача значения глагола **теряться** фразеологизмом **дасту по хӯрдан** в таджикском языке (4). Сравним:

Аксинья **терялась** в его присутствии ... (с. 189). — Аксинья дар ӯзури вай **дасту по мехӯрд**.

2. грамматическое несоответствие:

Глаголу **презирать** эквивалентом в РТС является глагол **нафрат кардан, бад дидан** (см. 3 подкласс слов). Но в данном предложении глагол **презирать** употреблен в значении **не признавать (писанд накардан)**.

В художественном тексте ... но рослый служивый конь, как видно **презирал** свою хозяйку... (с. 383). — ... аммо аспи коматбаланди ӯангӣ зоӯиран соӯибаи худро **писанд намекард**... (с. 448).

Мы считаем, что был бы приемлем вариант **соӯибаи худро наӯз намедид**, в связи с тем, что такие чувства, как **ненависть** и **презрение**, относятся не к животным, а к людям.

Или другой пример, где глагол **ба ӯзаб омадан** (шуридан) в Таджикско-русском словаре имеет эквивалент

злиться (5). Но в данном *примере* наблюдается семантическое несоответствие русского глагола *сердиться*, употребленного в значении *злиться*, таджикским глаголом *оташин шудан* (*сердиться* — *аз касе хафа, малол шудан, ФРТ*), употреблен в значении *злиться*. Сравним:

Фельдмаршал *сердится* на государя (1, с. 469). Фельдмаршал аз подшоъ *оташин мешавад* (с. 126).

Поэтому мы считаем, что такие переводы, хотя и полностью передают негативное состояние субъекта, относятся к случаям несоответствия.

3. переводческая трансформация;

в основном встречались случаи **грамматической трансформации с глаголами со значением боязни**. В данном примере деепричастие *боясь* на таджикский язык передаётся словосочетанием — аз тарси он ки;

Сам Бонапарт со всею гвардией двигался к полю сражения, *боясь* упустить готовую жертву... (с. 214). — Худи Бонапарт *аз тарси* он, ки ғанимати тайёр мабодо аз даст наравад, ба сӯи майдони ӯарбу зарб ӯаракат мекард (с. 255).

Русский глагол *испугать* на таджикский язык передаётся описательно в значении *внушать в чье-либо сердце страх* (*ба дили касе воъима андохтан*). Сравним:

— И разгоряченная, чуждая физиономия этого человека, который со штыком наперевес, сдерживая дыхание, легко подбегал к нему, *испугала* Ростова (1. с. 237). — Вальонати оташинона ва бегонаи ин одам, ки сарнайза-

ашро ба пеш нигаронида буд, *ба дили* Ростов *воъима андохт* (с. 280).

4. добавление

Такие случаи нам встретились с глаголами «увлечения» и «удивления». Например, в таджикском языке глагол *саргарми тамошо шудан* в русском языке имеет эквивалент (смотреть на что-либо и всецело отдаваться чему-нибудь), то есть по значению является эквивалентом глагола *любоваться*. Но в данном примере наблюдается случай добавления предложным сочетанием бо *завк саргарми тамошо шудан*. Мы считаем, что в данном примере *бо завк* является лишним компонентом в передаче значения данного глагола. Сравним;

Пантелей Прокофьевич долго *любовался* им, а потом случайно глянул ... (2, 234) — Пантелей Прокофьевич хеле вақт *бо завк саргарми тамошои* ин бута *шуда*, баъд иттифоқан чашмаш ба ... (с. 260).

В семантическом плане сочетание *саргарми тамошо шудан* (*смотреть с восхищением на что-л.*) вполне может передавать значение глагола *любоваться* в таджикском языке.

Таким образом, можно сделать вывод, что не всегда глаголы ЛСГ со значением отношения и состояния в русском языке могут передаваться на таджикский язык одним глаголом. Их эквивалентом в таджикском языке могут выступать: а) сложно именные глаголы, б) словосочетания, в) фразеологизмы, г) описание и т.д.

Литература:

1. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. — М.: ООО «Изд. дом» Филология три, 2002.
2. М. Фозилов, Фаръанги ибораҳои рехта, 1963, с. 280
3. М. Фозилов, Фаръанги ибораҳои рехта, 1963, с. 350.
4. М. Фозилов, Фаръанги ибораҳои рехта, 1961
5. Фаръанги русӣ бо тоҷикӣ, Душанбе, 2006 с., С. 267

Внутренняя синонимия обстоятельственных фразеологизмов русского языка

Чепуренко Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент
Челябинский государственный педагогический университет

«Для современного фонда русского языка чрезвычайно характерна синонимичность фразеологических единиц», — писал А.М. Бабкин в своей монографии 1970 года [1, с. 7]. С тех пор данное положение неоднократно подтверждалось в процессе исследования разнообразного фразеологического материала. Обстоятельственные фразеологизмы, являющиеся объектом нашего рассмотрения, не стали исключением.

С одной стороны, фразеологическая синонимия имеет ту же природу и сущность, что и синонимия лексическая. «Синонимом в полном смысле следует считать такое слово, — подчеркивает А.П. Евгеньева, — ко-

торое определилось по отношению к своему эквиваленту (к другому слову с тождественным или предельно близким значением) и может быть противопоставлено ему по какой-либо линии: по тонкому оттенку в значении, по выражаемой экспрессии, по эмоциональной окраске, по стилистической принадлежности, по сочетаемости, а следовательно занимает свое место в лексико-семантической системе литературного общенационального языка» [5, т. 1, с. 11]. Г.А. Шиганова отмечает ту же особенность у фразеологизмов: «На наш взгляд, фразеологические синонимы представляют собой единство тождества и различия: тождество проявляется в том, что они обозначают

одно понятие, а различие — в способности уточнять, детализировать смысловые оттенки понятия и выражать стилистические различия» [7, с. 264–265].

С другой стороны, фразеологическая синонимия характеризуется специфичностью, которая отмечается многими исследователями. Так, Н.А. Павлова пишет: «Синонимия фразеологизмов — это синонимия структурно-семантическая, поскольку фразеологизм по своей природе «сверхсловное» образование: весь фразеологизм обозначает одно сложное нерасчлененное понятие. Вследствие этого специфичность фразеологической синонимии по сравнению с лексической predeterminedена структурной раздельностью фразеологизма при слитности его значения» [4, с. 150]. Названное свойство фразеологических единиц позволяет им синонимизироваться не только друг с другом, но также со словами и их сочетаниями, то есть формировать так называемые «внутренние» и «внешние» синонимические связи.

Охарактеризуем внутренние синонимические связи обстоятельственных фразеологизмов, выявленные в нашем материале. Анализ показал, что в синонимические отношения друг с другом вступает около 950 фразеологических единиц обстоятельственной семантики, образуя 157 синонимических рядов и пар. При этом нужно иметь в виду, что «эти связи (синтагматические и парадигматические. — А.Ч.) существуют между моносемичными единицами или между отдельными значениями многозначных единиц, т.е. значения слов и фразеологизмов ведут себя «самостоятельно» [2, с. 24], поэтому одна и та же многозначная единица может входить в несколько синонимических рядов.

Внутренние фразеологические синонимы характеризуются отнесенностью не только к одной категории и субкатегории (обстоятельственных фразеологизмов), но и к одной группе, подгруппе и т.д. внутри данного семантического объединения, отличаясь при этом оттенками индивидуального фразеологического значения и/или стилистической, эмоциональной, экспрессивной окраской. Кроме того, как пишет А.М. Чепасова, «члены одного синонимического ряда имеют одинаковую синтаксическую сочетаемость <...> лексико-семантическая сочетаемость фразеологизмов-синонимов близкая, частично совпадающая» [6, с. 231].

Наибольшее количество синонимических рядов (по нашим данным, 59) образуют фразеологизмы семантической категории времени, что естественно, так как названная категория самая представленная среди обстоятельственных фразеологических единиц. В синонимические отношения вступают 79,5 % фразеологизмов данной категории, что объясняется, на наш взгляд, широтой, обобщенностью и абстрактностью значения времени.

Обобщенностью различных временных значений определяется и относительная распространенность многочисленных синонимических рядов. Так, в нашем материале 16 рядов включают в свой состав от 10 до 20 членов. На-

пример, понятие 'никогда' выражают 20 единиц (*в жизни, в (о) век (и) веков, веки вечные, до веку, до конца <своей, моей> жизни, до конца дней <своих, моих>, до <самой> смерти, до гроба (гробовой доски), до окончания века, когда ворон побелеет, когда рак <на горе> свиснет, после дождичка в четверг, как своих ушей, на веку, ни разу <в жизни>, ни в какие веки, ни днем ни ночью, ни зимой ни летом, от века, от роду (-а)), понятие 'сразу, немедленно' — 18 единиц (<в> тот же час, в ту же <самую> минуту (секунду), в то же <самое> мгновение, в тот же <самый> миг (момент), не сходя с места, не теряя времени, по свежим (-ему) (горячим (-ему)) следам (-у), сей же час, сию минуту (минутку), сию секунду, сей момент, сейчас же, сразу же, с первого взгляда, с первых дней, теперь же, тотчас же, тут же), 'всегда' — 15 единиц (*во все времена, во всякое время, во всякий час, все время, всю <свою> жизнь, всю дорогу, в (о) век (и) веков, веки вечные, век от века (-у), по вся дни, днем и ночью, <и> день и ночь, дни и ночи, денно и ночью, <и> зимой и летом (зиму и лето)), 'издавна' — 11 единиц (*испокон (спокон) века (-у, -ов), от (с) сотворения мира, от века, с давнего времени, с давних пор (дней, лет), с ранних пор, с Адама <и Евы>, с незапамятных времен, с древнейших (доисторических) времен, со времен царя Гороха, с <самого> начала <времен>).***

Наряду с этим не нарушается существующая и давно выявленная закономерность: преобладают в количественном отношении ряды, состоящие из 2, 3 и 4 членов (в семантической категории времени нами выявлено 22 таких ряда) и выражающие, как правило, более узкие, конкретные понятия, например: 'в молодости' — *на заре жизни, на утре дней, в (о) цвете (расцвете) лет (сил), по молодости (младости) <лет>, 'в старости' — под старость, на старости лет, на склоне лет (жизни, дней), на закате (исходе) дней, 'после смерти' — за гробом (дверью гроба), за могилой, за могильной чертою, 'в конце дня' — под вечер, на (в) исходе дня, 'в младенчестве' — в пеленках, из пеленок, 'в свободное время' — на досуге, на свободе. Как пишет Л.П. Юздова, «двучленные, трехчленные синонимические ряды способны выразить одно понятие наиболее точно, большее количество членов синонимического ряда делает понятие размытым» [8, с. 171].*

Среди фразеологизмов семантической категории места нами выявлено 37 синонимических рядов с разным количеством членов (от 2 до 29). Их образуют 210 единиц, что составляет 76,5 % от общего количества пространственных фразеологизмов.

Единицами самого большого в количественном отношении ряда выражается предельно широкое понятие 'везде, повсюду': *везде и всюду, где ни на есть, где <ни> попало, где угодно, где хочешь (хотите), горе и долу, куда ни глянь (глянешь), куда ни кинь (брось) <взгляд>, куда ни кинешь глазом, куда (где) ни обе-*

рнись (повернись), куда ни погляди (те), куда ни ткни <пальцем>, куда (насколько) хватает (хватало) глаз, на каждом перекрестке, на всех перекрестках, на каждом углу, на всех углах, на всех фронтах, на каждом (всяком) шагу, налево и направо (направо и налево), от края <и> до края, по всем концам, по <всему> <бел (ом)у> свету, семо и овамо, со всех концов (сторон, волостей), сплошь и (да) рядом, <и> там и тут (сям, здесь) (там-сям), хоть где, что <ни> шаг. Нужно отметить, что в лексическом фонде русского языка синонимические ряды с таким количеством членов практически отсутствуют.

Многочленными являются также синонимические ряды, выражающие антонимичные понятия 'близко, рядом' — 16 единиц (в шаге, в двух (трех, пяти, десяти, нескольких) шагах, в пяти минутах, на (в) глазах, на подходе, на пороге, на шаг, не за горами, не за морем (морями), не за семь верст, по соседству, под <самым> боком, под (перед, пред) <самым> носом, под рукой (-ою, -ами), рукой подать, у порога) и 'очень далеко' — 10 единиц (в дали <далекой>, в тридесатом (тридевятom) царстве <тридесатом (тридевятom) государстве>, в другом измерении, за (на) версту (за семь верст); за горами (морями), за долами (за семью холмами, за семью долами); не ближний (близкий) свет, у черта на куличках (рогах), бог знает (весть, ведает) где, черт знает где, черт-те где). Значение последних десяти перечисленных фразеологизмов часто осложняется семантическим элементом 'неизвестно где', который делает и без того широкое значение 'очень далеко', так сказать, «неопределенно» широким и создает благоприятные условия для включения в этот ряд большого количества членов. Сказанное относится и к другому десятичленному синонимическому ряду, выражающему понятие 'куда-то, в неизвестном или неопределенном направлении': в никуда, к черту (чертям) на кулички (рога), куда глаза глядят (смотрят), куда ноги (стоны) понесут, куда попало, на деревню дедушке, на кого бог нанесет, на (за) кудыкину (-ы) гору (-ы), не бог весть (ведает, знает) куда, неизвестно (неведомо, невесть, незнамо) куда.

Более половины синонимических рядов в данной категории (а именно 22) включают в себя от 2 до 4 единиц и выражают более узкие понятия, например: 'здесь' — вот тут, тут же, без отрыва, на месте, 'в людном, беспокойном месте' — на тычке, на <самом> ходу, на <самом> юру, 'впереди' — перед (пред) глазами, перед <самым> носом. Однако, как видим, даже эти «узкие» (по сравнению с понятиями, выражаемыми многочленными синонимическими рядами) понятия являются достаточно широкими и в очередной раз подтверждают мысль о широте фразеологического значения вообще.

В семантической категории цели в синонимические отношения вступает 91 единица (56,9 % от общего количества единиц данной категории), образуя 9 рядов и 12 пар.

Самый представленный по количеству членов (16) ряд составляют фразеологизмы — синонимы наречия *зачем*: с какой (-ю) целью, к чему, какая статья, по какому делу, на что, на какой конец, на кой, на кой ляд, на кой (какой) шут, на кой черт (леший, дьявол, прах, хрен), на фига, на хрена, на черта (чёрта), за каким лядом, за каким чертом, чего ради. Большинство из перечисленных единиц маркируются в словарях пометой «просторечное» или даже «грубо-просторечное» и обладают ярко выраженной эмоциональностью и экспрессивностью, в связи с чем редко выступают в предложении в качестве вопросительного элемента. «Гораздо чаще такие конструкции определяют целесообразность/нецелесообразность действий субъекта, что обусловлено их стилистической маркированностью и ярко выраженной экспрессией» [3, с. 37].

Более-менее конкретные цели совершения действия обозначаются в основном синонимическими парами, например: для форса (-у), для понта (-у) ('с целью произвести впечатление'), на потом, про запас ('впрок, чтобы использовать в будущем'), в свое распоряжение, для собственной надобности ('для личных целей'). Цели человеческой деятельности чрезвычайно разнообразны. Этим, по нашему мнению, объясняется преобладание именно синонимических пар, а также тот факт, что почти половина фразеологических единиц с целевым значением не поддается семантической группировке, а значит, не вступает в синонимические отношения, поскольку «одним из важнейших условий квалификации фразеологизмов как синонимов является их связь с одной группой» [6, с. 224].

В отличие от целевых причинные фразеологизмы характеризуются чрезвычайно высоким процентом внутренних синонимических связей — почти 90 % единиц вступают в отношения синонимии между собой. В остальном же прослеживается тенденция, наметившаяся в трех рассмотренных выше категориях. Из 25 синонимических рядов, выделенных нами в категории причины, 15 состоят из 2–4 единиц и обозначают конкретные (насколько это возможно во фразеологии) причины и мотивы действий, событий, поступков, например: 'разгорячась, взволновавшись, рассердившись' — под сердитую (горячую) руку, под запал, с горячки, со зла, 'под давлением тяжелых жизненных обстоятельств' — не от хорошей (легкой) жизни, от нужды, за неимением лучшего, 'из добрых побуждений' — по доброте душевной, от чистоты сердца, 'от безделья, скучая' — от нечего делать (от делать нечего), от скуки. Многочленными же рядами выражаются широкие, обобщенные, «размытые» понятия. Например, самый большой синонимический ряд, состоящий из 19 единиц, имеет общее значение 'безосновательно, беспричинно': без <всякой, видимой> причины, без причин, без <всякого> повода, без основания, без <всяких, достаточных> оснований, ни с того ни с сего, ни за что <ни про что>, ни к селу ни к городу, ни за сизо перышко, <за> здо-

рово живешь, за всяко просто, просто так, с бухты-баракты, из пустого, на голом месте, сбоку припека (-у), постольку поскольку, ни дай ни вынеси, не пито не едено. Как видим, более половины названных единиц могут быть квалифицированы как эмоциональные и экспрессивные. Эта особенность характеризует вообще все многочисленные синонимические ряды, поскольку «... чем понятие, выражаемое фразеологизмом, более способно восприниматься эмоционально или экспрессивно, тем более повода ожидать обилия синонимических фразеологических единиц, группирующихся около такого понятия» [1, с. 100].

Все, что уже было сказано о внутренней синонимии обстоятельственных фразеологизмов, может быть отнесено и к единицам семантических категорий следствия, условия и уступки. Это небольшие по количеству фразеологизмов категории, которые, соответственно, характеризуются небольшим количеством синонимических рядов, образуемых их единицами. Приведем несколько примеров.

Значение 'безрезультатно, безуспешно' выражают фразеологизмы категории следствия *без толку, без (о) <всякого, особого> успеха, без пользы <дела>, несолоно (не солоно) хлебавши (как несолоно хлебал (-а, -и)), ни с чем; ни в горсть, ни в сноп; с таким (тем) же успехом.* В отдельный ряд мы объединили фразеологизмы *<за> здорово живешь, ни за грош (копейку, денежку), ни за что <ни про что>, за холищовый мех, <ни> за нюх (понюх, понюшку) табаку (-а), за так, просто так.* Выражая значение 'бесполезно, напрасно, зря', названные единицы отличаются от семантически близких им фразеологизмов предыдущего ряда сочетаемостью. Фразеологические единицы со значением 'безрезультатно, безуспешно' характеризуют практически любые действия, не имеющие результата. Фразеологизмы же данного синонимического ряда в основном сочетаются с глаголами утраты (в том числе жизни), исчезновения, а также с глаголами, которые обозначают действия, приводящие к исчезновению, гибели.

В отдельный синонимический ряд объединяются фразеологические единицы, обозначающие невозможность совершения действия или непринятие действия ни при каких условиях: *ни в коем (каком) случае (разе), ни в какую, ни из чего на свете, ни за что <на свете>, ни за какие коврижки, ни за какие деньги (блага, сокровища, благополучия), ни за какую копейку (полушку), ни за какие шиши, никоим образом, ни под каким видом (соусом), ни при каких обстоятельствах, только через мой труп, хоть убей (те), хоть умри, черта с два.* В словаре синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой [5] большинство названных фразеологизмов имеют пометы «разг.» и «усилит.», чему способствует их общее значение. Именно за счет таких единиц потенциально возможно дальнейшее расширение этого синонимического ряда. Аналогичными свойствами обладают фразеологические синонимы из семантической категории уступки, которые характеризуют действие как совершаемое вопреки любым обстоятельствам: *все равно (одно, едино, единственно), как ни бейся, как ни верти (поворачивай), как ни вертись, как ни кинь, как ни рыпайся, несмотря ни на что, <при всем> при том, со всем тем, хоть бей об стол, хоть кол на голове (о)теши, хоть <ты> лоб <себе> разбей (расшиби), хоть разбейся, хоть <ты> лопни (тресни), хоть из пушки пали, что ни делай.*

Таким образом, мы пришли к выводу, что внутренняя синонимия чрезвычайно распространена среди обстоятельственных фразеологизмов русского языка (от 50 до 90 % фразеологических единиц, в зависимости от семантической категории, вступают между собой в синонимические отношения). Преобладают в количественном отношении ряды, состоящие из 2, 3, реже 4 членов, однако многочисленные синонимические ряды также достаточно представлены (в большей степени, чем среди слов). Отчасти это объясняется большей широтой и обобщенностью фразеологического значения по сравнению с лексическим.

Литература:

1. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники [Текст] / А.М. Бабкин. — Л.: Наука, 1970. — 264 с.
2. Бурова, Н.Е. Характеристика закономерных связей между единицами лексико-фразеологической системы русского языка [Текст] / Н.Е. Бурова // Номинативная единица в семантическом, грамматическом и диахроническом аспектах: сб. науч. ст. к 80-летию А.М. Чепасовой / под ред. Г.А. Шигановой. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. — С. 24–30.
3. Воронина, Л.В. Фразеологические сочетания в составе вопросительных конструкций финитива [Текст] / Л.В. Воронина // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской / отв. ред. Н.Б. Усачева. — Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. — Вып. 4. — С. 36–37.
4. Павлова, Н.А. Структурно-семантические свойства фразеологизмов модели «предлог + (согласуемое слово) + существительное форме дательного падежа» в современном русском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Павлова. — Челябинск, 1978. — 277 с.
5. Словарь синонимов русского языка [Текст]: в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1970–1971. — Т. 1–2.
6. Чепасова, А.М. Предметные фразеологизмы русского языка [Текст] / А.М. Чепасова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. — 267 с.

7. Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке [Текст] / Г.А. Шиганова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. — 454 с.
8. Юздова, Л.П. Категория качественности в русском языке. Анализ качественно-обстоятельственных фразеологизмов [Текст] / Л.П. Юздова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2007. — 417 с.

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Детская периодика сегодня: к вопросу о целевой аудитории

Капустина Галина Леонидовна, аспирант

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Система российской прессы, как отмечают авторы книги «Система средств массовой информации России», «приближается к европейской, частью которой она и является» [1, с. 5]. При этом существенным отличием российских СМИ от западных является наличие большого типологического отряда специализированных газет. Исследователи выделяют специализированную прессу в отдельный вид периодики. Определяющими для этого вида прессы являются, по мнению учёных, два параметра: специализация по проблемно-тематической направленности и ориентация на определенную потенциальную аудиторию [2]. Рассечение неопределенной массы читателей универсальных изданий и другой потенциальной аудитории идет по объективным характеристикам — пол, возраст, род занятий, доход и т.п., а также по интересу аудитории к тем или иным темам и проблемам. Дети в данном случае — не просто социальная группа, а целевая аудитория периодического издания, часть потребителей СМИ, поэтому особенности информационного поведения детей как потребителей СМИ в конечном счете определяют основные принципы политики редакции издания и его модель. Мы уверены, что детскому изданию в большей степени, чем любому изданию «для взрослых» необходимо учитывать психологические и социальные характеристики «своего целевого возраста», своей аудиторной группы, с тем, чтобы осуществлять грамотную редакционную политику в целом. Аудиторию печатных СМИ в широком смысле описывают как «совокупность читателей, вступающих в более или менее продолжительные контакты с газетой, становящихся потребителями определенной информации, отвечающей их интересам» [3, с. 79–80]. Специалисты в области юнологии, науки о молодёжи, считают, что для работы с детьми необходимо правильно представлять систему ценностей, обычаи, одежду, моду, музыку, танцы и прочее, характеризующее мир тех, кому минуло «надцать» лет [4, с. 35–36]. Существуют различные критерии для выделения возрастных рамок (и — как следствие — различные концепции): биологические (завершение пубертатного возраста, приходящегося приблизительно на 17 лет), социальные (достижение совершеннолетия — 18 лет), экономические (возраст получения минимально возможного профессионального образования — 19 лет), психологические (соотнесение

уровня психического развития со среднестатистическими нормами, принятыми в данном обществе в данное время) и пр. Нижние и верхние границы возрастных периодов изменяются в зависимости от влияния исторических, географических, психологических, физиологических, социокультурных и других факторов.

Классическая детская (возрастная) психология определяет **детство** как период, продолжающийся от новорожденности до полной социальной и, следовательно, психологической зрелости; это период становления личности ребенка, превращение его в полноценного члена человеческого общества [5, с. 57]. Профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова Л.Ф. Обухова подчеркивает, что продолжительность детства находится в прямой зависимости от уровня материальной и духовной культуры общества. Это значит, что человек без общества остается биологическим существом, неким «маугли», которому присущи исключительно животные привычки.

Возраст — это некая объективная переменная. Преподаватель факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова М.Е. Аникина подчеркивает, что по мере развития общества и усложнения социальных связей и отношений необходимость учёта своеобразия представителей различных возрастных категорий увеличивается [6, с. 57–58]. Темпы общества растут, а вместе с этим возрастает значение все более коротких интервалов жизни. Особенно «дробным» является начальный период от рождения до 18 лет. Для формирования теоретических представлений об основных составляющих детского издания, необходимо говорить не только об общих границах группы, но и о внутренней структуре детской аудитории. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о детской субкультуре. Автор единственного в мире университетского курса по психологии детской субкультуры, доцент факультета психологии СПбГУ М.В. Осорина в своих работах отмечает, что «мир детей существует в одном пространстве с миром взрослых. Взрослые бывают слепы по отношению к жизни и культуре детского сообщества» [7, с. 78–81]. До недавнего времени детскую субкультуру не принимали во внимание в процессе становления и развития ребенка, так же как и сам период детства.

Детская субкультура — в широком значении — все, что создано человеческим обществом для детей и

детьми [8]. Еще одно определение детской субкультуры представлено в психологическом словаре — смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития [9, с. 178]. Детское сообщество является носителем детской субкультуры, в которой просматривается своеобразный способ освоения ребёнком новых сторон социальной действительности и его самоутверждения в ней, проявление самовыражения личности ребенка в коллективе сверстников, а также среди взрослого сообщества. Эта ценностная модель мира существует как стихия детских переживаний и не служит средством достижения какой-либо прагматической цели, в отличие от взрослой культуры. Детская субкультура является миром, который детское сообщество создавало «для себя» на протяжении всего социогенеза. В ней, как и в общей культуре, в которой родился ребенок, происходит формирование целостного жизненного опыта индивида. Приобщаясь к традиционной культуре детей, ребенок принимает возрастные нормы поведения в группе сверстников, учится эффективным техникам решения трудных ситуаций, исследует границы дозволенного, решает свои эмоциональные проблемы, учится влиять на других, развивается, познает мир, себя и окружающих людей. Содержание детской субкультуры — не только актуальные для официальной культуры особенности поведения, сознания и деятельности, но и социокультурные инварианты — элементы различных исторических эпох, архетипы бессознательного коллективного и прочее, зафиксированные в детском языке, мышлении, игровых действиях, фольклоре. Профессор И.С. Кон выделяет три главные подсистемы этой культуры: 1) детская игра, 2) детский фольклор и вообще художественное творчество, 3) общение, коммуникативное поведение детей [10, с. 126].

Известный петербургский учёный, философ, культуролог, профессор М.С. Коган говорит о том, что культура детства двуслойна. Один ее слой — культурные формы, создаваемые взрослыми для ребенка. Второй — формы его собственной деятельности. Творчество взрослых позволяет ребенку приобщиться к достижениям истории культуры, и через процессы распремечивания стать культурным человеком. Таким образом, человек является не только творцом культуры, но и ее творением. Распремечивая человеческое содержание, заключенное в предметности культуры, человек вбирает его в себя, усваивает его и присваивает, становясь тем самым культурным, общественным существом [11, с. 179].

М.В. Осорина отмечает три главных фактора, определяющих формирование ребенком определенного мировосприятия в процессе взросления: первый — это влияния «взрослой культуры», активными проводниками которой являются, первоначально родители, а затем и другие воспитатели; второй — это личные усилия самого ребенка, проявляющиеся в разных видах его интеллектуально-творческой деятельности; третий — это воздействие детской субкультуры, традиции которой передаются

из поколения в поколение детей и чрезвычайно значимы в понимании детьми того, как освоить мир вокруг [7, с. 87].

В общечеловеческой культуре детская субкультура занимает подчиненное место, но все-таки обладает относительной автономией, ибо ее основные культурные ценности передаются изустно. В настоящее время складывается многоуровневая градация субкультуры детства: дошкольная, школьная, подростковая и юношеская. Субкультуру школьного периода можно дифференцировать тремя периодами: начальные классы (дети 6/7–10/11 лет), среднее звено (дети 11/12–15/16 лет — подростки) и старшее звено (16–18 лет). Это период характеризуется усложнением морально-этических форм взаимодействия в детском коллективе [8]. В разных периодах детства особую важность приобретают различные элементы детской субкультуры: для дошкольников и младших школьников — игры, считалки, дразнилки, загадки, для детей 8–13 лет — другой фольклорный репертуар и традиции, для подростков — мода, организация неформальных групп и разнообразные правила общения.

В контексте того, что детская субкультура, обладая неисчерпаемым потенциалом вариантов развития личности, выполняет одну из важнейших функций социализации, следует вести речь о детском издании как субкультурном феномене. Исследователь детской прессы МГУ им. М.В. Ломоносова И.А. Руденко выделяет четыре типа изданий: для дошкольников; для младших школьников; для подростков; для старшеклассников [12, с. 195]. Такое деление обеспечивает возрастную общность и близость интересов, поэтому и само понятие «детская пресса» предполагает уточнение: для какого именно сегмента детской аудитории предназначено то или иное издание. Исходя из этого, очевидная сегментация рынка *детских* изданий является закономерным следствием необходимости удовлетворить дифференцированные информационные потребности детей, учитывая социально-психологические особенности разных детских групп и характер потребления информации.

Очевидно, что детская газета должна быть ориентирована на интересы детей; «детский» тип читателя (6–8 лет) предполагает довольно широкие возможности понимания текста и сравнительно небольшой словарный запас, последнее ставит в качестве важной задачи расширение и обогащение лексикона детей. При этом введение новых слов и понятий должно быть связано с теми предметами и явлениями, которые окружают детей и могут быть поняты ими в процессе непосредственного ознакомления с миром; психологи обозначают этот период как «пору первоначального накопления знаний». В этом возрасте ребенка интересует происхождение животных, растений, объектов и событий, с которыми они сталкиваются в обыденной жизни, устройство различных вещей; именно сейчас они могут задавать вопросы, ответы на которые позволяют понять, зачем и почему происходят различные процессы. Но маленький читатель не только стремится понять это — у него появляется желание оценить, хорошо

или плохо, правильно или неправильно то, что он видит вокруг — так начинает формироваться духовный мир с системой оценочных критериев личности.

В 9–11 лет происходит накопление духовных и физических сил; в это время развивается познавательная и общественная активность, появляется интерес к истории, читатель чувствует себя не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником всего происходящего. В 12–13 лет развивается самосознание, стремление к самооценке, к определению своего места в мире, собственной значимости; действительность уже не просто внешняя жизнь, за которой можно наблюдать, это сцена, на которой приходится действовать самому: отсюда интерес к нравственным вопросам, размышления о любви, дружбе, счастье, интерес к деятельности конкретных исторических лиц — тех, кто развивал науку, совершал подвиги. У подростков 15 лет наблюдается возрастание социальной, гражданской активности, стремление к поиску нравственного идеала. Постепенно человек из наблюдателя за окружающей жизнью вырастает в активного её участника, пытается оценить всё происходящее вокруг, перенося интерес с внешнего на интерес к самому себе, к своим возможностям и задачам. Подростковый возраст — качественно новый этап в становлении личности, в психологическом плане это связано с сознательным проявлением собственной индивидуальности: самостоятельное мышление, предстоящий выбор профессии, размышления о будущем, определение роли отдельной личности, значимости каждого человека в открывающемся перед ним мире. В возрасте от 16 до 18 лет завершается психическое и физическое созревание личности, формируется социальная готовность, гражданская ответственность; можно сказать, что именно в этот период размываются барьеры между детским (юношеским) и взрослым возрастом. Теперь чтение прессы становится одним из способов формирования базы знаний, которая развивается в информационную культуру личности, в этот же период проявляются склонности к той или иной сфере деятельности, и это также определяет особенности читательского выбора.

Детская и юношеская пресса в условиях развития рыночных отношений стремится наиболее полно освещать проблемы реальной жизни детей и подростков, старается завоевать популярность в своей аудитории. Каждый период детства отличается особым, ведущим типом деятельности, уровнем развития мышления, интеллекта. Именно поэтому группа СМИ, адресованная юным, достаточно обширна (однако далеко не оптимальна). Но все-таки все эти возрасты определяются одним понятием — дети, а пресса для такой социально-демографической группы — детская пресса. Ориентация на конкретную возрастную категорию читателей определяет главные аспекты редакторской политики — развитие и воспитание своего читателя. Детское издание должно соответствовать морально-этическим нормам, поскольку под влиянием чтения формируется отношение ребенка к своим поступкам, осуществляется оценка поведения других людей.

Подводя итог, подчеркнём: с точки зрения исследовательских парадигм в рамках возрастной психологии и социологии детство — время познания человеком окружающего мира, время становления его личности, системы ценностных ориентиров, определяющих место человека в природе и в обществе. Важно понимать, что ребенок не просто маленький взрослый, который меньше знает или меньше умеет, а существо, обладающее качественно отличной от взрослого психикой. По мере накопления знаний и навыков создаются предпосылки духовного роста личности. Проектируя детское издание любого формата необходимо учитывать не только социально-демографические характеристики аудитории. Гораздо важнее выявить психологические группы маленьких читателей. Детская журналистика должна служить своеобразным фильтром на пути к сердцу и разуму подрастающего человека, должна создавать оптимальные условия для развития личности ребенка. Более того, заняв гармоничное место в детской субкультуре, детское СМИ должно стать этапом социализации маленького читателя и проводником в мир «взрослых» ценностей.

Литература:

1. Система средств массовой информации России. М., 2001.
2. См.: Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий / А.И. Акопов. — Иркутск, 1985; Ахмадулин Е.В., Чуков П.И. К вопросу о типологии специализированных газет / Е.В. Ахмадулин, П.И. Чуков // Воронеж. Акценты. — 2003. — № 5–6. — с. 16–19; Есин Б.И. Русская газета второй половины XIX века: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Б.И. Есин. — М., 1973. с. 25–26; Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров. — М., 1998. — с. 210–213; Корконосенко С.Г. Основы журналистики / С.Г. Корконосенко. — М., 2008. с. 91–92; Алексеев А.Н. Газетный мир постсоветской России: подход к построению типологии / А.Н. Алексеев // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. — 1998. — № 3. — с. 19–23.
3. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России / В.А. Луков // Социс. — 2002. — № 10.
4. Вяткина Л.Ю. Подростковая самодеятельная пресса в системе средств массовой информации: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Л.Ю. Вяткина. — М., 1997.
5. Обухова Л.Ф. Возрастная психология / Л.Ф. Обухова. — М., 2011.
6. Аникина М.Е. Молодежная аудитория печати: чтение в условиях развития Интернета: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / М.Е. Аникина. — М., 2004.

7. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых /М.В. Осорина. — СПб., 2000.
8. Абраменкова В.В. Детская субкультура: содержание, функции, значение в культуре/ В.В. Абраменкова. — (<http://www.portal-slovo.ru>)
9. Новейший психологический словарь/ Шапарь В.Б., Россоха В.Е., Шапарь О.В. — Изд. 3-е. — Ростов н/Д., 2007.
10. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Социально-педагогический анализ / И.С. Кон. — Дубна, 2001.
11. Исаев Д.Н., Коган В.Е. Психогигиена пола у детей/ Д.Н. Исаев, В.Е. Коган. — Л., 1986.
12. Руденко И.А. Детская и юношеская пресса / И.А. Руденко // Типология периодической печати /Под ред. М.В. Шкондина и Л.Л. Реснянской. — М., 2007.

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Межязыковые лакуны и способы их перевода

Абдуразакова Шахида Рахимовна, аспирант
Гулистанский государственный университет

Национально-специфические (несовпадающие, разъединяющие) элементы в лексических системах языков и культурах в последние десятилетия описываются зарубежными и отечественными исследователями в различных аспектах посредством самых разнообразных терминов: лакуны (Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, В.Л. Муравьев), пробел, лакуна (К. Хейл), анτισлова, пробелы, лакуны, или белые пятна на семантической карте языка (Ю.С. Степанов), примеры непереводаемого характера (В.Г. Чернов), безэквиваленты, лексический нуль, нулевая лексема (И.А.Стернин), безэквивалентная, или фоновая лексика (Л.С. Бархударов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), темные места в текстах одного языка, случайные лакуны (Л.С. Бархударов), этноэидема — сквозной образ, пронизывающий национальные картины мира различных этнических общностей, непереводаемая лексика, безадекватная лексика.

Под межязыковыми лакунами традиционно понимается отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке при наличии её в другом языке.

На настоящий момент существует большое количество классификаций межязыковых лакун, основанных на различных принципах: по системно-языковой принадлежности (межязыковые и внутриязыковые), по внеязыковой обусловленности (мотивированные и немотивированные), по парадигматической характеристике (родовые и видовые), по степени абстрактности содержания (предметные и абстрактные), по типу номинации (номинативные и стилистические), по принадлежности лакуны к определенной части речи (Попова З.Д., Стернин И.А.), по половой принадлежности обозначаемых референтов (гендерные), а также на основании внешней и внутренней связи между обозначаемыми предметами (метонимические) (Махонина А.А.). Г.В. Быкова отмечает наличие уникальных и частных лакун, абсолютных и относительных лакун, этнографических лакун, нулевых лакун, смешанных лакун, вакантных (некомпенсированных) лакун, эмотивных (коннотативных, ассоциативных) лакун, грамматических лакун, речевых лакун: частичных, компенсированных, полных (Быкова Г.В.). Все вышеприведенные классификации, позволяющие выявить те или иные характеристики лакун, представляют несомненный интерес, однако практически ни одна из них, за

исключением классификации на межязыковые и внутриязыковые лакуны, не основана на едином принципе и не является всеобъемлющей.

Такая типология, которая классифицировала бы все лакуны по одному принципу, до сих пор отсутствует. В связи с этим нами предпринята попытка на материале русско-английских субстантивных лакун разработать классификацию, которая охватила бы все без исключения межязыковые лакуны и была бы основана на едином принципе.

При переводе осуществляется перенос лакун из текста оригинала в другую социокультурную и языковую среду. Своеобразный диалог культур возникает в рамках заданного в тексте оригинала коммуникационного фона, который тоже следует перенести в текст перевода.

Основных трудностей передачи лакун при переводе две:

1) отсутствие в ПЯ соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого объекта (референта)

2) необходимость наряду с предметным значением (семантикой) реалии передать и колорит (коннотацию) — ее национальную и историческую окраску.

Лакуны являются ощутимым препятствием взаимопонимания представителей разных культур. Практика межкультурного общения свидетельствует о существовании разнообразных способов преодоления трудностей создаваемых национально-специфическими и языковыми различиями контактирующих культур. Преодоление этих трудностей называется элиминированием лакун.

Элиминирование лакун осуществляется двумя основными способами — заполнением и компенсацией.

Заполнение лакуны — это процесс раскрытия некоторого понятия, принадлежащего чужой для реципиента культуре. Заполнение может быть различной глубины, что зависит от характера лакуны, от типа текста, в котором лакуна существует, а также от особенностей реципиента, которому адресован текст.

Компенсация — это средство фиксации лакуны, начальный этап элиминирования, вслед за которым в некоторых случаях происходит, а в некоторых — не происходит заполнение семантической пустоты. В случаях, когда элиминирование лакуны заканчивается на стадии компенсации, мы получаем расчлененное описание ино-

культурного понятия. Слово или выражение, при помощи которого лакуна фиксируется, обозначают термином компенсатор — т.е. языковая единица, словосочетание, описание и т.д., которые используются для компенсации отсутствующего в системе языка слова. В результате компенсации лакуна не устраняется, а остается, сопровождаемая особым пояснением — компенсатором.

Для обозначения «заполненного места», «антилакуны», которые являются результатом элиминирования, используется термин пленус (от лат. *plenus* — полный). Существует несколько разновидностей пленусов в зависимости от переводческого приема, используемого для компенсации или заполнения лакуны.

Существуют следующие способы перевода лексических лакун:

1. Транскрипция или транслитерация. Данные приемы состоят в создании слов, воспроизводящих в языке перевода форму иноязычного слова.

Пленусы, полученные в результате транскрипции или транслитерации подразделяются на три группы:

а) Пленусы, которые вследствие широкого распространения и в результате этнических контактов превратились в интеркультурные, закрепились в языке перевода и регулярно используются для перевода соответствующих слов (*sputnik*, *vodka*).

б) Пленусы, которые, хотя и ощущаются в языке как иноязычные, понятны носителям иной культуры и не требуют дополнительного разъяснения (*borzoi*).

В обоих вышеуказанных случаях происходит заполнение лакуны.

с) Пленусы, которые ощущаются в языке как экзотизмы и в большинстве случаев остаются непонятными для широкого круга носителей языка, в котором обнаруживается лакуна, и требуют дополнительного объяснения. Например, *катуша* — *katyusha* (a multi-rail rocket projector).

В данном случае имеет место процесс компенсации лакун, а не их заполнения: лакуны продолжают ощущаться, их содержание раскрыто дополнительно на уровне синтаксической объективации, описательно.

2. Калькирование, т.е. воспроизведение морфемного состава слова или составных частей устойчивого словосочетания. Пленусы, полученные в результате калькирования делятся на:

а) Калькированные пленусы, которые широко распространяются в переводческой практике, а затем начинают использоваться и в непереводаемых материалах на языке перевода. В результате соответствующие единицы исходного языка выходят из разряда лакунарных, приобретая постоянные соответствия. (Например, *backbencher* — заднекамеечник).

В данном случае происходит заполнение лакуны.

б) Квазипленусы. Квазипленус — это заполнение лакуны таким языковым материалом, который не отражает сущности понятия исходного языка, искажает его или вызывает ложные ассоциации. Появление квазипле-

нусов особенно распространено при заполнении мотивированных и ассоциативных лакун. Это обусловлено не только лингвистическими особенностями различных языковых систем, но и рядом социальных факторов и различиями в образе мышления представителей различных культур. Квазипленусы появляются в результате неадекватного заполнения лакун средствами другого языка.

3. Описательный перевод. Описательный перевод предполагает использование описания, раскрывающего значение безэквивалентной единицы при помощи развернутого словосочетания (например, *landslide* — победа на выборах подавляющим большинством голосов, *brinkmanship* — искусство проведения политики на грани войны). Описательный перевод является способом компенсации лакуны, в результате которого появляется пленус-объяснительная перифраза.

4. Создание соответствий-аналогов, путем подыскания ближайшей по значению единицы языка перевода для безэквивалентной единицы исходного языка (например, *drugstore* — аптека, *witchhunter* — мракобес, *fancy meeting you!* — какими судьбами!). Близость значений эквивалентных единиц в оригинале и переводе в этом случае далеко не полная, и подобный перевод применим лишь в определенном контексте.

В этом случае в результате заполнения лакуны образуется пленус-аналог. Аналоги — это неразложимые единицы языка, которые по своему значению приближаются к значению единиц исходного языка и функционируют в аналогичной речевой ситуации. Аналоги используются в том числе и для передачи идиом, разговорных, фольклорных и т.д. клише, пословиц, поговорок, речений.

Однако если аналог не совпадает по коннотации с единицей исходного языка, образуется стилистическая лакуна. Например, запить горькую — *to start drink hard* (ср. рус. «запить горькую» и «начать сильно пить»).

5. Конкретизация или генерализация. Существует несколько случаев применения конкретизации или генерализации:

а) Для заполнения лакуны в качестве пленуса используется гипоним вместо гиперонима и наоборот (*нога* — *foot*, *leg*).

б) Исходный язык может содержать слова, различные по значению, но состоящие друг с другом в различных ассоциативных связях. Их значение инкорпорируется в общую для них лексическую единицу. Для заполнения лакуны в качестве пленуса используется слово с общим значением (*огонь*, *пожар* — *fire*; *чашка*, *кубок* — *cup*).

с) Наряду с этим исходный язык может содержать слова, которые являются семантически равнозначными, но могут различаться по происхождению. В этом случае лакуна заполняется присутствующей в языке перевода лексической единицей с соответствующим значением (*wood*, *forest* — *лес*; *tin*, *can* — *консервная банка*).

6. Нейтрализация или эмпфаза.

При синонимии различных типов паре слов в одном языке соответствует пленус с общим значением в другом

языке. В этом случае происходит заполнение лакуны и наблюдается отношение: стилистическая лакуна — нейтрально окрашенный пленус. Например, *hearty, cordial* — сердечной, *sunny, solar* — солнечный.

Значения лакунарных единиц в конкретных контекстах передаются с помощью указанных способов столь же успешно, как и значения слов, имеющие постоянные или вариантные соответствия.

В любом случае, переводчик, должен обеспечивая эту минимую адекватность, старается учесть и условия поро-

ждения условного текста, и условия восприятия переводного текста, и вынужден осуществлять прагматическую адаптацию перевода с помощью внесения в текст необходимых изменений, позволяющих заполнить лакуны. Речь идёт не столько о качестве перевода, сколько об обеспечении одинаковой реакции рецепторов оригинального и переводного текстов, поскольку любое высказывание создаётся с целью получения коммуникативного эффекта, а значит, прагматический потенциал составляет важнейшую часть его содержания.

От оригинала к переводу: проблема взаимодействия автора и переводчика

Гудий Кристина Александровна, ассистент
Тверской государственной университет

Вопрос о роли личности переводчика в художественном переводе всегда вызывает острую полемику у теоретиков перевода. Показательно в этом смысле расхождение во мнениях между В.С. Виноградовым, считающим, что парадокс обусловленных индивидуальностью переводчиков стилистических черт заключается в том, что они нежелательны, но неизбежны [1, с. 66], и А.В. Федоровым, отрицающим наличие здесь парадокса и утверждающим, что «объективность перевода и сильная индивидуальность переводчика не только совместимы, но и предполагают одна другую» [14, с. 326].

Возможности проявления индивидуальности переводчика, его собственной коммуникативной установки зависят от удельного веса творческого начала в переводе. Не случайно они наиболее широки в поэтическом и в целом в художественном переводе. В публицистическом переводе они обнаруживают обратную зависимость от степени стандартизации и обезличенности текста: они ограничены там, где текст монтируется из клише и «готовых блоков», и заметно возрастают в жанрах, где ярче проявляется индивидуальность автора (очерк, фельетон и др.).

Из сказанного следует, что в коммуникативной установке переводчика наряду с его индивидуальными чертами проявляются культурная традиция и переводческая норма в их синхронной и исторической вариативности.

Требования полноценной передачи смысла и стиля оригинала, и полноценности языка перевода составляют основу многих нормативных концепций перевода в более ранние эпохи и вплоть до последнего времени [9, с. 8].

Французский гуманист, поэт и переводчик Этьен Доле в своем труде «О способе хорошо переводить с одного языка на другой» писал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов перевода:

- 1) в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого он переводит;
- 2) в совершенстве владеть языком, с которого пере-

водит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит;

3) избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это искажило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы;

4) использовать в переводе общеупотребительные формы речи;

5) правильно выбирая и располагая слова, воспроизводить общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности» [19].

Английский поэт, драматург, критик Джон Драйден в 1680 году ставил перед переводчиком следующие требования:

- 1) быть поэтом;
- 2) владеть языком оригинала и своим собственным языком;
- 3) понимать индивидуальные особенности автора оригинала;
- 4) сообразовывать свой талант с талантом автора оригинала;
- 5) сохранять смысл оригинала;
- 6) сохранять привлекательность оригинала без ущерба его смыслу;
- 7) сохранять качество стиха в переводе;
- 8) заставить автора говорить так, как говорит современный англичанин;
- 9) не следовать слишком близко букве оригинала, чтобы не утратить его дух;
- 10) не стараться улучшить оригинал [22].

Британский историк и писатель Александр Фрейзер Тайлер в своем эссе «Принципы перевода» предлагал нижеизложенные требования к переводческому процессу:

- 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала;
- 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале;

3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальное произведение [23].

Из вышеперечисленных требований видно, что переводчику недостаточно в совершенстве владеть языком перевода, он также должен обладать обширными знаниями в области чужой культуры, чтобы не утратить дух оригинала, должен понимать, мастерски передавать глубинные замыслы и идеи автора, отчеканивая каждое слово без ущерба смыслу подлинника.

Нельзя не согласиться с Т.А.Казаковой, которая отмечает, что переводчику художественных текстов общество как бы отводит роль посредника в адаптации исходного знака к условиям иноязычной культуры. [5, с. 54].

В.В. Ризун считает художественный перевод одним из наиболее эффективных и популярных видов межнациональных контактов. Поэтому как явление эстетическое, литературное, языковое он требует бережного и внимательного отношения к литературным достоинствам. [10, с. 3]

Рассматривая перевод как акт двуязычной коммуникации, важно учитывать различия культур ее участников. Проблемы перевода не только «билингвистичны», но и «бикультурны». Говоря о переводе в аспекте межкультурной коммуникации, Г.Д. Томахин указывает, что это не только соприкосновение двух семантических систем со своими национально-культурными свойствами, но и контакт представителей двух лингво-культурных общностей, каждый со своим мировосприятием и определенным фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, речевым этикетом, морально-эстетическими нормами и многое другое [12, с. 130]. Коммуниканты, участвующие в межкультурной коммуникации, говорят на различных языках. Кроме того, они имеют различные базовые знания, различный социальный и исторический опыт, принадлежат к различным культурам. Исследуя перевод как акт двуязычной коммуникации, необходимо учитывать различия в социально-культурном опыте носителей ИЯ и ПЯ. В этой связи следует специально отметить, что в межкультурном коммуникативном акте, кроме отправителя и получателя, участвует переводчик. Его цель — создание на языке перевода текста, который предназначен для полноценной замены исходного текста, в том числе и в прагматическом плане. В теории перевода национально-культурная специфика получателей оригинала и перевода, фоновые знания участников коммуникации рассматриваются как важнейшие прагматические факторы, влияющие на процесс перевода. Влияние этих прагматических факторов особенно значимо, на наш взгляд, при переводе реалий как специфических лексических единиц, которые являются носителями ярко выраженного национально-исторического колорита. Важнейшей предпосылкой для верной передачи реалий в переводе является знание переводчиком реалий ИЯ, верное представление о них. Такого рода экстралингвистическая информация составляет основу фоновых знаний, детерминирующих деятельность переводчика, как на этапе восприятия исходного текста, так и в процессе создания текста перевода. Фоновые знания переводчика, его

знакомство с описываемой в тексте реальной ситуацией являются важнейшими элементами переводческой компетенции. Очевидно, что любой реальный процесс перевода проходит множество этапов, характер которых зависит от индивидуальности переводчика и специфики переводимого произведения. Осуществляя перевод, переводчику постоянно приходится оценивать относительную важность отдельных элементов текста, обеспечивающих построение грамматически и семантически правильного высказывания. Выбор варианта, связанного с наименьшими потерями, составляет важную часть творческого акта перевода и обеспечивается путем использования переводчиком определенных приемов. Среди прочих для переводчика при выборе стратегий решающими оказываются функциональные доминанты текста, тот совокупный инвариант текста ИЯ, который подлежит обязательной передаче в тексте перевода. Анализ работ по переводоведению, посвященных рассмотрению этого вопроса, позволяет с уверенностью говорить о необходимости сохранения национального и исторического колорита оригинала в переводе. При этом те элементы подлинника, которые являются наиболее яркими показателями национального и исторического своеобразия произведения, т.е. так называемые реалии, требуют к себе особого внимания. Значение этих лексических единиц в большинстве случаев должно быть передано в переводе. Первым и абсолютно необходимым требованием к переводчику в процессе межкультурной коммуникации является «профессиональное двуязычие» [16, с. 129]. Предполагается также, что переводчик в равной (или почти равной) степени владеет как исходной, так и переводящей культурами [5, с. 8]. Тем не менее, практика показывает, что это далеко не так. В частности, исследователи Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт подчеркивают, что «переводчик лишь в редких случаях бывает «чистым» билингом: как правило, только один из языков является для него родным. Это накладывает определенные ограничения на возможности переводчика» [4, с. 89]. Как подчеркивает В.И. Хайрулин, переводчик — это человек, который сформировался в определенном языке и является продуктом определенной языковой и социальной среды [15, с. 192]. Данный факт не может не оказывать влияния на его стратегию. Рассматривая перевод как творческий процесс, связанный с особенностями иноязычной культуры нельзя забывать о том, что переводчик, также как и отправитель и рецептор — это самостоятельная языковая личность, полноценный участник межкультурной коммуникации, который может быть носителем либо языка оригинала, либо языка перевода. Следовательно, рассматривая переводчика в первую очередь в качестве получателя текста оригинала, и учитывая при этом, что переводчик может быть носителем ИЯ либо ПЯ, можно справедливо предположить, что этот факт определенным образом влияет на стратегию переводчика в целом, и в частности на его стратегию при переводе реалий. А.Д. Швейцер считает, что трудности, возникающие у переводчиков (соответственно носителей ИЯ и ПЯ) в процессе работы над текстом переводимого

произведения находятся в непосредственной зависимости от принадлежности переводчика к тому или иному языковому коллективу. Для переводчика, не являющегося носителем данного языка и данной культуры «проникновение в содержание исходного текста и связанная с этим необходимость в декодировании его референциального и прагматического аспектов, опирающихся не только на языковую, но и на внеязыковую информацию, в том числе фоновую, всегда представляет собой сложную проблему» [18, с. 84]. Поэтому для переводчика с иностранного языка на родной основную трудность представляет собой процесс осмысления оригинала. «Что касается переводчика с родного языка на иностранный, то для него анализ исходного текста, как правило, не сопряжен с серьезными трудностями, хотя, разумеется, эта проблема и здесь играет определенную роль. Основная трудность заключается в данном случае в нахождении средств выражения относительно легко декодируемой информации оригинала на язык перевода» [Ор.сит.: 85]. Американский переводовед Ю. Найда подчеркивает, что национальные переводчики, т.е. переводящие на родной язык, как правило, склоняются к исходному языку, которым они овладели. Переводчики — иностранцы, т.е. переводящие на неродной язык, склоняются к языку-рецептору [21, с. 97]. Существует также и такая точка зрения, согласно которой представители некоторых культур обнаруживают нечто вроде комплекса неполноценности по отношению к своей культуре и благоволят перед всем инокультурным [6, с. 28]. В таких случаях перевод также сопровождается переносом инокультурных явлений в текст переводящего языка. Принимая во внимание вышеупомянутые точки зрения, представляется правомерным допустить, что факт принадлежности переводчиков к различным культурно-языковым коллективам (ИЯ и ПЯ) может служить основой для анализа степени вариативности переводческих решений в процессе перевода и фактором, влияющим на принятие этих решений.

При всей важности сохранения в переводе национально-культурной специфики произведения главным все-таки остается требование передать индивидуальный стиль автора, авторскую эстетику, проявляющуюся как в самом идейно-художественном замысле, так и в выборе средств для его воплощения. Это, казалось бы, очевидное требование оказывается достаточно трудновыполнимым. Прежде всего, оно вступает в конфликт с требованием адаптации текста к инокультурному читателю, поскольку такая адаптация неизбежно ведет к замене тех или иных выразительных средств другими, принятыми в литературной традиции переводящего языка. Но главная трудность состоит в том, что перевод часто предполагает выбор из нескольких вариантов передачи одной и той же мысли, одного и того же стилистического приема, использованного автором в оригинале. И делая этот выбор, переводчиквольно или невольно ориентируется на себя, на свое понимание того, как в данном случае было бы лучше сказать.

Гарбовский Н.К. отмечает, что при этом возникает противоречие: с одной стороны, чтобы осуществлять ху-

дожественный перевод, переводчик сам должен обладать литературным талантом, должен владеть всем набором выразительных средств, т.е., по сути, быть писателем. С другой стороны, чтобы быть писателем, нужно иметь свое эстетическое видение мира, свой стиль, свою манеру письма, которые могут не совпадать с авторскими. В этом случае процесс перевода рискует превратиться в своеобразное литературное редактирование, при котором индивидуальность автора стирается, перевод становится автопортретом переводчика, а все переводимые им писатели начинают «говорить» его голосом [3, с. 79].

Существует мнение, что переводчик должен отказаться от своей творческой индивидуальности или вовсе ее не иметь, полностью «раствориться» в оригинале. Однако полное самоустранение переводчика не позволит ощутить, не понять, а именно ощутить произведение в полной мере. Чтобы читатель перевода увидел лицо автора, переводчик должен найти не формальные, а функциональные соответствия каждому авторскому приему, а это уже требует от него не самоустранения, а активной творческой позиции. Если же переводчик — не писатель, если он не владеет художественной речью во всей полноте составляющих ее приемов, то написанный им текст не будет художественным, а значит, читатель и в этом случае не увидит лица автора, текст станет просто безликим. Полноценный перевод невозможен без личного (и литературного, и жизненного) опыта переводчика. К.И. Чуковский пишет по этому поводу: «Писателям-переводчикам, как и писателям оригинальным, необходим жизненный опыт, необходим неустанно пополняемый запас впечатлений. Писатель оригинальный и писатель-переводчик, не обладающие многосторонним жизненным опытом, в равной мере страдают худосочием. Век живи — век учись. Учись у жизни. Вглядывайся цепким и любовным взором в окружающий мир... Если ты не видишь красок родной земли, не ощущаешь ее запахов, не слышишь и не различаешь ее звуков, ты не воссоздашь пейзажа иноземного. Если ты не наблюдаешь за переживаниями живых людей, тебе трудно дастся психологический анализ. Ты напустишь туман там, где его нет в подлиннике. Ты поставишь между автором и читателем мутное стекло» [17, с. 55–56].

Таким образом, несмотря на различные взгляды и подходы к соавторству переводчика и автора оригинала, у русских лингвистов преобладает мнение о том, что взаимодействие двух творческих личностей в переводе — это, прежде всего, сотрудничество.

Нельзя сказать подобного о французских лингвистах, которые четко выделяют две противоположные школы перевода относительно позиции автора-переводчика в двуязычной коммуникации: «источник-позиция» («sourcistes») и «цель-позиция» («ciblistes») [20, с. 49]. Аналогов данным реалиям в русском языке нет, следовательно, в рамках лингвистической терминологии «sourcistes» и «ciblistes» служат ярчайшим примером «непереводимости» [2, с. 79]. Приблизительный перевод «источник-позиция» и «цель-позиция» передает пред-

метное содержание терминов, но при этом теряется их колорит.

Согласно первой теории («источник-позиция»), переводчик должен оставаться верным форме оригинального текста. Ему необходимо воспроизвести все стилистические элементы оригинала, сохранить единый тон, не изменять культурную значимость слов и даже (в крайнем случае) подчинить язык перевода форме, диктуемой подлинником. Переводчик — приверженец оригинала в первую очередь должен следить за тем, чтобы не предать набор выразительных средств автора, а также стремиться к точной передаче смыслового содержания текста.

Вторая теория («цель-позиция») исходит из того, что необходимо отдать предпочтение точности слов стилистике, когда это требуется. Чтобы «передать сообщение», в переводе иногда должны присутствовать замены культурно-окрашенных слов оригинала соответствующими эквивалентами, но только хорошо известными читателям принимающей культуры. Самым важным остается «смысл» сообщения, которое пытается передать автор. Прежде всего, переводчик должен передать это сообщение в естественной идиоматичной форме читателю на языке перевода, оставаясь при этом верным языку, манере и тону автора текста-оригинала.

Итак, сторонники концепции «источник-позиция» стремятся к максимальному точному сохранению черт подлинника, а приверженцы теории «цель-позиция» пытаются ассимилировать заимствования для доступности текста перевода.

Столкновение этих двух противоположных концепций перевода происходит, как правило, в контексте повествований, насыщенных культурно-маркированной лексикой. Нельзя не отметить сказы Н.С. Лескова, в которых ярко выражается конфликт «сурсистов» и «сиблистов», и которые он сам считал «непереводимыми» [7]. По словам Д.П. Святополка-Мирского, «Н.С. Лескова русские люди признают самым русским из русских писателей и, который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть» [11].

Именно в сказах ярко выражается конфликт «источник-позиция» и «цель-позиция»:

Спустя несколько лет после публикации символической прозы Н.С. Лескова «Левша», автор заявил о том, что автор и переводчик — это два певца. Если они поют по-разному, то они не могут конкурировать. Он задается вопросом о том, может ли француз представить, например, образ Мармеладова или Раскольникова? Он утверждает, что стиль, язык и искусство писания теряются в переводе [13, с. 242–245].

Подводя итог всему вышесказанному, следует подчеркнуть, что столкновение двух творческих личностей — автора и переводчика — это либо сотрудничество, либо конфликт. Для того чтобы оно стало сотрудничеством, переводчик должен не просто глубоко вникнуть в авторскую эстетику, в его образ мыслей и способ их выражения, он должен вжиться в них, сделать их на время своими. Для

этого мало внимательно проанализировать переводимое произведение, необходимо прочитать как можно больше из написанного этим писателем, познакомиться с его биографией, с литературной критикой, с тем, что сам автор говорил или писал по поводу своих произведений. Для полноценного перевода требуется глубокое знание всего творчества автора и всех обстоятельств создания переводимого произведения. Только при таком подходе переводчик сможет на время перевоплотиться в этого писателя и «заговорить» его голосом. При этом он использует свой творческий потенциал, свое умение создавать художественный текст на переводящем языке, но, полностью переключившись в эстетическую систему автора, настроившись на его стиль, становится «полпредом» создателя оригинала.

Способность вжиться в мироощущение писателя-представителя другой культуры может появиться у переводчика в двух случаях. Во-первых, если он, владея всем разнообразием выразительных средств переводящего языка, все-таки не является в полной мере самостоятельным художником-творцом, т.е. у переводчика нет собственной творческой манеры письма, а поэтому он обладает высокой степенью адаптивности. Во-вторых, если он переводит писателя, близкого ему по мироощущению и творческому методу.

Таким образом, воссоздание в переводе образа автора во всей его индивидуальности возможно лишь в том случае, если переводчик представляет собой творческую личность с богатым личным опытом и высокой степенью адаптивности и если свой перевод он создает на основе глубочайшего проникновения в систему мировоззренческих, этических, эстетических взглядов и художественного метода автора.

Если сравнить несколько переводов одного и того же произведения, выполненных разными переводчиками, то можно найти различия в используемых ими выразительных средствах; анализ показывает, что переводы разнятся друг от друга, потому что каждый переводчик по-своему раскрывает индивидуальность автора. Различие состоит в том, что каждый из них вкладывает в перевод нечто свое, неповторимое, субъективным выражением чего является свой, неповторимый подбор изобразительных средств. Общее в творческом подходе переводчиков заключается в их стремлении соответствовать требованиям, которые предъявляло им общество и духовная культура их времени, а индивидуальное — в своеобразии, в индивидуальном подходе каждого переводчика к оригиналу.

Следовательно, о качестве переводов нужно судить не столько по количеству удачно переданных моментов оригинала, сколько по тому, насколько переводчикам удалось добиться единства содержания и формы, объективного и субъективного [8, с. 76].

Опираясь на опыт предшественников и современников, каждый переводчик вырабатывает свои методические принципы переводческой деятельности. Он по-своему

усваивает этот опыт и формирует свой индивидуальный метод переводческой работы.

Задача переводчика — показать, а не скрывать или деформировать творческое своеобразие и творческую личность автора. В то же время перевод не может осуществляться без переводчика. Без его эмоционального

соучастия, сопереживания перевод не может быть художественно полноценным. Отношения между личностью автора и личностью переводчика художественной литературы, их взаимосвязь и взаимообусловленность нужно искать не в исключении творческой личности автора и переводчика, а в их большем или меньшем слиянии.

Литература:

1. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978. — 172 с.
2. Влахов, Флорин 1980 — Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. / Под ред. Вл. Россельса. М.: Международные отношения, 1980. — 352 с.
3. Гарбовский, Н.К. Теория перевода [Текст] / Н.К. Гарбовский. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 544 с.
4. Ейгер Г.В., Юхт В.Л. Некоторые психолингвистические аспекты процесса перевода научно-технической литературы (взаимодействие фоновых и языковых знаний переводчика) // Тетради переводчика (Москва). — 1987. — Вып. 22. — С. 87–93.
5. Казакова Т.А. Практические основы перевода. — СПб., 2001. — 320 с.
6. Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология / Под ред. Б.Ф. Поршнева и Л.И. Анцыферовой. — М., 1971. — С. 122–158.
7. Лесков Н.С. Письмо от 5 октября 1888. Собрание сочинений в 11 томах. — М., 1958, т. XI, — 405 с.
8. Лилова, А.А. Введение в общую теорию перевода [Текст] / А.А. Лилова ; перевод с болгарского ; под общ. ред. П.М. Тора. — : Высшая школа, 1985. — 256 с.
9. Паршин, А. Теория и практика перевода [Текст] / А. Паршин. — М.: Высш. шк., 2008. — 422 с.
10. Ризун В.В. К вопросу о социально-культурной адаптации художественного произведения // Теория и практика перевода. Киев: Вища школа, 1982. — С. 3–12.
11. Святополк-Мирский, Д.П. Поэты и Россия // Версты. Вып. 1. Париж, 1926.
12. Томахин Г.Д. Перевод как межкультурная коммуникация // Перевод и коммуникация. — М.: ИЯЗ РАН, 1997. — С. 129–137.
13. Фаресов А.И. Против течений — Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб. — 1904. — С. 242–245.
14. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. — 338 с.
15. Хайруллин В.И. Способы передачи артефактов в переводе // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Шестой межвузовский семинар по лингво-страноведению. Языки в аспекте лингвострановедения: сб. науч. статей. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Л.Г. Ведениной. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — С. 191–196.
16. Цвиллинг М.Я. Требования к личности устного переводчика и проблема профессиональной подготовки. // Перевод и лингвистика текста. — М., 1994. — С. 128–135.
17. Чуковский К.И. Высокое искусство. — М., 1988. — с. 448.
18. Швейцер А.Д. Основные проблемы обучения переводу с русского языка на иностранный // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе: Сб. науч. тр. / МГЛУ. Вып. 423. — М., 1996. — С. 84–92.
19. Dolet E. La manière de bien traduire d'une langue en autre, P. — 1540. — p. 183.
20. Gery. C. Mélanges offerts à Daniel Alexandre, Modernités russes hors série // De la source à la cible : quelques réflexions sur la traduction des skaz de N.S. Leskov. — Lyon, 2008, p. 49–63
21. Nida E.A. Language Structure and Translation. — Stanford, Calif, 1975. — 230 p.
22. Rechetov V.G., Tcharouchin A.N. Essays of John Dryden / Ed. by W.P. Ker. Oxford, 1926. Vol. 1–2.
23. Tytler A.F. Essay on the Principles of Translation, London, 1791.

Общая характеристика грамматической стороны глаголов в английском и башкирском языках

Ишбаев Зульфат Зуфарович, аспирант

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы (г. Уфа)

Лингвистическая типология и сопоставительный метод обучения языкам служат основным ориентиром при научном описании и практическом изучении языков. Но не всякое сравнение полезно, лишь то, которое имеет под собой определенную научную основу. Основное внимание уделено в работе выявлению и сопоставлению функциональной нагрузки каждого из языковых средств, включенных в формальную структуру грамматических категорий, что объясняется также научно-методической направленностью нашего исследования. Башкирский и английский языки, как известно, относятся к различным группам, как по генетической, так и по типологической характеристике. Башкирский язык является представителем тюркской ветви алтайской семьи языков (Баскаков А.Н.). Английский язык входит в западногерманскую подгруппу ветви индоевропейских языков. Поэтому необходимо сделать общий сопоставительный анализ глаголов башкирского и английского языков, найти сходства и различия.

В английской части мы опирались на труды известных английских ученых-грамматистов: Б.А. Ильиш, И.П. Иванова, М.М. Гухман, В.Д. Аракина и других, в башкирской — Н.К. Дмитриева, А.А. Юлдашева, А.М. Азнабаева, М.В. Зайнуллина.

Следует отметить, что наибольший значительный опыт сопоставительного исследования башкирского и английского в башкирском языкознании уже накоплен, а также башкирского и других иностранных языков в структурно-грамматическом аспекте. Можно выделить таких представителей сравнительной типологии как М.А. Хасанова, Н.М. Имашеву, Р.Х.Каримова, Л.В. Филиппова, А.М. Азнабаева, Р.Х. Хайруллину.

Перейдем к рассмотрению самого глагола в сопоставительном плане в башкирском и английском языках. Найдем общие черты сходства и различия. На основе сопоставительного анализа глагола двух языков постараемся сделать вывод для дальнейшего рассмотрения видо-временных форм.

Глагол в сопоставляемых языках — это знаменательная часть речи, обозначающая действие или состояние предмета. Это одна из самых древних по происхождению частей речи. [1, с.85]

Глагол в башкирском языке изменяется по следующим категориям: наклонение, время, лицо и число. Все эти категории относятся к словоизменению глаголов. [3, с.129]

Что касается системы английского глагола, то представлены следующие грамматические категории: 1) категория времени; 2) категория наклонения; 3) категория залога; 4) категория вида, представленная формами двух видов — общего вида и длительного вида; 5) категория временной отнесенности, представленная формами перфекта; 6) категория числа.

В строгом смысле в башкирском языке грамматическая категория времени свойственна лишь изъявительному наклонению. Ибо в системе глагола только оно выражает реальное действие, обязательное соотношение с определенной точкой отсчета — с момента речи. По отношению к моменту речи действие соотносится трояко: 1) предшествует моменту речи (прошедшее время), 2) одновременно с моментом речи (настоящее время), 3) может произойти после момента речи (будущее время). [10, с.272]

Основных времен (tenses) в английском действительно всего три: настоящее (Present), прошедшее (Past) и будущее (Future). Однако каждое из них имеет по четыре формы (aspects): простое (Simple), продолженное (Continuous), завершенное (Perfect) и завершенное продолженное время (Perfect Continuous). Составляя простейшую прямоугольную матрицу три на четыре, получаем искомые двенадцать времен (таблица 1).

Как видно, система достаточно стройная и последовательная.

В башкирском языке же глаголы изъявительного наклонения имеют искомые три времени (будущее, настоящее, прошедшее), но так же, как и в английском языке, имеет несколько дополнительных форм, различающиеся по очевидности и неочевидности (определенные и неопределенные формы) [1, с.101] по завершенности и незавершенности действий. Таким образом, все формы прошедшего и будущего времени по модальности подразделяются на 1) временные формы, выражающие модальное значение определенности, или категоричности, 2) временные формы, выражающие модальное значение неопределенности, некатегоричности. Эти основные различительные

Таблица 1

	Simple	Continuous	Perfect	Perfect Continuous
Present	I write	I am writing	I have written	I have been writing
Past	I wrote	I was writing	I had written	I had been writing
Future	I will write	I will be writing	I will have written	I will have been writing

модальные значения временных форм, в свою очередь, осложняются дополнительными оттенками модальности, особенно в сфере прошедшего времени, представленного целым рядом форм. [10, с.271]

В современном башкирском языке М.В. Зайнуллин выделил одиннадцать видовременных форм:

- очевидное/определенное прошедшее время (билдәле/шаһитлы үткән заман);
- неочевидное/неопределенное прошедшее время (билдәһез/шаһитһыз үткән заман);
- незаконченное/несовершенное прошедшее время (тамамланмаған үткән заман);
- очевидное/определенное предпрошедшее время (билдәле/шаһитлы элек үткән заман);
- неочевидное/неопределенное предпрошедшее время (билдәһез/шаһитһыз элек үткән заман);
- обычно повторяющееся прошедшее действие (билдәһез/шаһитһыз кабатлаулы үткән заман);
- неочевидное/неопределенное давнопрошедшее время (билдәһез/шаһитһыз борон элек үткән заман);
- очевидное/определенное давнопрошедшее время (билдәле/шаһитлы борон элек үткән заман);
- настоящее время (хәзерге заман);
- очевидное/определенное будущее время (билдәле киләсәк заман);
- неочевидное/неопределенное будущее время (билдәһез киләсәк заман). [4, с.104]

Исходя из формулировки общих типологических особенностей глаголов двух генетически неродственных языков, возможно сделать компаративный анализ видовременных форм прошедшего времени английского языка с прошедшим временем башкирского языка.

Сопоставительная характеристика The Past Indefinite Tense в английском и глаголов прошедшего определенного времени в башкирском языках

The Past Indefinite Tense (Прошедшее неопределенное время) служит для выражения действия, совершившегося или совершавшегося в прошлом. Это время употребляется в повествовании, то есть при изложении событий, имевших место в прошлом, а также в разговоре прошедших событиях. Past Indefinite переводится на русский язык прошедшим временем глагола как совершенного, так и несовершенного вида, в зависимости от смысла предложения.

Past Indefinite употребляется в следующих формах:

1. Для выражения прошедшего действия с такими обозначениями времени, как yesterday (*кисә – вчера*), last week (*үткән азнала – на прошлой неделе*), an hour ago (*бер сәғәт элек – час назад*), the other day (*теге көндәрҙә – в те дни*), on Monday (*дүшәмбе көндө – в понедельник*), in 1917 (*1917 йылда – в 1917 году*), during the war (*һуғыш йылдарында – во время войны*) и т.п.

2. Для выражения ряда прошедших действий, передаваемых в той последовательности, в которой они проис-

ходили:

He left the hotel, took a taxi and drove to the theatre. — Он вышел из гостиницы, взял такси и поехал в театр. — Ул кунакхананан сыкты, такси сакыртып алды ла театрға юлланды. [6, с. 120–121]

Прошедшее время глагола также активно используется в тюркологии. Тюркологи выделяют две формы данного времени — очевидное (личное) прошедшее время (билдәле (шаһитлы) үткән заман) и неочевидное (безличное) прошедшее время (билдәһез (шаһитһыз) үткән заман). В обоих видах глагол в башкирском языке стоит в прошедшем времени в изъявительном наклонении и обозначает окончательный результат, то есть факт содеянного в прошлом на лицо, которое произошло в далеком прошлом или же только что случившееся.

Что касается неочевидности в английском языке, следует сказать, что вероятность, неочевидность и заглазность любого события в английском языке может быть представлена лишь лексико-грамматическими способами. Исследователи по английскому языку практически не затрагивают этой области, так как глаголу не характерно проявлять себя в плане очевидного или неочевидного действия. [9, с.305]

Следовательно, мы можем сопоставить и найти сходства и различия между прошедшим временем английского и башкирского языков.

Итак, по способу образования прошедшее неопределенное время (Past Indefinite) и причастия прошедшего времени (Past Participle) глаголы делятся на две группы: правильные и неправильные.

Правильные глаголы образуют Past Indefinite, так же и причастия прошедшего времени Past Participle, путем прибавления во всех лицах окончания **—ed** к форме инфинитива: to live (йәшәргә/жить) — I lived (йәшәнем/я жил), to work (эшләргә/работать) — I worked (эшләнем/я работал), to yell (кысқырырга/визжать) — he yelled (кысқырды/он завизжал). [6, с. 108]

В зависимости от того на какой звук заканчивается основа правильного глагола в английском языке суффикс **—ed** может произноситься по-разному. Если в конце основы глагола стоит согласный звук **[d]** или **[t]**, то суффикс произносится как **[id]**: to translate [trænsleɪt] (тәржемә итеү/переводить) — translated [trænsleɪtɪd] (тәржемә итте/перевел). Основы, оканчивающиеся на гласные звуки и на звонкие согласные (кроме **d**), то **—ed** звучит как **[d]**: to smile [smaɪl] (көлөү/смеяться) — smiled [smaɪld] (көлдө/смеялся), to answer ['ɑ:nsə] (яуап бирергә/отвечать) — answered ['ɑ:nsəd] (яуап бирзе/ответил). При окончании на глухие согласные, кроме **t**, то **—ed** звучит как **[t]**: to stop [stɒp] (туктарға/останавливаться) — stopped [stɒpt] (туктаны/остановился), to ask [ɑ:sk] (һорарға/спрашивать) — asked [ɑ:skt] (һораны/спросил). [5, с. 179–180]

При образовании Past Indefinite и Past Participle правильных глаголов соблюдаются следующие правила орфографии:

Таблица 1

	Infinitive	Past Infinitive	Past Participle
путем изменения корневого гласного формы инфинитива	to begin to meet	began met	begun met
путем изменения корневого гласного и прибавления к форме инфинитива	to speak to give	spoke gave	spoken given
путем изменения окончания формы инфинитива	to send to build	sent built	sent built

а) Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на немое **—e**, теряют эту гласную при прибавлении окончания **—ed**:

to hope (өмөтлэнәргә — надеяться) — hoped (өмөтләнә — надеялся)

б) Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на **—y** с предшествующей согласной, меняют **y** на **i**:

to try (тырышырга — стараться) — tried (тырышкан — старался)

в) Если односложный глагол в инфинитиве оканчивается на одну согласную с предшествующим кратким гласным звуком, то конечная согласная удваивается:

to wrap (тәкләргә — складывать) — wrapped (тәкләне — склал)

г) Двусложные и многосложные глаголы, оканчивающиеся на одну согласную с предшествующим кратким гласным звуком, удваивают конечную согласную только в том случае, если ударение падает на последний слог:

to refer [ri'fə:] (тапшырыу — передавать) — referred (тапшырган — передал)

Но: to order (теҙергә — располагать) — ordered (теҙе — расположил), to develop [di'veləp] (етештерергә — развивать) — developed (етештерзе — развил).

Если глагол оканчивается на **I**, то **I** удваивается независимо от того, падает ли ударение на последний слог или нет:

to travel ['trævl] (сәйәхәттә сығыу — путешествовать) — travelled (сәйәхәт итте — путешествовал)

to cancel ['kænsəl] (— отменить) — cancelled (отменил).

К неправильным глаголам принадлежат глаголы, образующие Past Indefinite и Past Participle не путем прибавления окончания **—ed** к инфинитиву, а различными другими способами:

У некоторых неправильных глаголов все три формы одинаковы: to cut, cut, cut; to put, put, put.

Количество неправильных глаголов невелико, но к ним относятся многие самые употребительные глаголы. Неправильные глаголы рекомендуется заучивать в трех основных формах. [6, с. 108–110]

В башкирском языке, как и в других тюркских языках, прошедшее время образуется путем добавления к основе глагола аффикса **—ды** и его фонетических вариантов: [4, с. 104–118]

Отрицательная форма как правильных, так и неправильных глаголов образуется при помощи вспомогательного глагола **to do** в прошедшем времени (**did**), частицы **not** и формы инфинитива смыслового глагола, причем **not** ставится после вспомогательного глагола: I did **not** work. — Мин эшләмәнем. He did not work. — Ул эшләмәне. I did **not** speak. — Мин әйтмәнем. He did **not** speak. — Ул әйтмәне. [6, с. 120]

Отрицательная форма прошедшего времени глагола в башкирском языке образуется путем добавлением к основе глагола окончания отрицания (юклык ялгауы) — **ма/-мә**, а затем уже добавляются выше перечисленные окончания. Окончание категории лица добавляется после окончаний отрицательной формы и образующих прошедшее время. [4, с. 104–118]

Н.К. Дмитриев выделяет четыре параллельных варианта спряжения или четыре аспекта глагола в башкирском (и в других тюркских языках) языке: положительный, отрицательный, возможности и невозможности. Так как нас интересует положительный и отрицательный аспекты, подробнее рассмотрим вопрос спряжения глагола. Положительный аспект представляет собой нормальный тип спряжения. Действие в нем изображается как реальное и объективно происходящее. Никаких специфических аффиксов (помимо аффиксов наклонения, времени, лица и числа) положительный аспект не имеет. В положительном аспекте ведется спряжение во всех тех языках, которое не противопоставляет этот аспект другим (так, например, дело обстоит в русском языке). Отрицательный аспект представляет действие любого наклонения, времени, лица и числа как бы с алгебраическим знаком «минус». В этом аспекте (для тюркских языков) будут стоять такие русские выражения, как: «он не идет», «не идите», «не идущий», «не идя» и т.д. Внешним показателем этого аспекта является аффикс **—ма/-мә**. Аффикс глагольного отрицания **—ма/-мә** безударен, и основное ударение слова ставится на слоге, который предшествует аффиксу отрицания. Пример: укы-ма-ны — не прочитал — **didn't** read, бар-ма-ған-һың — ты не ходил — you **did not go**, кил-мә-не — не пришел — **did not come**.

Только в тех случаях, когда аффикс **—ма/-мә** сливается в один слог с другими аффиксами и образует как бы стяженную форму аффикса, ударение ставится на этой стя-

Таблица 2

основа глагола в башкирском языке	окончания	примеры
а, ә, ы, е, о, ө	-ны, -не, -но, -нө	эшлә-не, укы-ны, йонсо-но, йөрө-нө
з, р, й, у, ү	-зы, -зе, -зо, -зө	яз-зы – написал, боз-зо – сломал, күр-зе – видел, өз-зө – оторвал
л, м, н, ң	-ды, -де, -до, -дө	ал-ды – взял, кил-де – пришел, тотон-до – использовал, көл-дө – смеялся
к, к, п, ҫ, с, т, ш	-ты, -те, -то, -тө	баҫ-ты – наступил, кит-те – ушел, от-то – обманул, төш-тө – слез, аҫ-ты – тек
	-ған/-гән, -кан/-кән	килгән – пришел, ашаткан – накормил

женной форме. Пример: ал-ма-й (не беря), ал-ма-ҫ (он не возьмет).

Как видно из этих примеров, аффикс отрицательного аспекта ставится непосредственно после корня (основы) и перед всеми другими аффиксами глагольного спряжения. Он утверждает, что это не случайно. Как мы знаем, ближе к корню всегда ставится показатель более широкой по объему грамматической категории, а категория аспекта шире категории наклонения, времени, лица и числа. [3, с. 131–132]

Что касается вопросительной формы как правильных, так и неправильных глаголов образуется при помощи вспомогательного глагола **to do** в прошедшем времени (**did**) и формы инфинитива смыслового глагола (без **to**), причем вспомогательный глагол ставится перед подлежащим: *Did he work?* – Ул эшләнемә? *Did I speak?* – Мин әйттемме? *Did he speak?* – Ул әйттеме? [6, с. 120]

Вопросительные предложения в башкирском языке доктор филологических наук А.А. Юлдашев разделит на собственно-вопросительные и на вопросительно-риторические. Отличительная черта и характерная особенность собственно-вопросительных предложений заключается в том, что они требуют ответа собеседника, тогда как вопросительно-риторические предложения не требуют прямого обязательного ответа. В вопросительном предложении – будь оно собственно-вопросительное или вопросительно-риторическое – логическое ударение падает на вопросительное местоимение, а если вопрос выражается при помощи вопросительных частиц – **мы/-мә**, – **мы/-ме**, то ударение как правило, падает на предпоследний слог в замыкающем слове: **Нисегерәк** был һүҙе әйтте ул? – Как он сказал это слово? – *How did he say this word?*; Эштең башынан алып эшләнемә? – Он работал с самого начала? – *Did he work from beginning?* [10, с. 430–431]

3. Для выражения обычного, повторяющегося прошедшего действия:

Last winter I spent a lot of time in the library. – Прошлой зимой я проводил много времени в библиотеке. – Былтыр ҡыш мин күпселек ваҡытымды китапханала үткәрҙем.

While she was in Ufa, she called on us every evening. – Когда она была в Уфе, она навещала нас каждый вечер. – УлӨфөлә булғанда кистәрен безгә килә торған булды.

В этом случае вместо Past Indefinite очень часто употребляется также **used** в сочетании с инфинитивом с частицей **to**:

Last winter I **used to spend** a lot of time in the library.

While she was in Ufa, she **used to call** on us every evening.

Used в сочетании с инфинитивом переводится на русский язык прошедшим временем несовершенного вида, часто с наречием *обычно, как обычно (ғәҙәттә, ғәҙәттәгесә)* [8, с. 738]:

I used to read – я читал, обычно читал – мин укыным. Two years ago I used to read newspapers every morning. – Һәр иртә мин ғәҙәттә гәзит укыным. Ике йыл элек мин һәр иртә гәзит укый торғайным.

They used to buy – они покупали, обычно покупали – улар һатып алып ине.

We used to receive – мы получали, обычно получали – без ала торғайныҡ.

Used употребляется не только для выражения повторявшихся действий, но и для выражения действий или состояний, которые продолжались длительный период времени в прошлом. Часто употребляется с глаголами **to be**, **to know**, **to live** и др.

He used to be very strong in his youth. – Он был очень сильным в молодости. – Йәш сактарында ул көслө була торғайны.

I used to know that man. – Я знал этого человека. – Был кешене белә торғайным.

He used to live in Ufa. – Он жил в Уфе. – УлӨфөлә йәшәп ине. [6, с. 121–122]

Опираясь на работу проф. М.В. Зайнуллина, можно сказать, что данному виду видовременной формы глагола в английском языке соответствует форма давнопрошедшего времени (борон (күптән) үткән заман) в башкирском языке. В современном башкирском языке она имеет своеобразную сложную конструкцию, и каждый ее вид имеет определенный смысловой оттенок. Эта видо-временная форма глагола башкирского языка используется для выражения действий в прошлом, имевших обычный,

регулярный характер или многократно повторявшийся. В давнопрошедшем времени глагола (борон (күптән) үткән заман) башкирского языка есть два вида: очевидное давнопрошедшее время (билдәле борон үткән заман) и неочевидное давнопрошедшее время (билдәһез борон үткән заман). Но мы уже отметили, что для грамматики английского языка факты очевидности и неочевидности не столь важны и при необходимости смысл передается придаточными предложениями или словами в контексте. [9, с. 305]

Давнопрошедшее время личной формы глагола в башкирском языке образуется нижеперечисленными 4 способами. Надо обратить внимание, что личная форма глагола подразумевает собой действия, происходившие при участии самого говорящего, то есть является непосредственным очевидцем минувших событий. Итак:

1) путем добавления к основе глагола аффиксов причастия будущего времени будущего времени — *ыр*, *-ер*, *-ор*, *-өр*, *-р* и вспомогательного глагола *ине*. Эта форма употребляется в значении положительного отношения к человеку, которого вспоминают добрыми словами об его жизни, работе, характере и т.п., изначально она используется только в 3-ем лице. Также выражает повторяющиеся действия в прошлом. [4, с. 119]

Ул *барыр ине* — he *used to go*

Бала *илар ине* — child *used to cry*

2) к причастию настоящего времени (хәзерге заман сифат *кылым*) прибавляется *бул*. Эта форма глагола обозначает время событий в давнем прошлом в момент разговора. Она используется во всех лицах.

сәләм *ебәрә торған булды* — передавал приветы — *used to say hello*

3) к деепричастию (хәл *кылым*) + *торғайны*

Ул *төшкөлөккә алма ашай торғайны*. — На обед он обычно ел яблоки. — He *used to eat* apples for lunch.

Как и во втором способе образования давнопрошедшего времени башкирского языка свойственна грамматическая категория лица.

единственное множественное

(берлек) (күплек)

1. бара (бармай) торғайным бара (бармай) торғайнык

2. бара (бармай) торғайның бара (бармай) торғайнығыз

3. бара (бармай) торғайны бара (бармай) торғайны (лар)

4) давнопрошедшее время дается такими формами, как *барыр булды*, *килер булды*. Эта форма используется не так часто, как предыдущие, но можно встретить в художественной литературе, в печати.

Улар *беззә йоклар булды*. — Они часто ночевали у нас. — They *used to sleep* in our house.

Давнопрошедшее время безличной формы глагола образуется двумя способами:

1) к причастию будущего времени (*киләсәк заман* сифат *кылым*) с аффиксами *-ыр*, *-ер*, *-ор*, *-өр*, *-р* добавляется модальный глагол *бул* в безличной форме (*-ған*):

барыр булған — часто ходил — *used to go*

тотор булған — часто держал — *used to hold*

2) к деепричастию (хәл *кылым*) прибавляется вспомогательный сложный глагол *торған булған*:

көлә торған булған — обычно смеялся — *used to smile*

яза торған булған — обычно писал — *used to write*. [4, с. 120—124]

Профессор Н.К. Дмитриев в своей научной работе по исследованию грамматики башкирского языка отметил, что причастия, инфинитивы, деепричастия не изменяются по категории лица. В нашем случае в сложных глаголах по лицам изменяются только вспомогательные конечные глаголы. [2, с.161]

В английском языке *used* употребляется только в прошедшем времени. Вопросительные и отрицательные формы этого оборота встречаются крайне редко, и для них нет единообразного способа выражения. Так, хотя для вопроса обычна форма «*did he used to?*», в британском варианте встречаются и форма «*used he to?*». [7, с. 82]

По общепринятым правилам вопросительная форма образуется как вспомогательным глаголом *did*, так и без него. Отрицательная форма образуется без *did*:

Used you (Did you use) to take English lessons every day? — Вы брали уроки английского языка каждый день? — *Һез инглиз телен көндә укынығызмы?*

He *used not (usen't, usedn't) to have dinner at home.* — Он (обычно) не обедал дома. — Ул *төшкө ашты өйҙә ашамай торғайны*. [6, с.122]

Возвращаясь к рассмотренному вопросу об образовании вопросительного предложения в башкирском языке, можно также добавить, что она образуется аналитическим способом при помощи добавления к инфинитиву первого слова сложного глагола аффиксов прошедшего времени и к инфинитиву вспомогательного глагола вопросительного аффикса — *мы*, *-ме*.

Показателем отрицательной формы (*юклык аспекты*) глагола башкирского языка являются аффиксы — *ма/-мә*. [2, с. 163—164]

В английском языке есть иной оборот в устойчивой форме «*would + основа инфинитива*», который выражает действие более или менее регулярно повторявшееся в прошлом, но не противопоставленное положению вещей в настоящем. Пример: «*I know nothing about it*», he *would say and turn his head away*. — «Я ничего об этом не знаю», бывало, говорил он и отворачивался. Every Christmas Eve day we met him at the station, and he *would spend a week with us*. — Каждый сочельник мы встречали его на станции, и он проводил у нас неделю. [7, с.83]

Можно сказать, что задачи сопоставительной грамматики языков могут быть решены лишь при условии совершенствования методики грамматического анализа на основе принципа историзма, признания диалектического единства содержания и формы, объективности существования языка. В соответствии с этими принципами представляется неприемлемым использование оппозитивного анализа как исходного этапа, и предлагаются следующие

последовательные этапы анализа: 1) синтагматическая идентификация грамматической формы, основанная на функциональном подходе; 2) парадигматическая идентификация грамматической формы; 3) оппозитивный анализ. Применение этой методики анализа в грамматике вслед за представителями фонетической школы Л.В. Щербы подтвердило целостность, непротиворечивость общетеоретической концепции Л.В. Щербы и принципиальную возможность единой методики анализа различных уровней языковой системы, основанной на равноправиях единиц.

Адекватное описание сопоставительной грамматики имеет в практике преподавания языка также методоло-

гическую и педагогическую значимость, так как языковая система предстает в этом случае перед студентами, учениками как исторически развивающееся явление, сложность же этого явления, будучи отражена в его описании и осознана учениками, не может служить препятствием в практике изучения языка, но, напротив, должна быть непременно учтена, если мы ставим перед собой цель сформулировать такие грамматические правила, которые служили бы надежным руководством в речевой деятельности. Иными словами, нужно описывать и изучать существующие грамматики.

Литература:

1. Азнабаев А.М., Хайруллина Р.Х. Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков: учебное пособие. — Уфа: Гилем, 2006.
2. Дмитриев Н.К. Башкорт теленен грамматикаһы. Филми баһма. —Өфө: БДУ-ның редакция-нәшрият үзәге, 2008. — 326 б.
3. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Издание трудов выдающихся ученых»; Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. — М.: Наука, 2008.
4. Зәйнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзби теле: Морфология /Юғары уҡыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек/ БДУ. —Өфө, 2002. — 388 бит.
5. Зеленщиков А.В., Петрова Е.С. (Грамматика современного английского языка): Учебник для студентов высших учебных заведений. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 640 с. 179—180.
6. Качалов К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами. М.: — «ЛадКом». — 2008.
7. Корнеева Е.А. Грамматика английского глагола в теории и практике: Время, вид, временная отнесенность, залог, наклонение. Серия: Изучаем иностранные языки. — СПб, Издательство Союз, 2000.
8. Русско-башкирский словарь: В 2 т. / Под редакцией З.Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. с. 738.
9. Хисамова Д.Д. Сопоставительный анализ прошедшего неопределенного времени в башкирском языке и настоящего перфектного времени (Present Perfect) в английском языке. Вестник Башкирского университета. Т.13. № 2, 2008, с. 305.
10. Юлдашев А.А. Грамматика современного башкирского литературного языка. Академия наук СССР, башкирский филиал Институт истории, языка и литературы. М.: Издательство «Наука», 1981.

Особенности способов и приемов перевода фразеологизмов различных языковых культур

Карабахцян Эмма Камоевна, кандидат филологических наук, преподаватель
Армавирская государственная педагогическая академия

Григорян Ермоне Осеповна, старший преподаватель
Армавирский лингвистический социальный институт

Исследование особенностей перевода фразеологизмов следует начать с определения самих фразеологических единиц. По мнению А.В. Кунина, фразеологические единицы (ФЕ) — это устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением [7]. На-

иболее общими признаками ФЕ называют «языковую устойчивость, семантическую целостность и раздельнооформленность» [3].

Фразеологические единицы заполняют ниши в лексической системе языка, которая не может полностью

обеспечить наименование познанных человеком сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д. Образование фразеологизмов ослабляет противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка. В тех же случаях, когда у фразеологизма имеется лексический синоним, они обычно различаются в стилистическом отношении [9, с.68].

Фразеология — это сокровищница любого языка. Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Фразеологизмы — высоко информативные единицы языка. Именно поэтому вопрос перевода фразеологических единиц представляет особую важность в науке перевода. Существуют различные мнения о том, как следует переводить художественное произведение с языка оригинала. Некоторые полагают, что выраженное автором должно быть перевыражено переводчиком (А. Пушкин); другие предлагают иногда отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе (Н. Гоголь); третьи говорят, что не следует переводить слова, и даже иногда смысл, главное — надо передавать впечатление (А. Толстой); последние призывают переводить смех — смехом, улыбку — улыбкой и т.д. (К. Чуковский).

Исследователи фразеологии различных языков отмечают, что в процессе функционирования в речи ФЕ часто подвергаются различным преобразованиям. Эти трансформации всегда целенаправленны и осуществляются с определенным коммуникативным и стилистическим заданием. Ш. Балли писал: «Если ученый или инженер изменяют язык для того, чтобы «обезличить» его и сделать более логичным, рассудочным, то писатель преобразует его, чтобы сделать пригодным для выражения сугубо индивидуальной мысли, т.е. эффективного и эстетического содержания» [2, с. 280].

Многие авторы в качестве исходной точки берут лингвистические классификации, построенные в основном на критерии неразложимости фразеологизма, слитности его компонентов, в зависимости от которой и от ряда дополнительных признаков — мотивировки значения, метафоричности и т.п. — определяется место ФЕ в одном из следующих разделов: фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства (метафорические единицы), фразеологические сочетания и фразеологические выражения (Ш. Балли, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, Н.М. Шанский). Показательной в отношении творческого использования такой классификации в теории и практике перевода можно считать работу Л.В. Фёдорова. Разобрав основные для того времени (1968) лингвистические схемы, он останавливается на предложенной В.В. Виноградовым и осмысливает её с точки зрения переводоведения.

Считается, что возможности достижения полноценного словарного перевода ФЕ зависят в основном от соотношений между единицами исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ):

1) ФЕ имеет в ПЯ точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение + коннотации);

2) ФЕ можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода;

3) ФЕ не имеет в ПЯ ни эквивалентов, ни аналогов и непереводима в словарном порядке.

Несколько упрощая схему, можно сказать, что ФЕ переводят либо фразеологизмом (первые два пункта) — фразеологический перевод, либо иными средствами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) — нефразеологический перевод. Между ними имеется множество промежуточных, средних решений, например, в зависимости от некоторых характерных признаков и видов ФЕ (образная — необразная фразеология, ФЕ пословичного — непословичного типа), перевод с учётом стиля, колорита, языка, авторства отдельных единиц и так далее. Эти дополнительные аспекты полнее представят проблему перевода ФЕ, расширят и облегчат выбор наиболее подходящего приёма.

Рассмотрим сначала фразеологический перевод.

Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

Для того чтобы говорить дальше о данном способе перевода, дадим определение фразеологическому эквиваленту. Фразеологический эквивалент — это фразеологизм на ПЯ, по всем показателям равноценный переводимой единице. Как правило, вне зависимости от контекста, он должен обладать теми же денотативным и коннотативным значениями, т.е. между соотносительными ФЕ не должно быть различий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесённости, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски, они должны иметь приблизительно одинаковый компонентный состав, обладать рядом одинаковых лексико-грамматических показателей: сочетаемостью (например, в отношении требования одушевлённости/неодушевлённости), принадлежностью к одной грамматической категории, употребительностью, связью с контекстными словами-спутниками и т.д.; и ещё одним — отсутствием национального колорита.

Речь идёт, по существу, о полной и абсолютной эквивалентности. Всё это — уже существующие, сравнительно немногочисленные единицы, работа с которыми сводится к их обнаружению в ПЯ; решающая роль в этой работе большей частью принадлежит отличному владению ПЯ и словарями.

Неполным (частичным) фразеологическим эквивалентом называют такую единицу ПЯ, которая является эквивалентом, полным и абсолютным, соотносительной многозначной единицей в ИЯ, но не во всех её значениях.

Например, *Slaughter of the Innocents*, известный библеизм, полностью соответствует в русском языке изби-

ение младенцев, но эта русская единица является лишь частичным эквивалентом, так как в английском языке ФЕ имеет ещё одно значение — жарг. «не рассмотрение законопроектов ввиду недостатка времени (в конце парламентской сессии)».

Частичных эквивалентов сравнительно немного, так как вообще явление многозначности менее характерно для фразеологии. Гораздо чаще встречаются случаи относительной фразеологической эквивалентности.

Относительный фразеологический эквивалент уступает абсолютному лишь в том, что отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие, часто синонимические компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения и т.п. В остальном он является полноценным соответствием переводимой ФЕ, «относительность» которого скрадывается контекстом. Различие может быть, например, в сочетаемости, в неодинаковом лексико-семантическом содержании отдельных компонентов. Например, «наступить на горло» соответствует эквиваленту армянского языка «схватить за шиворот».

В других случаях эквивалент может отличаться от исходной ФЕ по компонентному составу; например, один и тот же образ может быть выражен экономнее или пространнее. Образы могут быть очень близкими, соприкасающимися, например, «дождь» — «ливень» — «осадки»; весьма далёкими, но логически сопоставимыми: например, «похожесть» русский, болгарин и француз видят в «двух каплях воды», у немца и чеха это «два яйца», у англичанина — «две горошины», у армян — «две половины яблока». В русском языке фраза «палке негде упасть» эквивалентна армянской «иголке негде упасть».

Но образы двух аналогов (на ИЯ и ПЯ) могут не иметь между собой ничего общего как образы, что не мешает эквивалентам исполнять исправно свою функцию в переводе.

В принципе, возможность передавать ФЕ аналогами с образностью, совершенно не имеющей точек соприкосновения в ИЯ и ПЯ, объясняется главным образом тем, что по большей части это стёртые или полустёртые метафоры, не воспринимаемые или, скорее, воспринимаемые подсознательно носителем языка. Степень яркости образа — от очень низкой до нулевой у фразеологических сращений, а в единствах более высокая, но редко достигающая интенсивности в свободном сочетании — является одной из главных предпосылок для выбора приёма перевода между аналогом и калькой.

Наконец, чрезвычайно часты различия, возникающие в случаях использования таких приёмов перевода, как различного рода трансформации типа антонимического перевода, конкретизации и генерализации, которым, подобно лексическим, поддаются и фразеологические единицы.

К фразеологическим можно условно отнести и индивидуальные эквиваленты. Не находя в ПЯ полного соответствия, переводчик иногда вынужден прибегать к словотворчеству, оформляя в духе переводимой единицы новый, свой фразеологизм, максимально напоминающий «есте-

ственный». Если такую «подделку» читатель примет, значит удалось передать содержание и стиль переводимой единицы в достаточно «фразеологической» форме.

Индивидуальные фразеологизмы, если они мастерски «сделаны», обладают показателями обычной ФЕ, отличаясь от неё лишь по одному, самому важному показателю — они не воспроизводимы. Поэтому здесь речь идёт о контекстуальном переводе.

Фразеологические эквиваленты и аналоги встречаются чаще всего в следующих группах устойчивых единиц.

1. Интернациональная фразеология — ФЕ, которые вошли в языки многих народов из исторических (главным образом античных), мифологических, литературных источников, заимствовались из языка в язык или же возникали у разных народов независимо одни от других вследствие общности человеческого мышления, близости отдельных моментов социальной жизни, трудовой деятельности, производства, развития науки и искусств.

Одной принадлежности фразеологизма к интернациональным недостаточно, чтобы обеспечить его правильный перевод. Во-первых, далеко не все вошедшие в один язык «интернациональные единицы» имеются и в остальных языках. Во-вторых, несмотря на одинаковый путь перевода — калькирование, между эквивалентами всё же отмечаются незначительные формальные отличия (словосочетание — сложное слово, предложная — беспредложная конструкция, различная суффиксация и т.д.), а это иногда существенно затрудняет переводчика. Например, русским эквивалентом козла отпущения является англ. *scapegoat* — перевод сложным словом (что гораздо чаще бывает в немецком языке). В-третьих, хотя и сравнительно редко, но эквивалентов может быть больше одного и тогда переводчик не может машинально заменить свою единицу эквивалентной.

Все эти «но» предъявляют переводчику жёсткое требование: проверять по словарям каждый сомнительный случай.

2. Устойчивые сравнения. У многих народов говорят: поёт как соловей, смел как лев, упрям как осёл, пьян как свинья и т.д. Но для тех же качеств наряду с этими образами есть и другие, непривычные для ПЯ. Сравнение с «соловьём» явно не подойдёт для стран, где его не знают, и переводчик должен очень хорошо подумать, прежде чем ввести непривычный образ. Этому же требуют и остальные сравнения — переводить своим, привычным, или сохранить «экзотичное»: например, англичане и французы видят упрямство скорее у мула, а осёл является также символом глупости; что касается пьянства, то наряду со свиньёй у разных народов фигурирует немало других образов: фр. (пьян как) певчий дрозд, монах (францисканец, тамплиер) или ломтик хлеба в бульоне.

3. Составные термины. Составные термины (в том числе и составные названия) — особая группа ФЕ, требующих в любом случае эквивалентов в ПЯ. Однако так как в них терминологическое начало преобладает над фразеологическим, приводим их здесь с той оговоркой, что они

переводятся всегда эквивалентами, но не обязательно фразеологическими: многие составные термины в одном языке имеют однословные эквиваленты в другом (ср. рус. шестерня, англ. gear).

4. Грамматическая фразеология. Грамматическая фразеология — условное название раздельнооформленных частей речи, главным образом составных предлогов и союзов. Предлоги в течение (чего), в связи (с чем), союзы так как, благодаря тому что, в то время как и т.д., подобно терминам, требуют эквивалента в ПЯ, но также не обязательно фразеологического. Среди них есть и единицы интернационального распространения, такие как англ. In accordance, with the exception of и т.п.

Итак, чтобы верно перевести ФЕ с ИЯ на ПЯ переводчик должен обладать не только отличным знанием языков, но и иметь полные знания истории и культуры стран, быть хорошим психологом и уметь правильно пользоваться всевозможными словарями.

Теперь более подробно поговорим о нефразеологическом переводе.

Нефразеологический перевод передаёт данную ФЕ при помощи лексических, а не фразеологических средств ПЯ.

К нему прибегают обычно, лишь убедившись, что ни одним из фразеологических эквивалентов или аналогов воспользоваться нельзя. Такой перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотация, афористичность, оттенки значений), что и заставляет переводчиков обращаться к нему только в случае крайней необходимости.

К нефразеологическому переводу относят:

1. Лексический перевод. Строго лексический перевод применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом — словом. Так, многие английские глаголы, выраженные словосочетаниями, можно передать совершенно безболезненно их лексическим эквивалентом: set или put on fire — «зажечь», catch fire — «зажечься», «загореться». Р. Каффриэлянец при переводе С. Ханзаян «Мхитар Спарпет» использовала лексическим приемом, указывая однословный свободный перевод, из армянского языка «похоронить солнце» на русский «провалиться» [8, с. 538].

Такому переводу, хотя и не совсем безболезненно, поддаются и ФЕ, у которых в ИЯ есть слова синонимы. Это большей частью идиомы, т.е. сочетания, обозначающие предметы или понятия. В отличие от «однословного» и ближе к тому, что называют свободным переводом, смысловое содержание ФЕ может быть передано переменным словосочетанием. Такие переводы вполне удовлетворительно выполняют свою роль и в словаре, указывая точное семантическое значение единицы. Однако в контексте любое соответствие должно приобрести «фразеологический вид» или, по меньшей мере, стилистическую окраску и экспрессивность, близкие к оригинальным.

Одним словом, и при лексическом переводе ФЕ нужно всегда стремиться приблизиться к фразеологическому,

передать хотя бы отдельные его элементы или стороны.

2. Калькирование. Калькирование, или дословный перевод, предпочитают обычно в тех случаях, когда другими приёмами, в частности фразеологическими, нельзя передать ФЕ в целостности её семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по тем или иным причинам желательно «довести» до читателя образную основу.

Калькирование возможно только тогда, когда дословный перевод может довести до читателя истинное содержание всего фразеологизма (а не значения составляющих его частей). Так, в переводе романа С. Ханзаян «Мхитар Спарпет» Р. Каффриэлянец даёт ряд переводов-калек, таких как «место им — в очах моих», «ты — дым очага нашего», «ослепнуть мне» [8, с. 103, 138–139]. Это осуществимо, во-первых, в отношении образных ФЕ, главным образом фразеологических единств, сохранивших метафоричность; калькировать можно, во-вторых, ряд пословиц и, в первую очередь, таких, которые не обладают подтекстом. Этим приёмом можно, в-третьих, передать и некоторые устойчивые сравнения, но, только убедившись, что носитель ПЯ воспримет их правильно.

Многие кальки можно отнести к переводу фразеологическому. Например, *Не дам оторвать ноготь от пальца*, т.е. сына от отца: переводится почти дословно и получается вполне осмысленная фраза на русском языке, обозначающая разделение близких людей друг от друга [10, с. 195].

3. Описательный перевод. Описательный перевод ФЕ сводится, по сути дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования, как это часто бывает вообще с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования — все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание ФЕ, всё с тем же неизменным стремлением к фразеологизации. В контексте этот путь перевода самостоятельного значения не имеет. Говоря о приёмах перевода ФЕ и выборе между ними, остаётся оговорить ещё два понятия: контекстуальный перевод и выборочный перевод.

Чаще всего о контекстуальном переводе мы вспоминаем, конечно, при отсутствии эквивалентов и аналогов — когда фразеологизм приходится передавать нефразеологическими средствами. В русском языке фразеологизм «... время не за горами» соответствует оригиналу в тексте «не так далеко»; рус.: «...как у Христа за пазухой» — «...там жизнь дешёвая».

Выборочный перевод рассматривается не как перевод «устойчивого сочетания слов посредством одного из возможных фразеологических синонимов», а несколько шире — как неизбежный начальный этап любого перевода устойчивого сочетания, да и перевода вообще. Выбирают, опираясь обычно на словарные (известные, общепринятые — за ними не обязательно обращаться к словарю) соответствия, в первую очередь варианты, т.е. синонимы или близкие значения многозначных ФЕ.

Итак, мы рассмотрели основные способы и приёмы перевода фразеологизмов. Мы увидели, что связанные с этим проблемы рассматриваются разными лингвистами по-разному, рекомендуются различные методы перевода, встречаются несовпадающие мнения. В различных ситуациях могут потребоваться разные подходы. Но основная роль здесь принадлежит личности самого переводчика. Он должен ощутить себя частью той культуры, на языке пред-

ставителей которой написан тот или иной текст, должен вжиться в него, сделать единственно возможным и в то же время неповторимый вариант перевода. Для этого ему необходимо интегрировать в своё мышление всю громадную совокупность реалий чужой культуры, и изложить чужие мысли так же ясно и свежо, как они были высказаны, используя при этом всё могущество и богатство языка, на котором говорит он сам [9].

Литература:

1. Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний Collins COBUILD Dictionary Idioms. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. 752 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. 394 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1973. 301 с.
4. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика её исследования (на материале имени существительного). Л.: Просвещение, 1966. с. 192.
5. Арсеньева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. с. 123.
6. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972. 613 с.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. 226 с.
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. с. 396.
9. Ханзадян С.Н., Мхитар Спарпет.: пер. Р. Кафриэлянц; — М.: «Советский писатель», 1971, с. 648.
10. Шепелева Е.В. — Особенности перевода фразеологизмов // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 11 (15), с. 68–72.
11. Ширванзаде А., Избранное: Пер. Я. Хачатрянца; — М.: Правда, 1988.

Некоторые проблемы перевода текстов художественной литературы с японского языка на русский: актуально-синтаксическая проблематика (на примере перевода романа Юкио Мисима «Золотой храм» Григорием Чхартишвили)

Кириллова Анна Евгеньевна, аспирант

Институт стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова

Актуально-синтаксические особенности оригинального текста, создающие особый повествовательный стиль, интонацию, придающие тексту определенный смысл, на наш взгляд, необходимо, так или иначе, передавать в переводе. Основная цель данной работы — понять, существуют ли некие универсальные способы, которые можно было бы сформулировать как операции при переходе от текста оригинала к тексту на языке перевода для актуально-синтаксических конструкций. Для достижения этой цели мы попытаемся выделить на практическом материале возможные способы передачи определенных конструкций и оценить их с точки зрения универсальности. Анализ сделан на основе текста первой главы романа Юкио Мисима «Золотой храм» и его перевода на русский язык, выполненного Григорием Чхартишвили. В статье рассматривается проблема поиска эквивалентов для актуально-синтаксических конструкций со следующими элементами: тематической частицей «wa» и репрезентативной частицей «nado». За минимальную единицу

рассмотрения в данной работе принята группа предложений, контекст, который дает возможность понять особенности коммуникативной структуры интересующей нас конструкции.

Для начала разберем конструкции с тематической частицей «wa». В русском языке, в отличие от японского, нет специально выраженного показателя темы, однако, безусловно, отсутствие материального эквивалента не свидетельствует о невыразимости его функции. Особенности актуального членения японского предложения нужно передать с использованием средств актуального членения русского языка. Рассмотрим примеры тематизации обстоятельства. По терминологии Вардуля обстоятельства, оформленные частицей «wa», являются особым актуально-синтаксическим членом — «обособленным», не входящим ни в состав «темы», ни в состав «нового» [1, с. 52–56]. Сравним два предложения: «Kyo:shitsu ni gakusei ga iru» и «Kyo:shitsu ni wa gakusei ga iru». Сообщается один и тот же факт: «в аудитории студенты», од-

нако, если в первом случае просто констатируется факт пребывания в аудитории студентов, то во втором коммуникативное задание состоит в том, чтобы подчеркнуть факт пребывания студентов именно в аудитории. Рассмотрим конкретные примеры из текста романа.

Практически с первых слов повествования речь заходит о главном образе романа — о Золотом храме: «Shashin ya kyo:kasho **de**, genjitsu no kinkaku o tabitabi minagara, watashi no kokoro no naka **de wa**, chichi no katatta kinkaku no maboroshi no ho: ga sho: o seishita». В данном предложении подчеркивается противопоставление двух храмов: реального — на фото, в учебниках, с одной стороны, и воображаемого — с другой. Содержание, коммуникативную задачу можно представить следующим образом: «я часто видел настоящий храм на фото и в учебниках, но что касается моего внутреннего представления...» или «но если говорить о моем собственном восприятии...». Частица «wa» меняет интонационное строение фразы: после отрезка «watashi no kokoro no naka de wa» следует пауза — тематизация обстоятельства позволяет интонационно выделить эту часть фразы, а значит, и придать ей большую значимость в коммуникативном плане. В переводе противопоставление несомненно присутствует — оно выражено противительным союзом «но», однако, на наш взгляд, оно передано в меньшей степени, чем это сделано в оригинале. «Мне, конечно, много раз попадались фотографии и картинки в учебниках, на которых был изображен знаменитый храм, но в глубине души я представлял его себе совсем иным — таким, каким описывал его отец». Благодаря порядку слов в переводе, где обстоятельство находится в начале второй части сложного предложения, удастся сохранить тематическую роль обстоятельства. И все-таки для передачи подчеркнутого противопоставления двух храмов, для дополнительного выделения тематического обстоятельства можно было бы использовать и другие средства актуального членения. Например, дополнительные лексические единицы, которые никак не меняли бы смысловое содержание, но придали бы больший вес, а за счет этого большую обособленность данного отрезка. Возможен следующий вариант: не просто «в глубине души», а «где-то в глубине души».

В представлении героя романа еще одной важной темой становится его заикание: «Domori ga, saisho no on o hassuru tame ni aseri ni asette iru aida, kare wa naikai no no:mitsuna mochi kara mi o hikihanaso: to jitabatashite iru koto ni mo nite iru. Yatto mi o hikihanashita toki ni **wa**, mo: osoi». В данном примере частица «wa» снова играет роль подчеркивания, коммуникативную задачу можно выразить так: «именно в то самое время, как раз тогда, когда наконец-то удастся освободиться, уже поздно». В переводе выделительная функция выражена не столь явно, как в оригинале: «Заика, сражающийся с первым звуком слова, похож на птичку, бьющуюся в отчаянных попытках вырваться на волю из силка — силка собственного «я». В конце концов, птичка вырвется, но будет уже поздно». В переводе из-за этого, по нашему мнению, несколько снижается

драматичность образа. С другой стороны, перед нами один из возможных способов передачи функции частицы «wa». Действительно, в целом актуальное членение, функция тематической частицы передаются, структура и содержание фразы не искажены, при этом приводимые выше для объяснения коммуникативных заданий конструкции оригинала выражения вроде «что касается», «если речь идет о» «если говорить именно о» и подобные им не столь удачны в данной коммуникативной ситуации.

Рассмотрим еще один пример тематизации обстоятельства. «Chichi no kokuo: wa, hikari no obitadashii tochi de atta. Shikashi, ichinen no uchi, ju: ichi gatsu ju: ni gatsu no koro **ni wa**, tatoe kumo hitotsu nai yo: ni mieru kaisei no hi ni mo, ichinichi ni yon go hen mo shigure ga watatta». Снова выделение обстоятельства времени в качестве темы усиливает содержательное противопоставление обычной солнечной погоды и дождей в ноябре и декабре. И в переводе ожидаем соответствующее актуальное членение, которое может быть передано, например, сочетанием: «... а вот в ноябре и декабре...», то есть, с использованием дополнительной лексической единицы. Однако переводчик, как и в рассмотренных выше конструкциях, сохраняя актуальное членение оригинала при помощи порядка слов: «Родина моего отца оказалась краем, где круглый год щедро сияло солнце, но в ноябре и декабре по несколько раз в день с небес — какими бы синими и безоблачными они ни были — низвергался холодный осенний дождь», где обстоятельство относится к тематической части, больше его никак не выделяет.

Интересны с точки зрения актуального синтаксиса конструкции с «ложными членами предложения» [1, с. 72]. Подобные члены предложения по выражению принадлежат к одной категории, а по содержанию к другой. Это происходит как раз под воздействием актуально-синтаксического фактора. Для адекватного перевода таких конструкций необходимо определить содержание тематических членов предложения. Например, в предложении «Watashi no umareta no wa, maiduru kara to:hoku no, nihonkai he tsukideta urasabishii misaki **de aru**» отрезок «watashi no umareta no wa» является по терминологии Вардуля ложным подлежащим с содержанием совокупности членов, а «misaki de aru» с определением в нем ложным сказуемым с содержанием дополнения. Нас в данной работе приведенная конструкция интересует с точки зрения актуального синтаксиса. То, что Вардуль называет ложным подлежащим, является темой, а ложное сказуемое — ремой. В переводе использован порядок слов с помощью которого передаются упомянутые особенности актуального членения оригинала: «Родился я на отдаленном мысе, сиротливо уходящем в море к северо-востоку от Майдзуру». Нейтральным порядком слов в русском языке признана схема SVO, а изменение порядка слов — перенос предиката в начало, как нашем случае — способствует смещению смыслового ударения.

«Uiko no karada o omotta no wa, sono ban ga hajimete de wa nai». Членение данного предложения похоже на чле-

нение предложения, разобранного выше: отрезок «uiko no karada o omotta no wa» является темой и выражается ложным подлежащим с содержанием совокупности членов, однако далее следует «sono ban ga hajimete de wa nai» — рематическая часть, состоящая из ложного сказуемого с содержанием (обстоятельственного) дополнения «hajimete de wa nai» и подлежащего «sono ban ga». «В ту ночь я не впервые грезил о ее теле». Актуальное членение предложения в переводе и в оригинале, как мы видим, различно. Для того, чтобы сохранить членение тема-рема и положение смыслового ударения, приходящегося на «hajimete de wa nai», можно было бы снова использовать в русском переводе порядок слов: «О теле Уико грезил я в ту ночь не впервые»¹.

В следующем отрезке текста «Uiko ga jimen ni suwatte iru... Mawari ni iru no wa, yon go nin no keihei to, ryo:shin de aru» темой является «mawari ni iru no wa» — ложное подлежащее с содержанием сказуемого, а ремой «yon go nin no keihei to, ryo:shin de aru» — однородные ложные сказуемые, выраженные подлежащими. В русском переводе для передачи актуального членения мы снова наблюдаем использование порядка слов, отличного от нейтрального: «Уико сидела прямо на земле... Рядом стояли ее родители и несколько жандармов». Важно понять, удалось ли при данном варианте перевода сохранить тематическую часть «mawari ni iru no wa», не стало ли предложение констатирующим, в котором новая информация подается атематически [1, с. 16]. Нам представляется, что отрезок «рядом стояли» нельзя считать темой, также как и «рядом». Так как в русском языке глагол «есть, быть», обозначающий присутствие кого-либо, наличие чего-либо в настоящем времени, как правило, эллиптируется, для более точной передачи актуального членения оригинала можно предложить следующий вариант: «Вокруг неё — родители и несколько жандармов».

Для отрывка «(Watashi wa tachiagatte, miburui shite, karada no sokokashiko o kosutta). Samusa dake ga shinnai ni nokotte ita. Nokotte iru no wa samusa dake de atta» переводчик предлагает следующий вариант: «(От минувшей ночи) ничего во мне не осталось, кроме озноба. Озноб — и больше ничего». В японском тексте первое из двух заключительных предложений абзаца имеет нейтральный порядок слов и является констатирующим (состоит только из ремы). Во втором же появляется разделение на тему и рему с помощью использования ложных членов предложения («nokotte iru no wa» — ложное подлежащее, с содержанием сказуемого, и «samusa dake de atta» — ложное сказуемое с содержанием подлежащего), разделенных (оформленных) тематической частицей «wa». Причем, фактически вся информация, из второго предложения, уже известна читателю, поэтому рематическая часть служит не для передачи новой информации, а для акцен-

тирования внимания на уже известной. Для воспроизведения такой коммуникативной задачи в русском тексте переводчик использует не только порядок слов, но и особые лексические средства. Для перевода ограничительной частицы «dake» («только») он вводит конструкцию «ничего не ... кроме». Последняя скорее является эквивалентом «shika ... nai». Однако, это позволяет перевести последнее предложение как «озноб — и больше ничего», сохранив смысловой акцент на конструкции «и больше ничего», что ближе оригиналу.

Далее рассмотрим репрезентативную частицу «nado», аналогом которой в русском языке может быть, в частности, оборот «и так далее» или «и другие». Показатель «nado» может употребляться при перечислении единиц некоего множества, обозначая при этом, что данное множество не ограничено только перечисленными единицами. Отрезок текста «Gogatsu no hanabana, chu:rippu, sui:topii, anemone, hinageshi, nado ga jamen no kaho ni sakisorotte ita» переведен так: «раскинувшийся на склоне цветник пылал майскими цветами — тюльпанами, душистым горошком, анемонами, маками». Без помощи дополнительных лексических средств, только порядком слов и бессоюзным способом перечисления, переводчик передает сходную с поставленной в оригинале коммуникативную задачу. Похожий случай «Gogatsu no hanabana ya, hokori ni michita seifuku ya, akarui waraigoe nado ni taisuru watashi no reigi na no da» в переводе представлен так: «в почтительном благоговении — перед великолепием майских цветов, гордого мундира и громких веселых голосов». Здесь переводчик по какой-то причине предпочитает ограниченное множество, выражая это союзом «и» перед последним из однородных членов.

Однако, «nado» может употребляться и для смягчения категоричности высказывания при отсутствии множества, ограниченного или неограниченного. Приведем пример: «Gogatsu no yu:gata nado, gakko: kara kaette, ... muko: no koyama o miru». Обстоятельство времени автор сопровождает частицей «nado», и это, вероятно, важно для коммуникативной ситуации. В переводе соответствующее обстоятельство обособлено и таким образом интонационно отделено от предложения: «Майскими вечерами, вернувшись после уроков ... я, бывало, ... глядел из окна на окрестные холмы». Следует также обратить внимание на использование в тексте перевода множественного числа, что смягчает категоричность высказывания. Однако, далеко не всегда употребление форм множественного числа можно связать со значением репрезентации. В предложениях, где «nado» сопровождает глагольные конструкции, это невозможно. Например: «Chichi wa kesshite genjitsu no kinkaku ga, konjiki ni kagayaite iru nado to kataranakatta hazu». В русском переводе, в качестве аналога «nado» мы можем использовать конструкции: «типа того», «вроде

¹ Почти полная идентичность лексического состава предложенного нами варианта и анализируемого перевода романа объясняется тем, что мы намеренно использовали те же лексические единицы с тем, чтобы акцентировать внимания на порядке слов.

того», например: «ничего вроде того, что Золотой Храм излучает золотое сияние, отец не говорил» или «Отец не говорил, что Золотой Храм излучает золотое сияние или чего-то в этом роде» (переводной эквивалент «hazi» — это отдельный вопрос, которого мы касаться не будем). Они вполне передают коммуникативную задачу предложения оригинала. Речь идет о том, что отец не говорил ничего подобного, ничего похожего на приведенное высказывание: он никак не пытался описать храм, подобрать хвалебные эпитеты, а не о том, что он не произносил конкретную фразу. Однако, возможно, наши варианты могут показаться громоздкими, избыточными. Рассмотрим перевод Г. Чхартишвили: «О, он не говорил, что от стен святилища исходит золотое сияние...». Краткое междометие «о» в начале предложения в переводе играет близкую к «nado» роль организатора коммуникативной структуры предложения. Придание высказыванию большей эмоциональности делает фразу «от стен святилища исходит золотое сияние» более пафосной и более обобщенной. Но, вероятно, и употребление междометий не может претен-

довать на универсальность. В переводе встречаются и такие отрезки текста, в которых переводчик не отражает функцию репрезентативной частицы «nado». Например, «watashitachi wa kono mura ni kaigun no dasso:hei ga nige konda nado to iu koto ha yume ni mo shiranakatta» передано так, как будто в оригинале отсутствует «nado»: «никто из деревенских и не подозревал, что в наших местах скрывается беглый матрос». Переводчик выбирает такой вариант, несмотря на то, что на основе уже разобранных примеров было продемонстрировано, что функцию «nado» в русском тексте можно воспроизвести. Предложим свой вариант: «В деревне скрывается беглый матрос — да ни о чем таком мы и подумать не могли».

На основе проанализированного материала нельзя говорить о существовании универсальных способов перевода конструкций с тематической частицей «wa» и репрезентативной частицей «nado». В то же время, выявленные способы передачи данных конструкций могут иметь значение для практики преподавания японского языка, а также для прикладного аспекта теории перевода.

Литература:

1. Вардуть И.Ф. «Очерки потенциального синтаксиса японского языка». — М., 1964.
2. Юкио Мисима. Золотой храм. — М., 2010. Перевод Григория Чхартишвили.
3. Mishima Yukio. Kinkakuji. — Shinchosha, Tokyo, 2004.

К вопросу о возможности перевода: философские и лингвистические аспекты проблемы переводимости (на материале романа Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» / «A Clockwork Orange» и его переводов на русский язык)

Лукина Вера Михайловна, преподаватель
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Проблеме переводимости посвящали свои работы многие лингвисты и философы, однако она совершенно не утратила своей актуальности. В её основе лежит вопрос о возможности достижения адекватности в переводе, то есть создания перевода, который бы удовлетворял требованиям эквивалентности и адекватности и, в первую очередь, поставленной прагматической задаче [4, с. 147].

Для достижения данной цели можно выделить два необходимых условия. Первым является сохранение при переводе экспрессивно-эмоциональной нагрузки и художественно-эстетической ценности, носителями которой выступают риторические фигуры или обороты речи, названные Марком Фабием Квинтилианом «красотами речи» [8, с. 258]. Во втором случае речь идёт о разных способах заполнения языковых лакун при помощи различных переводческих трансформаций.

Говоря о языковых лакунах, нельзя не согласиться с Вильгельмом фон Гумбольдтом, который отмечал, что

различное членение мира различными языками выявляется при сопоставлении «простого слова» с «простым понятием». Иными словами, понятие, которое в одном языке выражено «описательными средствами», в другом языке может быть выражено одним словом, без обращения к грамматическим формам [1, с. 187].

Согласно Вильгельму фон Гумбольдту мышление не просто зависит от языка вообще, но до известной степени оно определяется каждым отдельным языком. И чем сильнее воздействие национального духа на язык, тем богаче развитие последнего. Язык помогает человеку познавать мир, и в то же время это познание зависит от языка. Таким образом, Вильгельм фон Гумбольдт ставит вопрос о языковых картинах мира, высказывая точку зрения о том, что многое в представлении каждого человека о мире обусловлено его языком; эта проблематика была позднее развита Бенджамином Ли Уорфом и др. [1, 205].

Несмотря на популярность данных идей, не у всех учёных они встречают одобрение. Так, Умберто Эко выступил с критикой данной концепции. По мнению Эко, перевод происходит не между системами, а между текстами. И если бы перевод касался бы только отношений между двумя лингвистическими системами, следовало бы принять точку зрения тех, кто считал, что естественный язык навязывает говорящему на нем собственное видение мира, и эти видения мира несоизмеримы друг с другом, и потому перевод с одного языка на другой невозможен [6, с. 42–43].

Подобная критика, однако, может считаться необоснованной, прежде всего потому, что наличие своей языковой картины мира у каждого отдельного народа вовсе не исключает возможность перевода с одного языка на другой [1, с. 184]. Разумеется, с некоторыми потерями, что, впрочем, неизбежно. Кроме того, сам Вильгельм фон Гумбольдт подчёркивал, что опыт перевода с различных языков, а также использование самого примитивного и неразвитого языка показывают, что, пусть даже с различной точностью, каждая мысль может быть выражена в любом языке. Следует отметить также, что Гумбольдт говорил о философских общеязыковых законах, являющихся общими и для лингвистики вообще, и для теории перевода в частности, поскольку звучащая речь или тексты, с которым работает переводчик, есть не что иное, как порождение лингвистической системы. Таким образом, высказывание У. Эко можно считать правомочным, только если рассматривать процесс перевода, оставаясь в рамках теории перевода, служащей решению практических задач.

В данной статье предлагается рассмотреть основные аспекты проблемы переводимости на основе сопоставительного анализа примеров из романа «Заводной апельсин» Энтони Бёрджесса и его переводов на русский язык, один из которых выполнен Е. Синельщиковым, другой — Б. Бошняком. Особенностью романа Бёрджесса является использование вымышленного сленга «надсата», имеющего преимущественно русскую основу. Название языка — модифицированное окончание русских числительных от «одинадцати» до «девятнадцати». Объясняется это тем, что носителями надсата в «Заводном апельсине» были подростки (*nadtsatyje*) — «тинейджеры» (*teenagers*, буквально «надцатилетние»; или сокращённо — «тины», *teens*).

Большинство слов надсата представляет собой записанные латиницей и при этом иногда искажённые слова русского языка (*droog* «друг», *litso* «лицо», *viddy* «видеть»), но есть и заимствования из иных источников (например, лондонского сленга *кокни*), а также слова, выдуманные самим автором. Бёрджесс стремился создать сленг, который бы существовал вне времени и не подчинялся бы веяниям моды, и для этого он взял за основу слова незнакомого для англоязычного читателя языка. Бёрджесс хотел, чтобы читатель сам догадался о значении иноязычных слов по контексту, поэтому не включил

в книгу глоссарий. Впрочем, некоторые пояснения он даёт прямо в тексте, например: *a rooker* (*a hand, that is*), *litso* (*face, that is*), *shoulders* (*'pletchoes' we called them*).

Персонажи романа говорили о жаргоне следующее:

«— Эк ведь загнул, — покачал головой доктор Бродский, улыбаясь одними губами. — Язык племени мумба-юмба. Вам что-нибудь известно о происхождении этого наречия, а, Браном?»

— Да так, — пожал плечами доктор Браном, который уже не строил из себя моего закадычного друга. — Видимо, кое-какие остатки старинного рифмующегося аргю. Некоторые слова цыганские... Н-да. Но большинство корней славянской природы. Привнесены посредством пропаганды. Подсознательное внедрение» (пер. В. Бошняка) [2, с. 136].

Сам же Бёрджесс так прокомментировал употребление русских слов: «Когда вы анализируете русские слова, — говорил Бёрджесс, — это звучит странно и придаёт речи персонажей иронический эффект. Это был чисто музыкальный выбор, без какого бы то ни было политического подтекста». Бошняк, однако, склонен предполагать, что такой подтекст есть. Переводчик отмечает, что в других, имеющих явную политическую окраску, романах («Трепет намерения», «Клубничка для медведей») действие происходит на территории СССР, в частности, в Ленинграде. Бёрджессу также довелось побывать в Ленинграде, и ему там не очень понравилось. Вероятно, именно поэтому в тексте «Заводного апельсина» возникают такие названия, как: Парк Победы, магазин «Мелодия» [2, с. 222].

Перевод слов надсата на русский язык представляет серьёзную проблему главным образом потому, что они имеют русскую основу, и читатель распознаёт их без особого труда. Чтобы посмотреть, как В. Бошняк и Е. Синельщиков справились с поставленной прагматической задачей, предлагается провести сравнительный анализ переводов следующего отрывка:

«What's it going to be then, eh?»

There was me, that is Alex, and my three droogs, that is Pete, Georgie, and Dim. Dim being really dim, and we sat in the Korova Milkbar making up our rassoodocks what to do with the evening, a flip dark chill winter bastard though dry. The Korova Milkbar was a milk-plus mesto, and you may, O my brothers, have forgotten what these mestos were like, things changing so skorry these days and everybody very quick to forget, newspapers not being read much neither. Well, what they sold there was milk plus something else. They had no license for selling liquor, but there was no law yet against prodding some of the new veshches which they used to put into the old moloko, so you could peet it with vellocet or synthemesc or drencom or one or two other veshches which would give you a nice quiet horrorshow fifteen minutes admiring Bog And All His Holy Angels and Saints in your left shoe with lights bursting all over your mozg. Or you could peet milk with knives in it, as we used to say, and this would sharpen you up and make you ready for a bit of

dirty twenty-to-one, and that was what we were peeting this evening I'm starting off the story with.

Our pockets were full of deng, so there was no real need from the point of view of crasting any more pretty polly to tolchok some old veck in an alley and viddy him swim in his blood while we counted the takings and divided by four, nor to do the ultra-violent on some shivering starry grey-haired ptitsa in a shop and go smecking off with the till's guts. But, as they say, money isn't everything.

The four of us were dressed in the height of fashion, which in those days was a pair of black very tight tights with the old jelly mould, as we called it, fitting on the crotch underneath the tights, this being to protect and also a sort of a design you could viddy clear enough in a certain light, so that I had one in the shape of a spider, Pete had a rooker (a hand, that is), Georgie had a very fancy one of a flower, and poor old Dim had a very hound-and-horny one of a clown's litso (face, that is). Dim not ever having much of an idea of things and being, beyond all shadow of a doubting thomas, the dimmest of we four. Then we wore waisty jackets without lapels but with these very big built-up shoulders ('pletchoes' we called them) which were a kind of a mockery of having real shoulders like that. Then, my brothers, we had these off-white cravats which looked like whipped-up kartoffel or spud with a sort of a design made on it with a fork.» [7, с. 2–3].

Этот короткий отрывок является очень показательным, поскольку он уже даёт общее представление о литературных приёмах, использованных автором. В первую очередь, здесь следует говорить о приёме транскрипции, к которому Бёрджесс прибегнул, воспроизводя звучание русских слов (*peet*, *litso*, *ptitsa*).

Во-вторых, необходимо обратить внимание на фонетико-морфологические преобразования русских слов. Некоторые существительные (*korova*, *mesto*, *moloko*, *mozg*, *tolchok*, *ptitsa*, *litso*, *kartoffel*) заимствованы из русского языка в форме именительного падежа, а глаголы, как, например, *peet* (*пить*) — в инфинитиве. При этом многие слова изменяются по правилам английского языка. Например, существительные *droogs*, *rassoodocks*, *mestos*, *veshches*, *pletchoes* образуют форму множественного числа путём добавления *-s* (*es*).

Согласно правилам английского словообразования к отдельным основам русских слов добавляются суффиксы *-er* (*rooker* — рука), *-y* (*viddy* — видеть, *skoggy* — скоро) и др. Бёрджесс также использует глагол *peet* в видо-временной форме Past Continuous, а также герундий *crasting*. В обоих случаях к инфинитивам добавляется окончание *-ing*. Налицо и некоторое фонетическое искажение русских слов: *deng* — вместо *deneg* (денег), *smecking* — вместо *sme-khing* (смеясь). Некоторые русские слова Бёрджесс разбивает на два слова, а затем употребляет только вторую часть, например: *chelo vek*, *stari kashka*.

Также следует отметить то, что некоторые слова употребляются в значении других частей речи. Так, в словосочетании *a nice quiet horrorshow* слово *horrorshow* иг-

рает роль существительного, в то время как в русском языке *хорошо*, в зависимости от контекста, может быть наречием или прилагательным.

Рассмотрев грамматические особенности данного отрывка, мы переходим к анализу его лексико-семантических характеристик. Как можно видеть, слова вымышленного сленга соседствуют с разговорными выражениями и сниженной лексикой, как, например: *a flip dark chill winter bastard though dry* (в переводе Бошняка: *подлый такой, холодный и сумрачный зимний вечер, хотя и сухой*), *sharpen up* (от него шёл *tortsh*), *ready for a bit of dirty twenty-to-one go* (хотелось *dratsing*, хотелось *gasitt* кого-нибудь по полной программе), *off with the till's guts* (с содержимым кассы), *a very hound-and-horny one* (некто вовсе *паскудное*), *a doubting thomas* (он вообще соображал слабо), *my brothers* (блин), *spud* (на сленге «картофелина»). Бёрджесс также приводит названия выдуманных им синтетических наркотиков: *vellocet or synthemesc or dren crom* (велосет, дринкром, синтемеск).

Повествование в романе ведётся от лица Алекса, и, в целом, оно выдержано в относительно нейтральном стиле (разумеется, если не учитывать использование слов надсата, разговорной и сниженной лексики), что хорошо отражено в переводе В. Бошняка.

Перевод В. Бошняка:

«— Ну, что же теперь, а?»

Компания такая: я, то есть Алекс, и три моих *druga*, то есть Пит, Джорджик и Тём, причем Тём был и в самом деле парень тёмный, в смысле *glupyj*, а сидели мы в молочном баре «*Korova*», шевеля *mozgoi* насчет того, куда бы убить вечер — подлый такой, холодный и сумрачный зимний вечер, хотя и сухой. Молочный бар «*Korova*» — это было *zavedenije*, где давали «молоко-плюс», хотя вы-то, *блин*, небось уже и запомнили, что это были за *zavedenija*: конечно, нынче ведь все так скоро меняется, забывается прямо на глазах, всем *plevatt*, даже газет нынче толком никто не читает. В общем, подавали там «молоко-плюс» — то есть молоко плюс кое-какая добавка. Разрешения на торговлю спиртным у них не было, но против того, чтобы подмешивать кое-что из новых *shtutshek* в доброе старое молоко, закона ещё не было, и можно было *pitt* его с велосетом, дрен-кромом, а то и еще кое с чем из *shtutshek*, от которых идёт тихий *baldiozh*, и ты минут пятнадцать чувствуешь, что сам Господь Бог со всем его святым воинством сидит у тебя в левом ботинке, а сквозь *mozg* проскакивают искры и фейерверки. Ещё можно было *pitt* «молоко с ножами», как это у нас называлось, от него шёл *tortsh*, и хотелось *dratsing*, хотелось *gasitt* кого-нибудь по полной программе, одного всей *kodloi*, а в тот вечер, с которого я начал свой рассказ, мы как раз это самое и пили.

Карманы у нас ломились от *babok*, а стало быть, к тому, чтобы сделать в переулке *toltshok* какому-ни-

будь старому *hanyge*, *obtriasi* его и смотреть, как он плавает в луже крови, пока мы подсчитываем добычу и делим её на четверых, ничто нас, в общем-то, особенно не понуждало, как ничто не понуждало и к тому, чтобы делать *krasting* в лавке у какой-нибудь трясущейся старой *ptitsy*, а потом *rvatt kogti* с содержимым кассы. Однако недаром говорится, что деньги это ещё не всё.

Каждый из нас был *prikinut* по последней моде, что в те времена означало пару черных штанов в обилку со виштой в шагу железной чашкой, вроде тех, в которых дети пекут из песка куличи, мы её так песочницей и называли, а пристраивалась она под штаны как для защиты, так и в качестве украшения, которое при определённом освещении довольно ясно вырисовывалось, и вот, стало быть, у меня эта штучковина была в форме паука, у Пита был *ruker* (рука, значит), Джорджик этакую затейливую раздобыл, в форме *tsvetujotshka*, а Тём додумался присобачить нечто вовсе паскудное, вроде как бы клоунский *morder* (лицо, значит), — так ведь с Тёма-то какой спрос, он вообще соображал слабо, как по *zhizni*, так и вообще, ну, тёмный, в общем, самый тёмный из всех нас. Потом полагались еще короткие куртки без лацканов, зато с огромными накладными плечами (*s myshtsoi*, как это у нас называлось), в которых мы делались похожими на карикатурных силачей из комикса. К этому, блин, полагались ещё галстучки, беловатенькие такие, сделанные будто из картофельного пюре с узором, нарисованным вилкой».

Комментируя свой вариант перевода слов надсата, В. Бошняк писал: «...переводчик вынужден прибегнуть к достаточно условному приёму выделяя в русском тексте слова, относящиеся к русскоязычному жаргону персонажей, латиницей, чтобы, во-первых, продемонстрировать их непосредственную перенесённость из текста оригинала, а во-вторых, заставить читателя слегка поломать над ними голову. Латиница нужна ещё и для того, чтобы эти «жаргонные» слова как можно резче отличались от тех же слов, но встречающихся в обычной, не жаргонной речи (в нейтральных описаниях, в речи взрослых персонажей и т.д.) Тем более что лексически полностью отграничить их невозможно, поскольку в основном персонажи в качестве жаргонных используют обычные русские общеупотребимые слова типа «мальчик», «лицо», «чай» и т.д. Это совершенно естественно, так как англоязычным подросткам нет смысла выбирать из всего русского языка какие-либо особые словечки — на жаргон годится любое иностранное слово, и в первую очередь как раз простое и наиболее употребимое» [2, с. 222–223].

Данный перевод полностью отвечает всем требованиям эквивалентности и адекватности. Стиль оригинала выдержан очень точно, чего, впрочем, нельзя сказать о переводе Синельщикова (об этом речь пойдёт ниже). Однако, несмотря на то, что переводчик старался выделить слова надсата и для этого записал их латиницей, они, к

сожалению, теряются среди других жаргонных слов. Это привело к тому, что надсат в переводе Бошняка воспринимается как странный, ни на что не похожий, сленг только лишь зрительно. При этом читатель задерживает своё внимание на этих словах совсем недолго, поскольку все они хорошо ему знакомы. А то, что среди слов надсата встречаются и обычные жаргонные слова (*prikinut*, *rvatt kogti*, *hanyga*, *obtriasi*, *babki*, *kodla*, *plevatt*) ещё больше сбивает с толку.

Особенно чётко это видно, когда Алекс беседует с другими персонажами, которые не знают надсата, но также говорят на сленге. И Алекс, продолжая употреблять слова надсата, тем не менее, перенимает их стиль:

«Я вынул *deng* заплатить, и тут одна из *kisk* сказала:

— И кто это к нам пришел? И чем это он *обарахлился*? — У мелких *kisk* была своя манера *govoriting*. — Кто у тебя в прихвате, папик? «Хевен Севентин»? Люк Стерн? «Гоголь-Моголь»? — И обе захихикали, *вихляя popami*.

Тут вдруг мне пришла идея, я прямо что чуть в осадок не выпал от пронзительного предвкушения, да, *блин*, я аждохнуть не мог секунд десять. Пришёл в себя, *ощерил* свои недавно чищенные *zubbja* и говорю:

— Что, сестрички, *оттягиваетесь* пилить диск на скрипучей телеге? — А я уже заметил, что пластинки, которые они купили, сплошь был всяческий *nadtsatyj kal*. — Наверняка же у вас какие-нибудь портативные *fuflovuje* *крутилки*. — В ответ на это они только горестно выпятили нижние губки. —

Дядя щас добрый, — сказал я, — дядя *даст вам их послушать putiom*. Услышите ангельские трубы и дьявольские тромбоны. Вас приглашают. — Я вроде как поклонился» [2, с. 53–54].

Сравним с оригиналом:

«I fumbled out the *deng* to pay and one of the little *ptitsas* said:

«Who you *getten, bratty*? What *biggy*, what only?» These young *devotchkas* had their own like way of *govoreeting*. «The Heaven Seventeen? Luke Sterne? Goggly Gogol?» And both giggled, *rocking and hippy*. Then an idea hit me and made me near fall over with the anguish and ecstasy of it, O my brothers, so I could not breathe for near ten seconds. I recovered and made with my new-clean *zobbies* and said: «What you got back home, little sisters, to play your *fuzzy warbles* on?» Because I could *viddy* the discs they were buying were these *teeny pop veshches*. «I bet you got little save tiny portable like picnic spinners.» And they sort of pushed their lower lips out at that. «Come with uncle,» I said, «and hear all proper. Hear angel trumpets and devil trombones. You are invited.» And I like bowed. [7, с. 36].

Делая вывод из вышесказанного, следует отметить, что запись русских слов латиницей, заимствование переводчиком некоторых слов надсата из оригинала, а также, ис-

пользование жаргонной лексики, записанной латиницей, в качестве приёма компенсации может считаться адекватным вариантом перевода слов надсата. Однако это не помогает воссоздать текстовую ситуацию оригинала.

Теперь рассмотрим второй вариант перевода первого отрывка:

Перевод Е. Синельщикова:

«Скучна-а-а! Хочется выть. Чего бы такого сделать?»

Это — я, Алекс, а вон те три **ублюдка** — мои **фрэндз***: Пит, Джорджи (он же Джоша) и Кир (Кирилла-дебила).

Мы сидим в молочном баре «**Коровяка**», **дринкинг**, и **токинг**, и тин-кинг, что бы такое отмочить, чтобы этот прекрасный морозный вечер не пропал даром. «**Коровяка**» — место обычной нашей тусовки — **плейс** как **плейс**, не хуже и не лучше любого другого. Как и везде, здесь **серв** обалденное синтетическое молоко, насыщенное незаметным белым порошком, который менты и разные там умники из контрольно-инспекционных комиссий никогда не распознают как **дурик**, если только сами не попробуют. Но они предпочитают **вискарь-водяру** под одеялом...

Фирменный коровий напиток поистине хорош. После каждой дозы минут пятнадцать видишь небо в алмазах, на котором трахается Бог со своими ангелами, а святые дерутся, решая, кто из них сегодня будет декой Марией...

Я и мои **фрэндз** как раз заканчиваем по четвертой **поршн**. **Покеты** у нас полны **мани**, так что отпадает наш обычный **эмьюзмент трахнуть по хэду** или **подрезать** какого-нибудь **папика** и **уотч**, как он будет **свимать** в луже собственной **блад** и **юрин**, пока мы чистим его карманы. Не надо также **пэй визит** какой-нибудь старухе еврейке в ее **шопе** и сажать ее верхом на кассу, выгребая у нее на глазах дневную выручку.

Но! Как говорится, **мани** не главное. Хочется чего-нибудь для души.

Весь мой **кодляк** **дресст** по последней **фэшн** — в черных, облегающих, как вторая кожа, **багги-уош**. Приталенные куртецы без **сливзов**, но с огромными накладными **шоулдерами** почти вдвое увеличивают размах наших далеко не хилых плеч. А маховики у нас что надо, особенно у Кира — так природа компенсировала недостаток ума у этого **сучьего потроха**. У всех на ногах тяжелые армейские кованые бутсы — незаменимая вещь в **файтинге**» [3, с. 1–2].

Здесь можно увидеть, что в своём переводе Е. Синельщикова заменил русские слова жаргонными американскими (**фрэндз**, **плейс**, **покеты**, **мани**, **файтинг**, **блад**, **сливзы**, **пэй визит**, **серв** т.д.), но недостатком такого варианта перевода является то, что английские слова слишком хорошо знакомы многим русскоязычным читателям и активно используются в русском сленге. Кроме

того, активное использование сниженной и грубой лексики (**дурик**, **вискарь-водяра**, **кодляк**, **сучий потрох**, **кодляк**, **папик**, **ублюдок**) привело к тому, что смысл текста исказился. Переводчик также позволил себе внести некоторые добавления, например: «...синтетическое молоко, насыщенное незаметным белым порошком, который менты и разные там умники из контрольно-инспекционных комиссий никогда не распознают как **дурик**, если только сами не попробуют. Но они предпочитают **вискарь-водяру** под одеялом...»; «...на котором трахается Бог со своими ангелами, а святые дерутся, решая, кто из них сегодня будет декой Марией...».

Также стоит отметить, что помимо появления в переводе новых оттенков смысла, речь главного героя, за счёт использования грубой лексики, перестала напоминать речь подростка и стала походить на речь взрослого мужчины.

Итак, рассмотрев два варианта перевода слов надсата с записью русских слов латиницей и использованием жаргонных американизмов, мы хотели бы поговорить о возможности создания собственного надсата.

В. Бошняк писал, что в его переводе исключалась «любая возможность «зеркальной» замены русскоязычного «жаргона» словами, заимствованными, например, из английского (или какого-либо другого) языка» [2, с. 222–223].

Это кажется нам не вполне правомочным. Прежде всего, потому, что надсат задумывался как совершенно новый сленг, на который не оказывает влияние мода. Именно поэтому заимствования из другого языка для создания нового сленга являются вполне допустимыми. Кроме того, узнавание транслитерированных и изменённых слов в русском переводе хоть и требует определённых усилий, но в целом даётся русскоязычному читателю довольно легко. И трудности, с которыми сталкивается читатель перевода, совершенно не сопоставимы с трудностями читателя оригинала. На наш взгляд, основная **прагматическая задача** перевода такого текста состоит в том, чтобы воссоздать для читателя перевода те условия, в которые поставили читателя оригинала.

Как мы знаем, Бёрджесс взял за основу надсата слова русского языка, то есть языка восточной подгруппы славянской группы языков (согласно классификации А.А. Реформатского) [5, с. 414–417]. Мы же предлагаем создать в русском переводе романа сленг на основе немецкого языка, относящегося к западногерманской подгруппе германской группы (тем более что английский язык также принадлежит к данной подгруппе). Ниже, в качестве примера, мы приводим собственный перевод небольшого отрывка:

« — Блин, что бы такое поделать-таа?»

Все мы, то есть я, Алекс, и три моих **фройнда** — Пит, Джорджик и наш Тём-тягодум сидели в баре «**Кумильх**», ломая **копфы** над тем, куда бы нам по-даться сегодня вечером, таким отвязным, хоть и

сухим, холодным зимним вечерком. Бар «*Кумильх*» — это было такое **плацхен**, где можно было поживиться молоком с наворотами, но вы-то, чёрт возьми, уж и насмерть забыли, что это были за **плацхены**. Чего там, всё так лихо меняется, **шнель** — одно слово, да все и не очень-то бошки себе забивают — газеты по боку. Так вот, подавали там молоко с кое-чем ещё. На спиртное у них разрешения не было, а вот добавлять всякие **штюкены** в старое доброе молоко не запрещалось. И можно было его **тринкать** с велосетом, синтемеском и дренкромом, или с такими **штюкенами**, от которых ты тихо **отштекивался** минут на пятнадцать, чувствуя, что сам господь бог со всеми святыми у тебя в левом ботинке, а в твоём **копфе** вспыхивают и пробегают искры. Ещё можно было **тринкать** молоко с ножами, от которого тебя изрядно встряхивало, и так и подмывало хорошенько кому-нибудь наподдать. И в тот вечер, с которого я начинаю свой рассказ, мы именно это и **тринкали**.

Благодаря этому приёму, читатель перевода, так же, как и читатель оригинала, будет вынужден догадываться

о смысле слов по контексту. Или же попытается отыскать их в словаре, как, вероятно, поступали и некоторые читатели оригинала.

Таким образом, проведя сопоставительный анализ переводов, выполненных В. Бошняком и Е. Синельщиковым, можно сделать вывод о том, что перевод В. Бошняка является адекватным, в то время как перевод Е. Синельщикова явно не отвечает требованиям исчерпывающей передачи коммуникативного эффекта исходного текста. Рассмотрев достоинства и недостатки обоих вариантов перевода сленга, мы предложили свой вариант перевода слов надсата, который может быть раскритикован противниками «зеркальной» замены русскоязычного жаргона. Для создания надсата мы использовали слова немецкого языка. Некоторые слова были заимствованы полностью и записаны кириллицей. Отдельные формы были несколько искажены и изменены в соответствии с парадигмой русского языка. На наш взгляд, создание нового сленга при переводе данного текста совершенно необходимо, поскольку именно это может поспособствовать решению главной прагматической задачи.

Литература:

1. Алпатов В.М. «История лингвистических учений». Учебное пособие для вузов. — 4-е изд. испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 368 с.
2. Бёрджесс Э. «Заводной апельсин» / Пер. В. Бошняка. — М.: АСТ: Астрель, 2011 — 222 с.
3. Бёрджесс Э. «Заводной апельсин» / Пер. Е. Синельщикова — журнал «Юность» No 3,4 — 1991
4. Комиссаров В.Н. «Современное переводоведение». Учебное пособие. — М.: ЭТС. — 2002. — 424 с.
5. Реформатский А.А. «Введение в языковедение» / под ред. В.А. Виноградова. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 536 с.
6. Эко У. «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» / Перев. с итал. А.Н. Ковалёва. — СПб.: «Симпозиум», 2006 — 574 с.
7. Burgess A. «A Clockwork Orange», UK, Penguin Books Ltd, 2001 — 176 p.
8. Quintilianus, Marcus Fabius «De l'institution de l'orateur». Paris: Barbou, 1803

Когнитивно-прагматический аспект терминов-синонимов и их перевод

Митрофанова Зинаида Ивановна, кандидат филологических наук, доцент
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

Весьма сложный когнитивно-прагматический аспект терминов, определяемый их языковыми характеристиками: многозначностью, определенностью / неопределенностью референции, системой синонимических отношений, реализуемой в профессионально-ориентированном дискурсе, а также экстралингвистическими факторами: контекстом и ситуацией, взаимоотношениями коммуникантов, общими фоновыми знаниями, коммуникативными целями и намерениями говорящего, (его стратегией и тактикой), обуславливает особенности их перевода с одного языка на другой, с иностранного языка на русский и с русского на иностранный. Ниже рассматриваются некоторые особенности перевода терминов-сино-

нимов с английского языка на русский и с русского на английский в профессиональном дискурсе при полном или частичном, но достаточном и допустимом, соблюдении принципов речевого общения.

Синонимия, как тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений [3, с. 446], свойственна и терминам, терминологическим единицам. Выделяемые, соответственно, в лингвистической литературе различные типы синонимов: полные (абсолютные) и частичные (относительные), семантические (идеографические), стилистические и семантико-стилистические [3, с. 446], присущи также и терминам. Термины-синонимы, пред-

ставленные указанными выше типами, также как и другие лексические единицы, образуют синонимический ряд (или парадигму) с определенной доминантой, который может совпадать и не совпадать в разных языках, что создает свои особенности перевода терминов-синонимов. При этом следует также учитывать особенности вариантов одного и того же языка, в частности, Британского и Американского английского, так как термин с одной и той же буквенно-звуковой формой может иметь разные значения в этих вариантах и входить в разный терминологический синонимический ряд. Рассмотрим ниже ряд случаев перевода терминов-синонимов.

I. Парадигма полных терминов-синонимов, способных замещать друг друга в тексте, может быть представлена терминами-синонимами Британского, Американского вариантов и терминами со значениями, общими для обоих вариантов. Так, в предложении — *People who own **stocks** and **bonds** are referred to as **investors** or, respectively, **stockholders** (shareholders) and **bondholders*** [2, с. 56] — полные термины-синонимы **investors** — **stockholders** — **shareholders**, составляющие синонимическую парадигму, употребляются здесь в следующих значениях: **investor** — **брит., амер.** 1 инвестор, вкладчик (капитала); 2. владелец ценных бумаг; **stockholder** — **амер.** владелец акций, акционер; (сравните **англ.** владелец **государственных ценных бумаг**, владелец **облигаций**); **shareholders** — **англ.** акционер (**share** — **англ.** акция), хотя в этом значении, а также в значении «пайщик» употребляется в обоих вариантах (что отражено в скобках в приведенном предложении). В переводе на русский язык синонимический ряд может быть представлен в более широком и узком варианте, что не влияет на информативность предложения — 1. Людей, владеющих **акциями** и **облигациями**, называют **вкладчиками** (владельцами ценных бумаг) или, соответственно, **акционерами** (пайщиками) и **облигационерами**. 2. Людей, владеющих **акциями** и **облигациями**, называют **вкладчиками** или, соответственно, **акционерами** и **облигационерами**.

Особенность данных терминов-синонимов составляют также отношения гиперонимии и гипонимии: **investors** — гипероним, **stockholders** (**shareholders**) — полные синонимы-гипонимы, являющиеся членами одной более узкой синонимической парадигмы, и гипероним **investors** и гипоним **bondholders**, представляют другую более узкую синонимическую парадигму. Гипонимы при общем гиперониме могут рассматриваться как частичные синонимы, способные заменять друг друга лишь в очень специфическом контексте, а в более общем контексте, не требующем конкретизации (или при неэквивалентном переводе) их значения и денотаты могут быть переданы общим значением синонимической доминанты — гиперонима — **инвесторы** (**инвестиции**). Целью рассматриваемого высказывания и его перевода является раскрытие понятия **investors** через термины-синонимы **stocks** and **bonds** — **stockholders** — **shareholders**; предметно-логическая информация, содержащаяся в высказывании и употребля-

емых в ней терминах-синонимах, передана на русском языке при полном соблюдении Принципа Кооперации Г.П. Грайса со всеми его постулатами-категориями Количества, Качества, Отношения, Способа [1, 222–223].

II. Синонимический ряд терминов исходного языка (ИЯ), обозначающих различные стороны и признаки какого-либо явления, бывает представлен словами, очень близкими по значению, но сохраняющими свои смысловые нюансы, свои дифференциальные признаки, что представляет определенные трудности для осуществления эквивалентного перевода. Наиболее благоприятный случай имеет место при совпадении синонимических рядов терминов ИЯ и ПЯ, как, например, в следующих отрывках, взятых из оригинальной английской статьи.

Set on the east-west divide

It is the sickly public sector that is holding Turkey back...

1. Public finances are **collapsing** — interest payments on the government's debts will probably consume nearly two thirds of revenues next year — and with them the state's ability to provide basic services. — Государственные финансы **терпят крах** — уплата процентов по правительственным долгам, вероятно, съест почти две третьих доходов следующего года, — и вместе с этим лишит государство способности обеспечить основные услуги.

2. Mr Selim Oktar, general manager of Strateji-MORI, a polling company, worries about **deteriorating** social trends. — Мистер Селим Октар, главный управляющий компанией по опросу общественного мнения беспокоится об **ухудшающемся** социальном развитии (ухудшении социального развития).

3. Businessmen shrug at warnings of an impending balance of payments **crisis**, a financial market **collapse** or a surge of inflation as the government liquidates its mountain of local debt with a burst of monetisation. — Бизнесмены не обращают внимания на предупреждения об угрожающем **кризисе** платежного баланса, **крахе** финансового рынка или повышении инфляции, в то время как правительство ликвидирует накопившиеся локальные (местные) долги путем выпуска огромного количества денег.

4. Sympathy for political Islam rises as the quality of education **declines**, wages **fail to keep up** with inflation and disgust at the **decadence** of the corrupt secular state deepens. — Растет симпатия к политическому Исламу, так как качество образования **падает**, зарплата рабочих **не соответствует** инфляции, усиливается отвращение к **загниванию** (**декадансу**) коррупционного, светского государства.

5. Turkey's large, growing informal sector gives tremendous flexibility, enabling it to ride out a deep **recession** in 1994 with relatively little social trauma. — Обширный, растущий частный сектор Турции обладает чрезвычайной гибкостью, что позволило ей вырваться из **рецессии** (**экономического спада**) в 1994 лишь с незначительными потерями в социальной сфере.

6. The **paralysis** will continue until a new consensus emerges. — **Паралич** (экономики) будет продолжаться

до тех пор, пока не будет достигнут (не возникнет) новый консенсус (новое единогласие).

Some analysts think this will require a new generation of politicians, but Turkey has no time to waste [13, с. 1].

В приведенных выше отрывках ухудшение экономического положения в Турции весьма ярко отображается целым рядом следующих терминов-синонимов, которые можно расположить в виде синонимической парадигмы по степени интенсивности отражения ими общего признака:

declination n (падение, снижение, ухудшение) — **decline v (declines)** — (падать, снижаться, ухудшаться),

deterioration n (ухудшение, порча, разрушение) — **deteriorate v (deteriorating)** (ухудшаться, портиться, разрушаться)

failure n (неудача, провал) — **fail v** (терпеть неудачу (в делах))

decadence n (распад, загнивание, упадок, декаданс тер.) — **decay v** (загнивать, приходить в упадок)

crisis n (кризис, резкий крутой перелом)

collapse n, v (collapsing) (крах; потерпеть крах)

recession n (рецессия, (экономический) спад, упадок) — **recess v** — (ухудшаться, (с)падать),

paralysis n (паралич) — **paralyse v** (парализовать) [6, т.1–3; 9; 10, т.1–2].

Приведенный выше синонимический ряд терминов имеет своей доминантой общее значение **ухудшение ч-л** (здесь, экономического положения) — **declination, decline**. Приведенные выше синонимы имеют двойственную природу: с одной стороны, отражая существующее положение дел в экономике Турции, различные признаки этого положения, они представляют собой частичные семантические синонимы, с другой стороны, указывая на степень проявления признака, степень «ухудшения», они выражают оценку: объективную, в случае ее соответствия реальному положению дел, реальным параметрам, выполняя при этом когнитивно-аксиологическую функцию, или субъективную, обусловленную разными причинами, что составляет один из прагматических аспектов текста. Следует заметить, что термины одного специального дискурса, сохраняя свое общее значение, могут употребляться в фигуральном значении в другом специализированном дискурсе. Так, для выражения крайнего ухудшения положения в данном экономическом дискурсе употреблен медицинский термин **paralysis** — **паралич**, который именно в этом контексте, представляя собой метафорическое сравнение, естественно входит в состав рассмотренной выше синонимической парадигмы экономических терминов; термин **decadence** — **декаданс (загнивание, упадок)**, характерный для мира искусства получил распространение в своем транслитерированном переводе и в экономических текстах на русском языке. Данная или аналогичная синонимическая парадигма терминов может быть, собственно, рассмотрена как представляющая, своего рода, градуальную оппозицию, члены которой находятся в отношении контраста и взаимного дополнения, создавая эмоциональное напряжение, кульминацией которого в

рассматриваемом отрывке является термин **the paralysis**, завершающий образ страны в описываемый период ее экономического развития, образ, способный произвести определенный перлокутивный эффект на адресата в зависимости от его психофизиологических особенностей и его политико-религиозных и социальных воззрений. Употребление терминов-синонимов в данной аранжировке отражает речевую тактику автора статьи, применяемую для реализации его речевой и внеречевой стратегии, выраженной, собственно, в придаточном предложении времени сложно-подчиненного предложения 6 и в последнем предложении отрывка 6. *The paralysis will continue until a new consensus emerges, Some analysts think this will require a new generation of politicians, but Turkey has no time to waste, из которых следует логический и прагматический вывод с каузативным значением и имплицитной присутствующей директивной функцией: необходимо достижение нового консенсуса, необходимы немедленные действия, необходимо воспитать новое поколение политиков.* Для достижения эквивалентного перевода, а значит и точного описания представленной в исходном тексте картины, для более полной передачи информации требуется передать все смысловые оценочные компоненты, учитывая когнитивно-прагматические особенности терминов-синонимов и контекста их употребления, благо, что данная синонимическая парадигма ИЯ, практически, полностью совпадает с синонимической парадигмой РЯ.

III. Синонимический ряд терминов в исходном языке может соответствовать одному термину в переводящем языке, выражающем их доминантное денотативное значение, во многих контекстах деловой корреспонденции рассматривается как вполне достаточное, для достижения не только адекватного, но и эквивалентного перевода. Так, синонимы с общим значением **«исполнение, выполнение»** имеют различные оттенки: **execution** — исполнение планов, намерений; **fulfillment** — полнота реализации; **performance** — четкость выполнения, соответствие запланированному [7, с. 38]. На русский язык они переводятся термином, передающим общее значение.

1. If the Sellers delay the **execution** of an insignificant part of the Contract only, the rest of the Contract having been **fulfilled**, the Buyers shall have the right to cancel the **non-executed** part of the Contract. — Если Продавец задержит **выполнение (исполнение)** только незначительной части Контракта, при **выполнении** остальной части Контракта (а остальная часть Контракта при этом будет выполнена), Покупатель имеет право аннулировать **невыполненную** часть Контракта.

2. The tests of the equipment are **performed** according to the program agreed upon by the Parties. — Испытания оборудования, **выполнены (проведены, осуществлены)** соответственно программе, согласованной Сторонами.

Перевод синонимической парадигмы ИЯ одним словом на РЯ может объясняться тем, что дифференциальные признаки терминов-синонимов ИЯ, составляя часть се-

мантической структуры доминанты синонимического ряда в ПЯ эксплицируются и адекватно воспринимаются в контексте. При этом при переводе в целом также соблюдается Принцип Кооперации лишь с незначительным отклонением от категории Количества при строгом к нему подходе.

IV. Но при переводе тех же, или аналогичных терминов с русского на английский необходима экспликация дифференциальных различий терминов-синонимов для точной передачи ситуации с ИЯ с помощью ПЯ, ибо в переводящем языке эти дифференциальные признаки могут отсутствовать в общем значении доминанты синонимического ряда в силу ряда причин, одной из которых является разная словосочетаемость терминов-синонимов ИЯ и ПЯ.

Синонимические ряды, представленные следующими терминами: **compensation n — compensate v, recompense n — recompense v, — reimburse v, indemnification n — indemnify v** имеют своей доминантой слова, с наиболее широким значением и чаще употребляемые, и вошедшие в состав интернациональной лексики благодаря универсальности своего значения — **compensation n — compensate v**, соответственно, и переводятся все из них как **компенсация, возмещение — компенсировать, возмещать**, хотя каждое из них имеет свои дифференциальные признаки. **Reimbursement n** означает буквально «возврат в кошелек». Термин **indemnification n** имеет самое узкое применение и толкуется как «особый характер ущерба, причиненного в результате несчастного случая» [7, с. 37]. Если в переводе с английского на русский эти термины-синонимы и могут быть переданы терминами с общим значением «компенсация / компенсировать, возмещение / возмещать», то перевод с русского на английский требует выбора соответствующего термина-синонима в зависимости от контекста и его словосочетаемости, которые могут способствовать определению его «семантического фрейма», т.е. информации, обуславливающей функционирование данного термина-синонима в данной речевой ситуации, обеспечивающей его адекватную когнитивную обработку [5, с. 8, 65].

1. Ни одна из Сторон не имеет права требовать у другой Стороны какой-либо **компенсации** за случайные потери. — Neither Party shall have the right to demand any **compensation** for eventual losses from the other Party.

При переводе данного предложения, отражающем наиболее общую ситуацию, связанную с потерями, которые, как правило «восстанавливаются», употребляется доминанта синонимического ряда **compensation**, реализуемого в последующих предложениях.

2. В таком случае В/О **компенсирует** (в смысле, возмещит, вознаградит в ответ) согласованные расходы на выпуск фильма на экраны. — In such case V/O shall **recompense** the expenses in releasing the film agreed upon.

В данном высказывании активируется фрейм, вытекающий из контекста данного предложения и из фоновых знаний культуры — расходы стороны, выпускающей фильм, были согласованы с В/О, которая должна их возместить и вознаградить за труд.

3. «Фирма» гарантирует **компенсировать (возместить)** все потери, понесенные В/О. — The «Firm» guarantees **to reimburse** all losses suffered by V/O.

Выражение «все потери», предполагающее фрейм — опустошение (кошелька), лишение денег — определяет употребление термина синонима **to reimburse**.

4. Продавец **компенсирует (возмещит)** Покупателю все расходы и убытки, которые могут последовать. — The Sellers shall **indemnify** the Buyers for all expenses and damages which may be incurred.

5. Ни одна из сторон не имеет право на **компенсацию (возмещение ущерба)** за все потери, которые она может понести. — Neither Party shall be entitled to **indemnification** for any losses it may sustain.

Вытекающий из контекста высказываний 4 и 5 фрейм — предположение о потерях, убытках из-за возможных нежелательных обстоятельствах, несчастных случаях — обуславливает выбор в них термина-синонима **indemnify, indemnification**.

V. Перевод синонимичных терминов зависит и от профессионально-ориентированного дискурса. Если в одном профессионально-ориентированном дискурсе ряд терминов-синонимов могут быть переданы на переводящем языке лишь одной доминантой, что вполне удовлетворяет требованиям адекватного и даже эквивалентного перевода, в то другом профессионально-ориентированном дискурсе необходима экспликация дифференциальных признаков синонимичных терминов для точной передачи содержащейся в них и в спецдискурсе информации (и определения вытекающих из нее логического и прагматического вывода).

Так, в экономическом дискурсе (в контракте) синонимы **infringement / breach / violation**, соответственно **infringe** — нарушать, посягать, **breach** — нарушать, преступать, **violation** — нарушать, попираť переводятся одной доминантой **нарушение / нарушать**, не отражающей степень нарушения.

The equipment delivered under the present contract can be employed by the Buyers without any claims made against them by the third party and without any **infringement** on their rights. — Оборудование, поставленное по настоящему контракту, может быть использовано Покупателем, при этом без каких-либо претензий, предъявляемых третьей стороной и нарушения его прав.

Neither Party hereto shall be liable for a **breach** of any of the terms of the present agreement occasioned by force majeure. — К тому же, ни одна из Сторон не несет ответственности за нарушение любого из условий настоящего соглашения, вызванного форс-мажорными обстоятельствами (обстоятельствами форс-мажора) [7, с. 39].

В юридическом дискурсе синонимы-термины с доминантой **нарушение** должны быть переведены с учетом их дифференциальных признаков, отражающих степень и вид нарушения, отсутствующих в синонимической доминанте, что, в свою очередь, может определить последствия нарушения: степень наказания, предпринимаемые

меры и т.д. — **breach** 1. сущ. брешь, 2. гл. проламывать, преступать, нарушать; **infringe** 1. гл. преступать, посягать, нарушать; **violate** 1. гл. попираť, преступать, насильственно, грубо нарушать. [6, т.1–3, 10, т.1–2; 11, с. 1512]; **tort n, tortious act** — деликт, гражданское правонарушение; **trespass** — 1. **n** — противоправное нарушение владения с причинением вреда, посягательство, нарушение [8, с. 169, 237, 249, 250].

1. Damages for **breach** of contract may be nominal or substantial. Whether or not actual loss has been occasioned, a **breach** of contract is of itself actionable, and the awarding of nominal damages affirms that there has been an **infringement** of a legal right by the breach; but if actual loss as a result of the **breach** can be provided, the plaintiff is entitled to substantial damages. [5, с. 37] — Возмещение убытков (ущерба) за **несоблюдение (нарушение)** договора может быть номинально-символическим и фактическим (реальным). Независимо от того, был ли причинен фактический убыток, **несоблюдение (нарушение)** контракта дает основания для иска, и присуждение номинально-символических убытков подтверждает, что имело место **посягательство** на законное право (**нарушение** законного права) **несоблюдением (нарушением)** договора; но если фактический убыток может быть представлен (предъявлен), то истец имеет право на возмещение фактических убытков.

2. The use of torture **violates** international human rights laws, no matter what crime a person has committed. [12, с.

112] — Применение пыток **попирает (нарушает)** международные законы о правах человека, независимо от того, какое преступление он совершил.

3. And sometimes it is difficult to find a criminal law which covers a **tortious act**. For example, simply entering land without owner's permission is not a crime in English law. It is, however, the **tort of trespass**. The police cannot take any action unless the **trespasser** commits certain crimes such as displacing the legal occupier and refusing to leave, threatening violence, or damaging property [12, с. 51]. — И иногда трудно найти уголовное право, которое распространяется на **деликт (гражданское правонарушение)**. Например, просто зайти на земельный участок (земельное владение) без разрешения владельца не является преступлением в Английском праве. Однако, это **деликт противоправного нарушения владения с причинением вреда**. Полиция не может предпринять какое-либо действие, если **нарушитель владения** не совершает определенных преступлений, таких как изгнание законного владельца и отказ покинуть владение, угрожая насилием, или повреждением собственности.

Анализ языкового материала показал, насколько неоднозначен перевод терминов-синонимов с одного языка на другой, что обусловлено рядом языковых, лингвистических и экстралингвистических факторов и необходимостью передачи их когнитивно-прагматического аспекта для достижения эквивалентного перевода.

Литература:

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. — Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVI. — М.: Прогресс, 1985. — с. 222–223.
2. Ковтун Л.Г., Образцова Н.А. и др. Английский для банкиров и брокеров, менеджеров и специалистов по маркетингу. — М.: НИП «2Р», 1994. — с. 56.
3. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. Ярцевой В.Н. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — с. 446.
4. Назаров В. Курс юридического перевода по англо-американскому торговому. Пособие. — М.: ИОНОСЕРВ, 1994. — с. 37.
5. Новое в зарубежной лингвистике — вып. XXIII. — Когнитивные аспекты языка. Под ред. М.А.Оборина. — М.: Прогресс, 1988. — с. 8, 65.
6. Новый Большой Англо-Русский Словарь под ред. Ю.Д.Апресяна, Э.М. Медниковой. — т. 1–3. — М.: Русский язык, 1997.
7. Шалыпина С.С. Чтение и составление контрактов на английском языке. — М.: «P.S.», 1991. — с. 38, 39.
8. Berezenko Yu.F., Berezenko S.N., Chernobay D.M., Yatsenko I.S. New English-Russian Dictionary of Legal Terms. — Kiev: Euroindex Ltd., 1993. — с. 249, 250.
9. English-Russian Dictionary of Economics and Finance edited by A.V. Anikin. — St. Petersburg: The School of Economics Press, 1993.
10. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. — vol. I, II. — Oxford: Oxford University Press, 1974.
11. Language Activator. The World's First Production Dictionary. — UK: Longman, 2000. — с.1512, 1513.
12. Richard Powell. Law Today. — UK: Longman, 1993 — с. 112.
13. The Financial Times. — London.: The Financial Times Limited, 1996, December 6.

Предварительное исследование по теме «Перевод научного текста в рамках художественного произведения (на примере романа Майкла Крайтона «Парк юрского периода»)»

Уварова Ирина Андреевна, студент
Международный институт менеджмента ЛИНК

В данном исследовании проведем анализ перевода разного рода эпиграфов в романе М. Крайтона «Парк юрского периода». В романах М. Крайтона в больших объемах представлена лексика научного описания, что затрудняет процесс перевода. Целью нашего исследования является выявление того, как автор перевода передает коммуникативное задание языка оригинала, и описание проблем, с которыми сталкивается переводчик.

Нами были рассмотрены цитаты в исследуемом произведении, и мы будем объяснять их значимость в целом и значимость в рамках художественного произведения «Парк юрского периода».

Цитата (от лат. cito — вызываю, привожу), дословная выдержка из какого-либо произведения. Цитата применяется для подкрепления излагаемой мысли авторитетным высказыванием, как наиболее точная по смыслу её формулировка; для критики цитируемой мысли; в качестве иллюстрации — как ценный фактический материал (...) [9].

В разных типах текста цитаты выполняют различную функцию. Рассмотрим роль цитат в научном типе текста.

«Авторы научных произведений прибегают к цитатам для подтверждения своей мысли, разъяснения того или иного положения; реже приводят цитаты в начале изложения какой-либо теории, которые служат отправным пунктом рассуждения» [1].

С другой стороны, в художественном тексте роль цитат совершенно другая.

«В художественном тексте цитаты выступают в качестве реминисценции. Реминисценция предполагает воспроизведение (частично или достаточно полно) сюжетной схемы, фабульных ходов и идейно-тематической основы текста-источника» [2].

Теперь посмотрим, какова роль цитат в исследуемом нами художественном произведении.

Как показал наш анализ, в романе цитаты выступают в роли эпиграфов.

Эпиграфы приводятся как ко всему роману, так и к каждой главе. Для того чтобы понять роль эпиграфов, нам нужно рассмотреть роль, которую эпиграф играет в целом. Для этого нам потребуется определение термина.

Эпиграф (от греч. epigraphé — надпись), с 14 века короткий текст, помещаемый автором перед сочинением или его частью. Источниками эпиграфа служат произведения народного творчества, Библия, афористика, художественная литература, письма; иногда их создает сам автор. Эпиграф вносит дополнительную точку зрения на

предмет изображения, проясняя его смысл, указывает на традицию, к которой примыкает произведение [11].

Как показало проведенное нами исследование, эпиграфы отличаются с точки зрения источников цитат. С одной стороны, всему тексту романа предшествуют цитаты из работ существовавших ученых, а с другой стороны каждой из глав предшествуют цитаты из работ одного из вымышленных героев романа, который являлся математиком, занимающимся теорией хаоса.

Мы считаем, что источники цитат разные и их нужно рассмотреть в отдельности. Проанализируем перевод цитат, которые являются эпиграфами ко всему произведению.

Линней (Linnaeus) Карл (23.5.1707, Росхульт, — 10.1.1778, Упсала), шведский естествоиспытатель. Получил мировую известность благодаря созданной им системе растительного и животного мира [8].

Цитата приведена из одного из его научных трудов. В тот период биология, как наука, находилась в стадии формирования. «Становление науки в качестве специализированного вида познавательной деятельности было одновременно и процессом оформления профессионального языка науки. Исходным источником средств, с помощью которых этот процесс осуществлялся, был естественный язык повседневного межчеловеческого общения» [5].

Именно эта характерная особенность раннего этапа становления науки отражается в эпиграфе из Линнея, которую приводит М. Крайтон в своем романе:

«Reptiles are abhorrent because of their cold body, pale color, cartilaginous skeleton, filthy skin, fierce aspect, calculating eye, offensive smell, harsh voice, squalid habitation, and terrible venom; wherefore their Creator has not exerted his powers to make many of them.» Linnaeus, 1797 [7].

В представленном эпиграфе присутствуют многочисленные определения, употребление которых нацелено на произведение определенного впечатления того, что в романе речь будет идти о негативных вещах. Такой прием похож на метод синонимической конденсации, когда «употребление несинонимичных по своей сути слов в таком контексте, когда их семантические свойства полностью не реализуются и когда между ними происходит функциональное сближение в плане усиления общей экспрессивности высказывания» [4]. У Карла Линнея такое описание получилось ввиду неразвитого научного стиля описания, но на читателя этими определениями

производится впечатление чего-то неприятного и утраченного.

Теперь рассмотрим перевод.

«Рептилии вызывают омерзение своим холодным телом, блеклой окраской, извивающимся хрящевым хребтом, отвратительной кожей, зловонным видом, неподвижным взглядом, неприятным запахом. Они издают резкие звуки, обитают в гнилых местах и очень ядовиты, поэтому Создатель не особенно старался произвести их в большом количестве». Линней, 1797 [3].

Мы видим, что здесь переводчику удалось передать эмоциональную окраску определений и произвести нужный эффект на читателя.

Далее мы рассматриваем эпиграф Эрвина Чаргаффа.

«You cannot recall a new form of life.» Erwin Chagaff, 1972 [7].

Чаргафф (Chargaff) Эрвин (р. 11.8.1905, Черновицы, Австро-Венгрия), биохимик. (...) Основные труды по биохимии нуклеиновых кислот. Открыл видовую специфичность ДНК (...) [10].

Сопоставив оригинальный текст и перевод, мы заметили следующее.

«You cannot recall a new form of life.» Erwin Chagaff, 1972	«Возродить исчезнувшую с лица земли форму жизни — невозможно». Эрвин Чаргафф, 1972
--	--

В переводе мы наблюдаем две фактические ошибки:

1. To recall — to order someone to return to their country or the place where they work [6]. Значение глагола «отзывать, возвращать», у переводчика мы видим значение «возродить», которое он использует необоснованно.

2. «A new form of life» и «исчезнувшую с лица земли форму жизни» — здесь мы наблюдаем несоответствие оригинала и перевода.

Из этого можно сделать вывод, что у переводчика не получилось достичь коммуникативного задания, заложенного в оригинале, следуя из этого, ему не удалось произвести должного впечатления на читателя.

Так же следует обратить внимание на последнее предложение цитаты Линнея и цитату Чаргаффа.

Wherefore their Creator has not exerted his powers to make many of them	Поэтому Создатель не особенно старался произвести их в большом количестве.
You cannot recall a new form of life.	Возродить исчезнувшую с лица земли форму жизни — невозможно.

В оригинальном тексте явно прослеживается концепция всего романа, путем связывания первого эпиграфа и второго. Но если мы посмотрим на то, как был переведен глагол «to exert», мы заметим, что перевод также является неверным. У переводчика мы видим «не особенно старался произвести их в большом количестве», но автором смысл был заложен иной: to exert — to put to

use or effect [6], смысл совершенно другой, что «создатель вовсе не собирався сделать так, чтобы их получилось много».

У автора романа мы видим тесную связь между первой и второй цитатой, они дополняют друг друга и указывают нам то, что в рамках всего произведения из-за чьих-то допущенных ошибок, произойдет то, что не ожидалось и тем самым повлечет за собой некоторые последствия. Переводчик не справился с передачей коммуникативного задания приведенных, не видно связи между двумя цитатами и допущено множество фактических ошибок.

Теперь рассмотрим эпиграфы к каждой главе.

Эпиграфы являются цитатами к каждой главе, приведены они из работ, выдуманного героя, Яна Малкольма, ученый, математик, который занимается теорией хаоса. Так как эпиграфы являются цитатами из реплик вымышленного героя, мы попытались проверить, существуют они в действительности или нет. Все отсылки были только на роман Майкла Крайтона, из чего нами был сделан вывод, что в оригинале всего лишь стилизация под научный стиль.

Для того, чтобы понять роль этих эпиграфов, нужно сопоставить их друг с другом. Когда эпиграфы были выстроены в один ряд, то оказалось, что их роль заключается в том, чтобы прорисовывать основную сюжетную линию, таким образом, получается, что основная задача переводчика — показать основную сюжетную линию, а не напугать читателя математическими терминами.

Сперва рассмотрим цитаты в оригинале:

1. «At the earliest drawings of the fractal curve, **few clues** to the underlying mathematical structure **will be seen.**» Ian Malcolm;

2. «With subsequent drawings of the fractal curve, **sudden changes may appear.**» Ian Malcolm;

3. «**Details emerge more clearly** as the fractal curve is redrawn.» Ian Malcolm;

4. «**Inevitably, underlying instabilities begin to appear.**» Ian Malcolm;

5. «**Flaws in the system will now become severe.**» Ian Malcolm;

6. «**System recovery may prove impossible.**» Ian Malcolm;

7. «Increasingly, the mathematics will **demand the courage to face its implications.**» Ian Malcolm [7].

Хотя в цитатах присутствуют математические термины, которые совершенно неизвестны большинству читателей, ни англоговорящим, ни русскоговорящим, в этих цитатах основную роль играют слова понятные каждому и в переводе они являются главными. Основная коммуникативная задача эпиграфа в рассматриваемом нами произведении — прорисовать основную сюжетную линию, показать неизбежность негативных последствий. Роль эпиграфа должна приниматься во внимание и эпиграф должен быть переведен согласно его коммуникативному заданию.

В исследуемом нами произведении семь глав и, соответственно, семь эпиграфов. Рассмотрим эпиграфы в сравнении с их переводом.

«At the earliest drawings of the fractal curve, few clues to the underlying mathematical structure will be seen.» Ian Malcolm;	«Первоначально кривая дробной размерности практически не дает представления о структуре математической модели , которую она призвана выражать» Ян Малкольм	Основные слова, которые прорисовывают сюжет, стоят не на своем месте: few clues — рема, перевод этих слов должен стоять в конце предложения, поскольку на них приходится основная смысловая нагрузка. Но мы видим, что она стоит не на своем месте, от чего искажается смысловая структура предложения. Так же переводчиком добавлены слова, которых мы не наблюдаем в оригинальном тексте, этим переводчик имитирует научный стиль, что не является основной задачей.
«With subsequent drawings of the fractal curve, sudden changes may appear.» Ian Malcolm;	«При последующих представлениях дробной размерности могут появиться неожиданные изменения направления прямой» Ян Малкольм	Основные слова, которые прорисовывают сюжет, стоят не на своем месте: changes — рема, перевод этих слов должен стоять в конце предложения, поскольку на них приходится основная смысловая нагрузка. Но мы видим, что она стоит не на своем месте, от чего искажается смысловая структура предложения. Так же переводчиком добавлены слова, которых мы не наблюдаем в оригинальном тексте, этим переводчик имитирует научный стиль, что не является основной задачей.
« Details emerge more clearly as the fractal curve is redrawn.» Ian Malcolm;	«С каждым новым представлением кривой, структура модели становится все более и более подробной» Ян Малкольм	Основные слова, которые прорисовывают сюжет, стоят не на своем месте: details — рема, перевод этих слов должен стоять в конце предложения, поскольку на них приходится основная смысловая нагрузка. Но мы видим, что она стоит не на своем месте, от чего искажается смысловая структура предложения. Так же, перевод слова details неверный, что является фактической ошибкой и придает наукообразие тексту.
«Inevitably, underlying instabilities begin to appear.» Ian Malcolm;	Скрытые недостатки системы неизбежно начнут проявляться» Ян Малкольм	Основные слова, которые прорисовывают сюжет, стоят не на своем месте: underlying instabilities — рема, перевод этих слов должен стоять в конце предложения, поскольку на них приходится основная смысловая нагрузка. Но мы видим, что она стоит не на своем месте, от чего искажается смысловая структура предложения. Так же переводчиком добавлены слова, которых мы не наблюдаем в оригинальном тексте, этим переводчик имитирует научный стиль, что не является основной задачей.
« Flaws in the system will now become severe.» Ian Malcolm;	«Кривая показывает, что недостатки системы становятся все более и более серьезными» Ян Малкольм	Основные слова, которые прорисовывают сюжет, стоят не на своем месте: flaws — рема, перевод этих слов должен стоять в конце предложения, поскольку на них приходится основная смысловая нагрузка. Но мы видим, что она стоит не на своем месте, от чего искажается смысловая структура предложения. Так же переводчиком добавлены слова, которых мы не наблюдаем в оригинальном тексте, этим переводчик имитирует научный стиль, что не является основной задачей.
«System recovery may prove impossible.» Ian Malcolm;	«Восстановление системы может оказаться невозможным» Ян Малкольм	С переводом данного эпиграфа проблем не возникло.
«At the earliest drawings of the fractal curve, few clues to the underlying mathematical structure will be seen.» Ian Malcolm;	«Первоначально кривая дробной размерности практически не дает представления о структуре математической модели , которую она призвана выражать» Ян Малкольм	Основные слова, которые прорисовывают сюжет, стоят не на своем месте: few clues — рема, перевод этих слов должен стоять в конце предложения, поскольку на них приходится основная смысловая нагрузка. Но мы видим, что она стоит не на своем месте, от чего искажается смысловая структура предложения. Так же переводчиком добавлены слова, которых мы не наблюдаем в оригинальном тексте, этим переводчик имитирует научный стиль, что не является основной задачей.

Проанализировав все эпиграфы, мы пришли к выводу, что из-за того, что переводчик не принял во внимание коммуникативное задание всех эпиграфов, он выбрал неверную стратегию перевода, следовательно, все эпиграфы утратили свою роль в общей системе романа и не выполняют роль, которую придал автор своему произведению.

В дальнейшем в нашем исследовании мы будем продолжать рассматривать как передается переводчиком

коммуникативное задание, и какие другие проблемы встречаются с переводом текста. Мы считаем, что проблема перевода коммуникативного задания, является чрезвычайно важной, потому что переводчик должен обладать способностью и умением донести до читателя именно тот смысл, который закладывал сам автор произведения, любые искажения смысла — необоснованны.

Литература:

1. Голуб И.Б. «Стилистика русского языка. Учебное пособие».
2. Джанджакова Е.В. «Стилистика художественного прозаического текста (Структурно-семантический аспект)»: Учебное пособие для слушателей факультета переводческого мастерства и студентов переводческого факультета // Москва: Московский ордена Дружбы народов государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза. — 1990.
3. Майкл Крайтон «Парк юрского периода»: ЭКСМО-Пресс; Москва, 2001.
4. Рудакова А.В. «Работа с терминологическими синонимами и синонимическая конденсация как стилистический прием организации речи» // Современное образование: управление и новые технологии. Омск: ОмТГУ, 2000.
5. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». И.Т. Касавин. 2009.
6. Macmillan English Dictionary. A&C Black Publishers Limited. 2007.
7. Michael Crichton «Jurassic park»: Unuted States; 1990.
8. [http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Линней %Карл/](http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Линней/%Карл/)
9. <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Цитата/>
10. [http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Чаргафф %Эрвин/](http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Чаргафф/%Эрвин/)
11. <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Эпиграф/>

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Международная заочная научная конференция
г. Москва, май 2012 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.05.2012. Формат 60х90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6